

Виктор Цыганков

РОТА, ПОДЪЁМ!

Повести и рассказы

*Благодарю супругу Татьяну Алексеевну,
дочерей Юлю и Марину за понимание,
помощь, поддержку и безграничное терпение.*

Кемерово
2020

Содержание

Как молоды мы были. Повесть	3
-----------------------------------	---

90 минут. Повесть	48
-------------------------	----

РАССКАЗЫ

Отпуск	61
--------------	----

Банальная история	72
-------------------------	----

На улице Хрустальной	78
----------------------------	----

Он и она	84
----------------	----

Егорыч	96
--------------	----

Блэк булл	104
-----------------	-----

Ложечка	122
---------------	-----

Кирпичи	134
---------------	-----

Теория невероятностей	148
-----------------------------	-----

Борода	167
--------------	-----

*Посвящается курсантам 13 роты
Дальневосточного высшего инженерного училища
имени адмирала Г. И. Невельского
(командир роты – капитан третьего ранга Макухин Г. Ф.,
старшина роты – Таволжанский О. Г.).*

*Всему личному составу роты выражаю искреннюю
признательность за яркую и незабываемую молодость,
дружбу и жизненную поддержку!*

КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ

*В основу положены реальные события, происходившие
с курсантами 13 роты (1972–1977 годы обучения)
Дальневосточного высшего инженерного морского
училища имени адмирала Г. И. Невельского,
г. Владивосток.*

Прежде чем начать повествование о службе и жизни курсантов 13 роты, хотелось бы совершить экскурс в 70-е годы прошлого столетия, во Владивосток, на продуваемый всеми ветрами полуостров Шкота (в народном употреблении более распространено

П Р И К А З

НАЧАЛЬНИКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ВЫСШЕГО ИНЖЕНЕРНОГО
МОРСКОГО УЧИЛИЩА ИМЕНИ АДМИРАЛА Г.И. НЕВЕЛЬСКОГО

“19” августа 1972 г.

г. Владивосток

№ 623

На основании результатов вступительных экзаменов и решения
приемной комиссии (протокол от 19 августа 1972 г.)

П Р И К А З Ы В А Ю :

§ 1.

Зачислить курсантами I-го курса судоводительского факультета
по специальности 1608 “Эксплуатация водного транспорта” (13 рота):

- | | | |
|----------------------|-----------------------|------------------------|
| 1. АЛЕКСАНОВА А.И. | 15. КУДРИНА С.Л. | 29. СОРОКИНА С.В. |
| 2. АРХИПОВА В.П. | 16. КУНЧЕВСКОГО В.П. | 30. ТАВОЛЖАНСКОГО О.Г. |
| 3. БАЯНДИНА С.М. | 17. ЛАТЫШКИНА В.Ф. | 31. ТЕЖИКА В.Р. |
| 4. БУЛГАКОВА В.П. | 18. ЛИНКЕВИЧА П.С. | 32. ТИТОВА А.Д. |
| 5. ГОРЕНОСА М.И. | 19. МАРГАЧЕВА М.П. | 33. ТРОФИМИШИНА С.И. |
| 6. ГОРЕЛОВА В.А. | 20. МИКИРТУМОВА И.К. | 34. ФЕДОРЦОВА В.А. |
| 7. ГУСИНСКОГО А.Б. | 21. МЕЛЬНИКОВА А.Р. | 35. ФЕРАПОНТОВА Ю.Б. |
| 8. ДИВИНЦА А.Л. | 22. НОВИКОВА Л.В. | 36. ФРОЛОВА А.Б. |
| 9. ЕЖОВА С.Г. | 23. ПЕТЕЛИНА Н.А. | 37. ШАБАНОВА С.Е. |
| 10. ЗАЙКИНА П.А. | 24. ПИСЬМЕННОВА В.В. | 38. ШТЫКОВА П.В. |
| 11. ЗАЛУЦКОГО С.В. | 25. ПРОСТОЛУПОВА А.П. | 39. ЦЫТАНКОВА В.М. |
| 12. ЗЕРНИНА А.М. | 26. ПЫСТОГОВА А.В. | |
| 13. ИЛЬДЕРЯКОВА А.М. | 27. РЕЗНИКОВА И.Г. | |
| 14. КАШИРСКОГО А.В. | 28. САВУШКИНА Н.А. | |

§ 2.

Главному бухгалтеру и начальнику ОРСО ДВВИМУ поставить
зачисленных курсантов на все виды довольствия с 20 августа
1972 года.

И.О. НАЧАЛЬНИКА ДВВИМУ ИМЕНИ АДМИРАЛА
Г.И. НЕВЕЛЬСКОГО
К.Т.Н., Д О Ц Е Н Т


(Р. МЕЛЬНИКОВ)

другое его название – Эгершельд), где располагалось Дальневосточное высшее инженерное морское училище имени адмирала Геннадия Ивановича Невельского (ДВВИМУ). Это закрытое по тем временам учебное заведение Министерства морского флота СССР готовило кадры для гражданских морских судов пассажирского и грузового назначения. Однако наличие в училище военно-морской кафедры (ВМК) позволяло курсантам изучать и военную специальность, так что выпускники ДВВИМУ получали не только диплом квалифицированного инженера морского флота, но и воинское звание «Лейтенант Военно-морского флота СССР». Факультеты училища: судоводительский, судомеханический, электромеханический – готовили командный состав по всем специальностям плавсостава. В дополнение к этому на судоводительском факультете была открыта специальность «Эксплуатация водного транспорта» (ЭВТ) по подготовке кадров для управления морскими перевозками и организацией работы портов.

Чтобы быть зачисленными на первый курс училища, юноши – а набор велся исключительно из лиц мужского пола – должны были иметь среднее образование, успешно пройти медицинскую комиссию, сдать вступительные экзамены и пройти по конкурсу. Если отбросить требования к полу, состоянию здоровья и физподготовке абитуриентов, все остальное абсолютно соответствовало правилам поступления в другие высшие учебные заведения страны того времени.

Все пять лет обучения курсанты находились на полном государственном обеспечении – им гарантировались форменная одежда, трехразовое питание, место для проживания и даже небольшая стипендия: 10 руб. 50 коп. – обыкновенная, 12 руб. 50 коп. – повышенная, она причиталась отличникам учебы.

С момента зачисления в училище вся жизнь курсантов строго регламентировалась – от порядка ношения форменной одежды до распорядка дня.

Из числа поступивших на первый курс курсантов одной специальности формировались роты, коим присваивался порядковый номер на весь период обучения, например – 1 рота СВФ (судоводительского факультета), 17 рота ЭМФ (электромеханического факультета). Командирами рот назначались офицеры военно-морского флота, откомандированные для прохождения дальнейшей службы в распоряжение руководства училища. Старшинский состав роты и групп назначался командиром роты, как правило, из числа курсантов, отслуживших срочную военную службу.

Личный состав роты проживал компактно в одном ротном помещении – под него отводился один этаж типового пятиэтажного студенческого общежития. Курсанты проживали по 4 человека в комнатах, называемых по-флотски кубриками.

Командный состав училища, учитывая его закрытый профиль, состоял из двух категорий специалистов. Первая – гражданские лица, профессорско-преподавательский состав во главе с деканами. Вторая – действующие офицеры ВМФ в качестве преподавателей военно-морской кафедры и командиров учебных рот, руководство которыми осуществлял организационно-строевой отдел (ОРСО). Первая категория отвечала за профессиональную подготовку курсантов как инженеров гражданского флота, задача второй – подготовка офицеров ВМФ СССР и дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина, за нарушения которой и преподавательский, и офицерский составы имели право объявлять курсанту взыскания, в том числе – в виде нарядов на работы вне очереди. Не знаю почему, но это дисциплинарное наказание у преподавателей и офицеров было излюбленным рычагом воспитательного воздействия на курсантов. Старшины рот и групп тщательно вели учет всех полученных курсантом взысканий, тем самым добиваясь в сознании каждого понимания неотвратимости наказания за совершенные проступки.

В дополнение к тому курсанты и так постоянно находились в состоянии исполнения трудовой повинности, благодаря чему за период обучения успевали потрудиться на многих народно-хозяйственных объектах и города, и края, и родного училища. Недаром слово «курсант» для всех поколений парней, имеющих честь когда-либо так именоваться – от прадедов и до сегодняшних дней – имеет один и тот же глубоко закодированный смысл: **«Колоссальная Универсальная Рабочая Сила, Абсолютно Не желающая Трудиться».**

Итак, в августе 1972 года почти пять десятков здоровых, крепких, любящих море и не любящих дисциплину юношей были зачислены на первый курс по специальности «ЭВТ» и влились в состав 13 роты, сформированной годом ранее из числа студентов той же специальности. Через год после нас в роту влился еще один первый курс. В результате 13 рота сформировалась окончательно из трех курсов эвтэшников в количестве около ста пятидесяти курсантов, что соответствовало численному составу рот других факультетов. В географическом отношении – по местоположению малой родины курсантов на карте СССР – личный состав роты представлял практически весь огромный Союз: Калининград, Старый Оскол, Пенза, Урал, Сибирь, Иркутск, Камчатка, Хабаровск, Казахстан, Приморский край, Чукотка, Сахалин, Находка – все города и регионы, откуда прибыли будущие командиры морского флота, сейчас уже и не припомнить. Полные задора и огня, мы не могли прожить без шуток, розыгрышей, постоянных попыток обойти требования дисциплины и желательно – безнаказанно. В эти годы были заложены основы нашей дружбы, которую мы сумели пронести через всю жизнь, оставшись друг для друга Пашкой, Витькой, Коляном, Кисой, Дядей, Ёжиком, Мареком, Олегом, Левой... – несмотря на полученные и присвоенные в дальнейшем ранги, должности и звания.

На сегодняшний день мне неизвестна ни одна рота училища – ни до, ни после нас сформированная – личный состав

которой имел бы такие теплые дружеские отношения на протяжении более 40 лет! Я благодарен судьбе за такой подарок, имя которому – 13-я рота!

Хочу быть курсантом

Моя первая поездка во Владивосток летом 1971 года была напрасной. Я не сумел поступить на океанографический факультет Дальневосточного университета. Вернувшись домой, начал трудиться учеником токаря. А чтобы не забыть полученные в школе знания, поступил на подготовительные курсы в политехнический институт. На курсах я и познакомился с Николаем П. Летом 1971-го он так же, как и я, бесполезно прокатился на Дальний Восток – тоже провалился при поступлении. Но зато привез интересную информацию о том, что есть во Владивостоке закрытое гражданское училище, готовящее кадры для торгового и пассажирского флотов, а также для работы в портах. Покопавшись в справочниках, мы нашли необходимые сведения о Дальневосточном высшем инженерном морском училище и решили на будущий год вновь отправиться в столицу Приморья, теперь уже вдвоем.

Владивосток того времени – город, расположенный в закрытой пограничной зоне, попасть в которую свободно могли только лица, имеющие прописку в границах погранзоны. Для иных граждан требовалось специальное разрешение органов МВД по месту прописки. Это сложная бюрократическая преграда требовала и времени, и сил и терпения – для успешного ее преодоления. Но мы уже имели за плечами опыт одной поездки, а потому своевременно собрали все справки, получили вызов и тронулись в путь.

Вот и знаменитый железнодорожный вокзал Владивостока! Но нам было не до разглядывания его архитектурных изысков – через полчаса после прибытия в город мы уже входили в главный корпус училища. Второй этаж, аудитория 241, приемная комиссия...

Написали заявления, сдали документы, получили направление на проживание в одно из общежитий. Кубрики были рассчитаны на 8 человек, в них стояли двухъярусные кровати.

В тот год конкурс в училище был четыре человека на место. Мы с Николаем решили – с утра уходим в учебный корпус, там усиленно занимаемся. Первые же успешно пройденные испытания убедили нас в правильности выбранной линии поведения. Вот и сочинение – последний экзамен. У Николая – «неуд». Что делать? Связей нет, влиятельных знакомых – тоже. Решили пойти в приемную комиссию и попытаться найти какой-то выход сами. Не помню имени девушки, принимавшей у нас документы, но после долгого душещипательного разговора у окна она попросила подождать и куда-то ушла. Вернулась примерно через час, протянула Николаю бумагу. Мы читаем и не верим глазам – это было направление на повторный экзамен со вторым потоком!

Вторая попытка оказалась удачной. Оставалось ждать мандатную комиссию, но мы уже понимали – проходим! Пару дней просто отдыхали: ходили в кино, купались в море и отсыпались. Общежитие наполовину опустело, оставшиеся ждать приказа абитуриенты притихли в напряженном ожидании...

Вот и мандатка. Николая вызвали раньше. Вышел красный и счастливый – зачислен! Дошла очередь до меня. Зашел в кабинет, кто-то уже зачитывал мои данные. Выслушав, начальник училища объявил, что я зачислен!

До первого сбора оставалось около 10 дней. Мы должны были явиться в указанный день с документами и подстриженными «под ноль». С длинными волосами, которые тогда были в моде, расставаться не хотелось, но приказ есть приказ.

Начало пути

В назначенный день и час мы прибыли к главному корпусу, влившись в компанию таких же лысых парней. Зачитан приказ начальника училища о нашем зачислении на первый курс и о том, что с этого дня мы попадаем под юрисдикцию училища со всеми вытекающими из этого обязательствами с обеих сторон. Нам представили командира роты капитана 3-го ранга Макухина Г. Ф., объявили о назначении старшин, о создании двух групп... и началась курсантская жизнь.

Завершив все положенные для такого случая организационные действия, командир отдал команду: «Рота! Стройся!» – и личный состав 13 роты направился в путь длиною в пять лет. И начинался этот путь с курсантской столовой – мелочь, а приятно! Затем повели в ротное помещение, там ещё витал запах краски после проведенного недавно ремонта.

Вновь построение – получать обмундирование. Выдали полный комплект: от носков и трусов до шинели и бушлата – все новое, с иголки. Процедура выдачи была обставлена по-хитрому – впрочем, так поступали все интенданты во все времена. Заходишь с яркого солнечного света в плохо освещенную комнату (вы видели когда-нибудь хорошо освещенную интендантскую? Я – нет!), называешь свои параметры: рост, размер, – и, довольный, выносишь на свет божий аккуратную стопку форменной одежды, якобы специально для тебя подобранную. Но интенданты – народ ушлый. Выдавали те размеры, которые залежались на складе и портили им учет: либо маленькие, либо очень большие. Их, конечно, тоже можно понять – куда-то же надо было девать неходовые размеры. А мерить, извините, некогда – сзади уже народ напирает. В итоге интенданты избавились от неликвида, а мы получили форму, которую, чертыхаясь, потом еще долго подгоняли под свой рост и

размер. К слову, чтобы облегчить молодым курсантам жизнь и карман, здесь же, рядом с интендантской, висели объявления с адресами, где можно быстро и недорого подогнать форму под себя. Как говорится, и волки сыты и овцы целы.

Забегая вперед, отмечу, что такие фокусы складским удавались легко лишь на начальных курсах. Взрослея, курсанты все более тщательно относились к подбору обмундирования. На старших курсах, а тем паче – на выпускном, оно уже не висело на плечах мешком, а достойно представляло будущего морского волка обществу.

...Груженные тюками с обмундированием, мы побрели в ротное помещение, где перед нами была поставлена вторая боевая задача – к утру все вещи должны быть подписаны хлоркой: ФИО и номер группы (моя группа – 711).

Для тех, кто не знает, скажу: выжигать хлоркой на обмундировании – целая наука. Если хлорка жидкая – ничего не видно, густая – прожигает ткань насквозь. Подписывается каждая вещь в строго определенном месте. Помучившись, к утру управились. На первое построение вышли все как на подбор – красивые и подтянутые. По крайней мере, так нам тогда казалось.

Вот и первые курсантские будни: громкие крики дневального: «Рота! Подъем!», туалет, физзарядка на свежем воздухе, тщательная приборка на закрепленном за каждым курсантом объекте, утренний осмотр и – строем в столовую. Качество приборки скрупулезно проверялось заместителями старшин роты и групп.

...Заместитель старшины роты Игорь М. поступил в училище после срочной службы в стройбате Советской Армии. Невысокого роста, с вечным «Беломором» в зубах, с красным, как после хорошей бани, лицом и ленивой походкой уставшего от жизни моремана, большой любитель пива и напитков покрепче – он держал ротное помещение в идеальном состоянии. Проверка чистоты в его

исполнении – это целый ритуал, и как бы ты ни старался, вердикт был один: «Тут, тут и тут – повторить!» – А это что? Это, товарищ курсант, микробы, они такие маленькие, но такие вредненькие, а вы с ними не смогли справиться! Два наряда, и через день проверю. Если не исчезнут, пеняйте на себя.

Курсантам приходилось повторять процесс, а Игорь пять лет с белым платочком в руках учил нас не халаявить. Кто-то обижался, но по большому счету, он был справедлив и объективен.

Каждому курсанту положены для личных вещей рундук и тумбочка. В рундуке хранилась личная одежда, уложенная особым образом в «кирпич», в тумбочке – предметы личной гигиены и разная мелочь, необходимая для учебного процесса. На ночь одежда укладывалась «кирпичиком» на баночку (табуретку). Внизу брюки, потом суконка, тельняшка, гюйс, ремень, и все сверху накрывалось мицей (фуражка курсанта).

Иметь в наличии гражданскую одежду категорически запрещалось, а ее обнаружение в кубрике влекло за собой неотвратимое наказание. Такую же позицию занимало руководство училища по отношению к алкоголю, и в этом вопросе происходило столь яростное столкновение разнонаправленных точек зрения, что отдельным курсантам пришлось покинуть «бурсу», как мы ласково называли меж-ду собой ДВВИМУ, не дожидаясь его окончания.

Утром постель заправлялась тоже под «кирпичик», и если старшина увидел, что кто-то присел на кровать, а тем более – прилег в течение дня, наряды раздавались безжалостно. Чистота и порядок в кубрике проверялись по нескольку раз в день. Ежедневно назначался дежурный по кубрику, который отвечал за все: плохо

убранную постель, грязные «гады» (так называлась ежедневная обувь), недостаточно прозрачный графин или стакан. Полы («Какие полы, мелочь сухопутная! – Палуба!») – палуба была из паркета. Поддержание её в чистоте – отдельная тема, далее ей будет посвящена целая глава.

Особая роль отводилась личной гигиене. В любой день на утреннем осмотре старшина, командир роты, дежурный офицер или руководители ОРСО могли дать команду: «Первая шеренга, вперед! Кругом! Разуться и показать левую (или правую) ногу!» Проверялось, целы ли носки, как они, извините, пахнут, каково состояние ногтей. В другой раз требовалось показать платочки, подшиты ли «сопливчики» – это то, что надевалось на шею вместо шарфа. Не брит – наряд. За чистотой и порядком следили очень строго. Раз в неделю – банный день: душ, постирушки, дневальные раздают чистое постельное белье, использованное увозят в прачечную.

Сезонная одежда: шинель, бушлат, шапка, теплые ботинки и прочее – сдавалась на хранение в баталерку и выдавалась курсантам после приказа командира гарнизона о смене формы одежды.

Два первых месяца нашей жизни в училище – карантин. Увольнения в город запрещены, культпоходы тоже. Задача одна – привыкнуть к закрытой казарменной жизни, к коллективу, изучить уставы, приказы, нормативные документы, получить первые навыки морской службы, выявить таланты каждого – кто рисует, кто поет, кто владеет рабочей специальностью. Последнее ценилось особенно – во время карантина курсантская бесплатная рабочая сила использовалась максимально эффективно.

Сделал дело – гуляй смело!

Первый семестр первого курса был самым тяжелым. Новой информации было много, она касалась и учебы, и нашего нового быта. Мы привыкали к режиму, преподавателям, к командиру, старшинам, друг к другу и к группе в целом. Бедные курсантские головы пухли от обилия требований, правил, традиций и порядков, которые следовало усвоить в кратчайшие сроки, как «Отче наш».

Но вот первая сессия позади, завтра с Николаем улетаем домой, в Сибирь, на заслуженные каникулы. В кубрике помимо нас жили еще Алик П. и Юра Ф. Алик был родом из Калининграда, домой ехать не собирался – дорого и далеко. Юра – местный, но решил нас проводить, а уже потом – домой. Рота опустела. Ближе к вечеру мы сходили в магазин и подкупили продуктов для вечернего банкета. Накрыли стол в кубрике и весело отметили окончание первого семестра. Чтобы никто не мешал, входную дверь в кубрик изнутри закрыли на баночку. Вечер удался. Выпили, покушали и все, как было, оставили на столе. Естественно, по подъему мы не встали – у нас же отпуск!

Утро. Головы у всех бо-бо, еще спать да спать, но кто-то нагло и настойчиво пытается открыть дверь в кубрик. Не получилось. Раздается более настойчивый стук. Алик подошел к двери и со словами: «Кто спать не дает?» убрал наш самодельный затвор. Немая сцена... На пороге – начальник ОРСО подполковник Пивоваров. Он медленным взглядом обвел кубрик и сказал стоявшему за спиной дежурному офицеру:

– Этих четверых – на отчисление, командира роты – ко мне!

Вот тебе и отметили окончание первого семестра! Вид у нас был не самый лучший. В трусах, тельняшках и босиком мы стояли перед ним и не знали, что делать дальше. Постепенно до нас стала доходить суть произошедшего. Вот влипли так влипли!

Что делать? На вечер у нас с Николаем куплены билеты на самолет, должны лететь в долгожданный первый отпуск домой. Полная растерянность! Принимаем решение – все четверо едем к ротному домой и докладываем все как было.

Дверь открыл сам командир. Алик, как старший по возрасту и опытнее нас, заранее предупредил, чтобы никто не вмешивался в его разговор с командиром. Все было изложено достаточно объективно, за исключением того, что, со слов Алика, он был и организатор, и вдохновитель, а у нас не оставалось иного выбора, кроме как присоединиться к нему. Командир выслушал, не перебивая.

– Возвращайтесь в ротное помещение и ждите меня там! – приказал он.

Спустя час, уже переговорив с начальником ОРСО, он вызвал нас к себе в канцелярию.

– Значит так, до конца дня отремонтировать, побелить, покрасить оба гальюна (гражданское название – «туалет». – *Прим. авт.*). Я вернусь к 18:00. Если все будет готово, вы полетите в отпуск. Нет – остаетесь. Разбираться будем после вашего возвращения!

Выполнять задание нам помогали все курсанты, находившиеся в ротном помещении. Нашли известь, краски, кисти, тряпки – все, что нужно для ремонта. К 18:00 гальюны блистали девственной чистотой, как только что сданные в эксплуатацию.

Осмотрев итог нашей работы, командир разрешил отбыть в отпуск мне и Николаю, а Алику и Юре пришлось еще несколько дней работать на благо училища.

После возвращения из отпуска состоялся разбор полетов. Нам всем от имени начальника ОРСО выписали по пять нарядов, и по решению командира роты всю нашу четверку расселили по разным кубрикам. Урок запомнился на всю жизнь!

Костя

Организационно-строевой отдел училища возглавлял подполковник Пивоваров Константин Игнатьевич. Это был офицер с большой буквы. Не знаю, почему, проходя службу в морском училище, он носил сухопутное воинское звание, но это не главное. Главное – для нас он был образцом для подражания! Всегда идеально одет, наглажен, выбрит, в любой мороз в мице и белых лайковых перчатках, обут всегда только в легкие корочки (по-сухопутному – туфли). Осанка королевская, строен как кипарис. Его боялись и уважали не меньше, чем начальника училища. Справедливый, требовательный к себе, офицерам и курсантам, наказывал всегда за дело и по полной программе, но, когда нужно, шел навстречу курсантам, помогал и защищал их интересы. Между собой курсанты с теплотой называли его Костей – любому было понятно, о ком речь.

Очень часто по утрам он встречал роты перед столовой. Особым шиком у старшекурсников было отвечать на его приветствие «Здравствуйте, товарищи курсанты!» словами: «Здравия желаем, Константин Игнатьевич!» Он заставлял роту развернуться и пройти еще раз, приветствие повторялось слово в слово. И так пять, шесть, семь раз... Завтрак остыл, столовая опустела, а они снова и снова: «Здравия желаем, Константин Игнатьевич!». Вероятно, подполковнику становилось по-отечески жалко ребят, в итоге он либо отворачивался и закуривал, либо просто уходил.

Вторая излюбленная забава старших курсов – «вагончик». За несколько метров до начальника идущие строем курсанты по команде одного из них ударяют о землю одной ногой сильно, другую же опускают тихо. Со стороны смотрелось интересно, но результат всегда был одинаков – Пивоваров останавливал роту, подзывал к себе командира или старшину и объявлял наказание всей роте. В эту игрушку он играть не любил.

У меня сложились особые отношения с этим уважаемым офицером. Уже будучи заместителем секретаря комитета комсомола училища, я ему напомнил как-то о том случае в нашем кубрике по окончании первой сессии, который едва не стоил нам отчисления. Помню, помню, ответил он. А не отчислили вас только потому, что вы из Кемеровской области. Я сам родился в Анжеро-Судженске, мы земляки, а земляков в обиду давать нельзя! Вот так...

Еще показательный пример. В апреле 1976 года Николаю П. нужно было лететь на родину, подавать заявление в ЗАГС. Но как улейтишь в середине семестра? В самоволку, что ли? Это значит – до первого патруля, да и билет могут не продать. Решили поговорить напрямую с подполковником Пивоваровым, так как отпускные билеты выдавались ОРСО. Он внимательно нас выслушал и сказал: «Подходите завтра после обеда». На следующий день Константин Игнатьевич выдал отпускной билет и сказал, что командира роты он предупредил, а дальше, мол, все решайте сами. В краткосрочный отпуск Николай отправился легально. Свадьба состоялась в августе...

Но особенно Косте удавались разборки с пьяными курсантами, которых так и тянуло на встречу с ним. Истории этих встреч, как анекдоты, гуляли среди слушателей училища.

Вот один из них. Однажды два курсанта, приняв изрядно на грудь, возвращались в ротное помещение. У входа ими был замечен Костя, и они мгновенно нырнули в цокольное помещение, используемое для служебных целей. Но и офицер их заметил. Подойдя к темному проему дверей, он громко крикнул: «Товарищи курсанты, выходите! Не буду же я за вами по подвалу бегать!» Курсанты вышли. Один – более-менее, а второй совсем тяжелый. Выяснив роту, курс, Пивоваров отдает команду: «Кругом! В роту шагом марш!». Тот, который потрезвее, повернулся на 180 градусов и пошел прочь. А второй не мог понять суть команды и, сделав полный оборот вокруг себя, пошел прямо на Костю. И так – несколько раз. В итоге при очередном неудачном выполнении команды «Кругом» он упал и был доставлен в роту дневальными. Нарушители

дисциплины были наказаны, а вся рота получила дополнительные строевые занятия для отработки команды «Кругом».

В своих рассказах я буду еще не раз с теплотой вспоминать этого офицера. Ежедневно сталкиваясь с разнообразными проявлениями курсантского житья-бытья, он не командовал, а жил вместе с нами – нашими интересами, проблемами и мечтами.

По заветам Ильича...

Ох, уж эти смотры и конкурсы! Кто-то их придумывает, а кто-то вынужден исполнять, получая положительные или отрицательные эмоции (кому как повезет, в зависимости от результата). Но главное – суета, все заняты, все при деле и надеются, что они станут лучшими!

Весна 1975 года. Мы уже третьекурсники, и это солидно. По случаю 105-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина в училище объявлен конкурс на лучшее оформление ленинских комнат – таковые имелись в каждом ротном помещении. Командир роты капитан 3-го ранга Макухин Г. Ф. приглашает меня, комсорга роты, и Михаила М., окончившего до училища художественную школу, и поручает подготовить предложения по участию в конкурсе. Задача была изложена примерно так: рота на хорошем счету у руководства училища, и мы не имеем права быть хуже других. Думайте. Жду ваших предложений. Все, что необходимо для работы: краски, кисти, бумага, а главное – время, вы получите! Поручено – сделано. Уже на следующий день мы представили несколько вариантов оформления, один был одобрен. Его изюминкой должна была стать цитата вождя пролетариата В. И. Ленина о роли социалистического соревнования в повышении производительности труда. Коман-

дир роты, довольный столь резвым и успешным началом, пожелал нам хорошей работы по реализации задуманного.

И работа «закипела». Михаил недели две искал краски, ежедневно получая увольнительный билет, а когда нагулялся, сделал первый мазок. Лёд тронулся!

Дело оставалось за малым – найти подходящую цитату среди 55 томов полного собрания сочинений вождя. Эта часть работы была за мной.

Приступая к поиску, я наивно полагал, что одного похода в библиотеку училища будет достаточно, чтобы найти нужные слова. Увы... И третий, и четвертый, и пятый (!) визиты ничего не дали. У Михаила дело подходило к завершению, а цитаты нет. Командир начинает меня торопить – скоро конкурсная комиссия пойдет по ротным помещениям. Я начинаю волноваться – достойной цитаты, той самой изюминки – нет! Сотрудники библиотеки пытаются мне помочь, но найти то, чего нет, невозможно! Выдержав еще пару дней, командир сказал: либо завтра цитата, либо вы будете наказаны. И вот я в раздумьях сижу в очередной раз в библиотеке и мысленно ругаю вождя – столько написать и ни одного слова о социалистическом соревновании!

Решаюсь на отчаянный шаг. Беру ручку, листок бумаги и начинаю за Ленина давать определение, что такое «социалистическое соревнование». Попыхтев часа два, я написал, что думаю по этому вопросу. Перечитав еще раз для верности, остался собой очень доволен!

При входе в ротное помещение узнаю от дневального, что меня ждет командир.

- Что с цитатой? – спросил ротный.
- Все готово. Завтра к утру будет написано на стене.
- Покажите!

Я достал из портфеля лист бумаги с «ленинской» цитатой и протянул ему. Он пробежал глазами раз, другой и сказал: «Приступайте!»

Когда поздним вечером цитата была уже нанесена на стену и свежая краска начала подсыхать, я во всем признался Михаилу. Закурив, он помолчал, а потом выдал: «Да не волнуйся ты! Все равно никто не читал все его работы. Ерунда, все будет нормально». – И засмеялся.

Нашей радости не было предела, когда из двенадцати представленных на смотр ленинских комнат конкурсная комиссия признала нашу работу одной из лучших – мы были третьими!

Прошло десять лет после нашего выпуска. Однажды раздаётся звонок – на проводе Михаил. Поговорили о погоде, о здоровье, и тут он спрашивает: «А ты помнишь свою «ленинскую» цитату про социалистическое соревнование, что мы на стене намалевали?»

– Еще бы не помнить – совесть до сих пор грызет, – отвечаю.

– И зря. Вчера был в училище, заходил в наше ротное помещение. Твоя цитата все еще украшает ленинскую комнату, 11 лет учит курсантов жить и работать! Можешь смело причислять себя к классикам марксизма-ленинизма!

...В августе 2017 года мы по традиции вновь встретились всей ротой у родного училища. На этот раз встреча была юбилейной – 40 лет выпуску. Зашли в главный корпус, в наше ротное помещение. Вот кубрик, где мы жили, вот и помещение, где раньше располагалась Ленинская комната. Ни панно, ни цитаты уже не было, все закрашено. А так хотелось взглянуть еще разок на мудрые слова «классика»!

Два Шуры

В конце первого семестра первого года обучения к нам в группу зачислили переводом двух новых курсантов: Шуру Б. – переводом из Тихоокеанского военно-морского училища и Шуру Г. – переводом из Дальрыбвтуза. Как им это удалось? Насколько были влиятельны их родственники или родители – сейчас судить сложно. Но факт остается фактом – группа пополнилась двумя новыми курсантами.

Это были два абсолютно разных человека. Шура Б. говорил, что родители не приветствовали его поступления в военное училище и только по их настоянию он дал согласие на перевод. Даже трудно представить, сколько преград пришлось им преодолеть, чтобы сын после принятия Присяги попал не на срочную службу в Советскую Армию, как это было положено по приказу Минобороны, а прямым ходом в ДВВИМУ. За годы учебы особых вершин Шура не покорил, но обладал таким остроумием, граничащим с сарказмом, таким умением подметить смешное там, где, казалось, его не могло быть, и огранить, отшлифовать его до настоящего юмора! Его фраза «С днем рождения, Коленька!», произносимая с особой интонацией, полной богатого внутреннего смысла, стала нашей ротной визиткой. И в умении отвлечь преподавателя от темы ему не было равных. Стоило только на лекции ему произнести безобидную фразу: «А мне вот непонятно, не могли бы вы пояснить...», как вся аудитория замолкала и с нескрываемым любопытством начинала следить за дальнейшим развитием событий. Всем было ясно – лекция на этом закончилась. Получив диплом, наш Шура неожиданно сделал резкий карьерный скачок и практически всю трудовую жизнь провел в Таиланде торговым представителем одного из крупнейших пароходств. На вопросы, с «подтекстом» задаваемые ему на традиционных встречах, отвечал: «Как-то так получилось – не знаю, как! Родители настаивали...» А чувство юмора

сохранил, радуя нас при каждой встрече чем-то новым, веселым и интересным.

Шура Г. тоже попал к нам не просто, но он и не скрывал, что фактически из Дальрыбвтуза был отчислен за неуспеваемость и только благодаря родителям избежал призыва в армию. Учиться он явно не хотел, постоянно бегал в самоволки, пропускал занятия, был искренним поклонником спиртных напитков. Среднего роста, худощавый, с большой лобной залысиной и постоянно бегающими глазками, он выделялся из числа курсантов явным неуважением к форме и будущей профессии.

Приближалась первая сессия. В его поведении ничего не менялось – самоволки, пропуски занятий и полное игнорирование подготовки к предстоящим экзаменам. Хотя и с трудом, но первый экзамен он все же сдал, а на втором (физика) – срезался. Преподаватель этой дисциплины Фриш (имя и отчество уже и не припомню) был опытным и требовательным педагогом, проработал в училище не один десяток лет и повидал на своем веку много курсантских проделок. Предмет нужно было учить, на халяву ему экзамен не сдать, об этом нас предупреждали и старшекурсники.

Шура предупреждениям не внял, решил, что старика-физика он пройдет без особых усилий. Первый заход – 2-0 в пользу Фриша. Пересдача. И вновь два балла. Плюс предупреждение преподавателя: «Товарищ курсант, с такими знаниями вам физику не сдать!»

На третьей пересдаче Шура, вероятно, понимая, что с билетом опять не повезло и впереди светит «неуд», пускается на хитрость: ковыряет нос, кровь заливает ему лицо и форму, как следствие – экзамен вновь перенесен. Кафедра назначает комиссию, комиссия назначает день и время. В очередной раз вытащив экзаменационный билет, Шура понимает, что вновь не пофартило! И тут же начинает разыгрывать сцену, на этот раз – приступ аппендицита. Врач, скорая помощь, операция и... искреннее удивление врачей – аппендикса нет! Через две недели

он в роте в красках рассказывает, как ловко обвел вокруг пальца всю комиссию и врачей. Рассказ получился отменным. А вот с экзаменом – не задалось. Фриша он «не прошел» и был отчислен из училища. Следы его затерялись, и какова его дальнейшая судьба – никому из нас неизвестно.

Пюре

С Сергеем Г. я познакомился, когда мы оба были еще абитуриентами, только я держал экзамены на судоводительский факультет, а он – на судомеханический. Оба поступили, но по семейным обстоятельствам в начале второго курса Сергей ушел в академический отпуск, через год восстановился, и в дальнейшем отставал от меня на курс. Высокий, стройный, добродушный – он умел расположить к себе и курсантов, и преподавателей, и работающих в училище девушек.

...Дело было перед обедом. Мы сидели в комитете комсомола и вели разговор о вкусной и здоровой пище. Как-то незаметно стали обсуждать, кто что любит поесть. Сергей признался, что его любимое блюдо – картофельное пюре с котлетой, и он, дескать, может за один присест съесть штук двадцать порций.

– Не верю, – усомнился я.

– Давай на спор! Если я съем – с тебя коньяк, если не съем – с меня!

– А давай! – ударили по рукам и пошли в преподавательскую столовую, которую разрешалось посещать курсантам старших курсов.

На мое счастье (или – его несчастье), в меню стояло пюре с котлетой. Взяли первые пять порций и пять кусочков хлеба.

Платил по договоренности я. С великим удовольствием он буквально проглотил эти пять порций, и мне пришлось брать ещё пять. Завершая поедание девятой порции, он попросил исключить из рациона хлеб. Я согласился. Время было обеденное, зал был полон, и наблюдавшие за нами преподаватели с нетерпением ожидали развязки.

Ещё пять порций. Я начинаю думать, что близок к проигрышу. Но, посмотрев на Сергея, понимаю, что дело уже идет не по его сценарию. Лоб покрылся обильным потом, глаза не выражают никаких чувств, только рука продолжает раз за разом подносить ко рту очередную ложку с картошкой.

На семнадцатой порции, когда попытка проглотить пюре едва не закончилась приступом рвоты, он сломался.

– Все, больше не могу. Твоя взяла, – вяло произнес он и медленно пошел к выходу.

Я помог ему дойти до ротного помещения, курсанты уложили Сергея в кровать, вид у него был – словами не передать!

В следующий раз он появился в комитете комсомола дней через пять. Выглядел неважно. Подошел ко мне, протянул бутылку коньяка и сказал: «Наверное, картошка была несвежая...»

После окончания училища мы с ним встретились, когда обоим было уже за пятьдесят. Поговорили, посмеялись, вспоминая молодость. Прощаясь, он мне сказал:

– А я ведь картофельное пюре с того дня есть не могу, сразу возникает спазм и все просится наружу!

– Да, явно картошка была не свежая... – ответил я ему. И мы оба рассмеялись.

...Интересно, почему так – если человек переел какой-то пищи, то практически всю оставшуюся жизнь он ее не только есть – видеть не может! Мой родной дядя Владимир Тимофеевич Жемердеев в юности на Пасху выиграл такое количество крашеных яиц, что ел их несколько дней

кряду, делясь с нами, племянниками. Как ему улыбнулась такая удача – не знаю. Я был мал и при этом не присутствовал. Но проглотив, наконец, свой щедрый выигрыш, больше он не ел вареных яиц ни под каким соусом!

С другой стороны, гражданин N, выкушав с вечера до безобразия много водочки, утром требует продолжения банкета. И организм принимает все новые и новые порции! Не наступает никакой аллергии, никакого отторжения. Нет – как пил, так и пьет. Странно все это!..

Тайник

Быт курсантов интересен и многообразен. Как я уже отмечал, мы жили в кубрике по четыре человека. Стандартный набор полагающегося нам казенного имущества – стол, четыре баночки (табуретки), четыре кровати, четыре тумбочки, один графин и четыре граненых стеклянных стакана. За порядком в кубриках строго следили командир роты и старшины. Ежедневно старший по кубрику назначал дежурного, на которого и сыпались все шишки, если что-то было не так. А «не так» было всегда. Приходилось постоянно прятать гражданскую одежду и, конечно, – алкоголь. Тут уж каждый вертелся, как мог. Главное – узнать, когда ротный пойдет в обход по кубрикам. Эта новость мгновенно передавалась курсантам, и они мчались в роту в надежде, что не все потеряно. Однако бывало, что и командиры не знали тот день и час, когда начальник ОРСО подполковник Пивоваров придет в ротное помещение с проверкой. Это случалось не часто, но запоминалось надолго.

В один из дней подполковник Пивоваров посетил с визитом и расположение 13 роты. Все курсанты в это время находились на

занятиях. Дневальный, стоявший на входе, как и положено, крикнул: «Рота, смирно! Дежурный – на выход!» Из ротной канцелярии вышли дежурный и командир роты. Приняв рапорт командира, начальник ОРСО пошел вдоль коридора, открывая двери и осматривая кубрики. Осмотрел один, второй, третий... зашел в следующий. Все было чисто. Пока Пивоваров изучал содержимое рундуков, командир роты Макухин Г. Ф. решил выпить водички – тоже волновался, не каждый день вот так заходит начальник с проверкой. Подошел к графину, открыл его, налил полный стакан и медленно выпил... Начальник ОРСО обошел еще несколько помещений и покинул роту.

Командир роты тут же приказал дежурному немедленно вызвать с занятий старшину роты, старшину группы и всех проживающих в кубрике, где он испил водички. Сам остался ждать у входа. Через пятнадцать минут все были в сборе. Оглядев собравшихся странным взглядом, он молча подошел к графину, находящуюся в нем жидкость налил в четыре стакана и передал их старшинам.

– Пейте! – приказал Макухин.

– Водка?! – глотнув, первым среагировал старшина роты.

– Я рад, что вы узнали этот напиток! Старшина роты и старшина группы будут наказаны моей властью, а в остальном – разбейтесь. Завтра утром мне доложить! – И пошел в канцелярию.

Когда дежурный по роте рассказал остальным, как было дело, авторитет командира в наших глазах сильно вырос. Налить вместо воды водки и, не подавая виду, выпить ее мелкими глотками – в глазах курсантов это было достойно уважения.

Утром все ожидали громких разборок, но командир пригласил в канцелярию только старшину роты и долго о чем-то с ним говорил. Думаю, ему не хотелось выносить этот случай за пределы роты, ведь промолчав, он фактически встал на сторону курсантов.

А для заначек нам впредь пришлось искать другие укромные местечки.

Карты штабные, крапленые

Игра в карты тоже была в училище под строжайшим запретом, но курсанты 13-й роты любили проводить время с картишками. Играли всегда, когда выпадала свободная минута. И даже на лекциях (!), сидя за последними столами. На кон шло все: интерес, раздевание, одевание, «петушок», сигареты, конфеты – предела нашей фантазии не было. Игры были самые разнообразные: от простого «дурачка» до покера. Проводили и чемпионаты роты по тем или иным видам. Но все это делалось тихо и осторожно.

Ещё по дороге во Владивосток (а это несколько суток пути из Кузбасса) мы с Николаем П. от скуки решили выработать систему передачи информации друг другу о картах, выпавших партнеру. Определенное движение руками, пальцами, поворот головы, улыбка, покашливание, движение корпусом – все это означало масть и конкретные карты в руках. Эту систему мы постоянно совершенствовали, добавляли новые элементы, что-то упрощали, что-то придумывали новенькое. Игравшие с нами ребята понимали, что мы каким-то образом их обманываем, но разгадать систему не могли.

...Второй семестр второго курса. В роте проходит карточный чемпионат по игре в дурака. Мы с Николаем участие не принимаем, нас не допустили в составе одной пары. «Хотите играть – ищите других партнеров!» – такой вердикт вынесли судьи. Будем зрителями, решили мы.

Суббота, командир ушел домой. Полуфинал. Игроки и болельщики собрались в одном кубрике, набившись в него до отказа. Игра состояла из трех партий. Победитель должен выиграть дважды. И вот решающая – третья – партия подходит к концу. В это время тихо открывается дверь, на пороге – командир роты. Курсанты, стоявшие лицом к дверям, заметили его сразу, остальные продолжали активно болеть. Когда ротного увидели и остальные, он спокойным

голосом сказал: «Доигрывайте, доигрывайте...» Партия была доиграна в абсолютной тишине.

– Победители получают по три наряда вне очереди, проигравшие – по пять! – огласил свой «приговор» командир. – Вопросы есть?

– Есть. Почему проигравшим по пять? Наверное, поровну?

– Нет. Победителям – за нарушение запрета игры в карты, а проигравшим – за нарушение запрета и ещё за плохую игру. Не умеешь – не играй, береги честь мундира! – Сказав это, он спокойно двинулся по направлению к канцелярии.

Позже эта игра была переиграна, но слова командира запомнились.

Эта палуба, палуба...

Если принципиально задаться целью – найти на территории училища битое оконное стекло, гарантирую – вы не обнаружите ни одного даже самого маленького осколочка. Сколько бы ни искали, в каких укромных местах – бесполезно! И дело не в том, что стекло в окнах казарм особо прочное и не бьется, и даже не в качестве уборки территории – а в том, что оно является главным орудием курсантов во время проведения операции «циклевка».

...Когда-то давным-давно при строительстве главного корпуса училища кто-то решил: в этом храме морских наук все должно быть прекрасно и... – застелил палубу дубовым паркетом. Красиво – нет слов! Но... Паркет, не покрытый лаком, имеет свойство быстро пачкаться, особенно если две с половиной тысячи пар курсантских ног ежедневно перемещаются по нему в обуви, подошвы которой оставляют на золотистой поверхности стойкие черные полосы.

Борьба с этими и иными загрязнениями была полностью возложена на слабые курсантские плечи. Примерно раз в месяц кто-то из руководства глубокомысленно замечал: «А что-то давненько палубу не циклевали! Пора, пора!» Команда спускалась вниз по служебной лестнице, и хозяйственный отдел начинал подготовительную работу. Известная площадь паркетного покрытия делилась на списочное количество курсантов, затем производилось обратное арифметическое действие: количество квадратных метров, приходящихся на одного курсанта, умножалось на списочный состав роты. В итоге получалось, сколько квадратных метров нужно отциклевать каждой роте. В роте арифметика была проще: спущенную сверху общую площадь делили еще раз на находящихся в строю курсантов и получали искомое – сколько метров квадратных должен отциклевать за вечер один рядовой курсант.

Работы начинались после ужина в пятницу и продолжались до победного завершения. Что интересно, какое бы острое орудие труда ты ни взял: нож, бритвочку, бритву, кусочек металла, иной острый предмет, – циклевка не идет! Дуб остается дубом – не сдается! Можно сидеть час-другой над одной плашечкой, но от этого она чище не становится. А вот маленький осколок стекла творит чудеса. Он снимает тоненькую стружку и под ней открывается чистое нутро дубового паркета. Кусочек стекла должен быть не большим, иначе он сломается при надавливании на паркет, но и не маленьким – иначе его не удержать пальцами. Нужно быть осторожным, чтобы не пораниться «нерабочими» гранями этого осколка. И по каждой паркетной дощечке не один раз вперед-назад, вперед-назад, пока она не станет чистой и светлой! Работы продолжались по четыре, а то и пять часов.

Сама по себе работа очень монотонная и физически тяжелая. Каждому причиталось отциклевать от двух до трех квадратных метров паркетного покрытия. Сидя на карачках или ползая на четвереньках, какие только мысли в голову не лезут: от мировой

революции до «зачем мне это надо?». Но ты продолжаешь монотонно туда-сюда, туда-сюда...

Завершив циклевку, приглашаешь заместителя старшины для сдачи работ и затем приступаешь ко второму этапу – покрытию паркета мастикой и натиранию. Много мастики – лишнее нужно убрать, мало – не натрешь, блеснуть не будет.

Заметим, происходило это все ночью, при искусственном освещении. Окинешь взглядом сделанное – хорошо. А утром, при солнечном свете, картинка может измениться до неузнаваемости – паркет как будто и не циклевали... Хозяйственный отдел выполненную работу не принимает, и все заново: осколки, дощечки, взад-вперед... И все это исключительно в личное время.

Зато как приятно пройти по циклеванному паркету!

Проходите, гости дорогие!

Постоянно находиться в ротном помещении – не комфортно морально. Иногда так хочется просто посидеть в домашней обстановке, не спеша попить чай, посмотреть телевизор, завалиться на диван, в конце концов. Курсантам, чьи родные проживали во Владивостоке, было проще, в увольнение они ходили домой. Переоделся в гражданку – и отдыхай, набирайся сил.

...После нашей с Татьяной свадьбы как-то незаметно сложилось, что друзья стали собираться по субботам у нас дома. Танюшка хорошо готовила, особенно ей удавался борщ. Буквально из ничего она делала шикарный ужин, так что голодным никто не уходил.

В один из таких вечеров к нам пришли в гости несколько ребят-сокурсников. На улице была поздняя осень, все одеты в шинели. Посидели, плотно поужинали, обсудили последние ротные

события. Татьянин борщ был особенно хорош в этот день, повторили еще по тарелке. Сытые и довольные, гости засобирались обратно в училище. В числе гостей был и старшина роты, наш друг Терешин В. П. Он как-то подозрительно долго возился в прихожей, потом вошел в комнату и говорит:

– Вот, черт побери, шинель не могу застегнуть!

Тут надо отметить, что роста он был небольшого, но животик имел приличный. А шинели шили из расчета на стройных и рослых, так что подобрать ее в сочетании «малый рост – большой размер» было трудно. Присутствующие при этом одевании курсанты посмеялись, конечно, пошутили над человеком, но надо было что-то делать. Попробовали стянуть шинель с двух сторон – не помогло. У кого-то родилась идея: Терешина поставили спиной к стене, надавили коленом в живот, поднатужились – и вот одна пуговица застегнута. Так, постепенно, застегнули все остальные. Дышать и наклоняться ему было тяжело, но до училища кое-как добрался.

В другой раз у нас остановился Александр Шейко. Он окончил судоводительский факультет на год раньше меня, во Владивостоке родных у парня не было, поэтому каждый раз, вернувшись в порт, он приходил к нам в гости. Как положено, посидели, поговорили. Выпили, конечно, и не по одной. Легли спать, ему постелили на полу. Ночью он захотел воды, пошел на кухню, напился и, чтобы не ходить несколько раз, наполнил водой попавшуюся под руку бутылку из-под молока и снова лег спать. Просыпаемся утром – Шуры на месте нет, он в туалете. Через какое-то время выходит бледный, растерянный и говорит: «Ребята, я вчера чем-то отравился!» Танюшка идет на кухню разбираться – у нас-то с ней все в порядке. Я в это время стараюсь уточнить у Александра подробности прошедшей ночи. Через несколько минут супруга возвращается и спрашивает меня:

– Витюш, ты не видел бутылочку с растительным маслом? Поставила вчера на стол, чтобы с утра приготовить яичницу, а сейчас нигде нет...

Я смотрю на постель Шуры и вижу в изголовье пустую молочную бутылку, на стенках которой остались масляные потеки, и начинаю понимать, что произошло. Шура ночью взял бутылку, наполовину наполненную растительным маслом, долил туда водички и ночью выпил все до дна! Реакция наступила очень быстро, его, можно сказать, вывернуло наизнанку. А мне пришлось с утра пораньше топтать в магазин за растительным маслом.

Ну и шуточки!

Особая часть комсостава училища – командиры рот. Это офицеры, по разным причинам откомандированные с флота и оказавшиеся в роли воспитателей. Большинство командиров были людьми опытными, грамотными и понимающими курсантов. Они предъявляли понятные нам требования, с уважением относились к слушателям, и теплые отношения между курсантами и офицерами продолжались и после выпуска.

А начиналось все с внешнего вида. Если офицер подтянут, всегда выбрит, в свежей рубашке и чистом, не засаленном галстуке, начищенной обуви, то и курсанты старались быть похожими на своего командира. Особым примером в этом плане был для нас начальник ОРСО подполковник Пивоваров – просто идеал морского офицера. Всегда отглаженная форма, белое кашне, лайковые белые перчатки, начищенная до блеска обувь, в любую погоду в мице (морской фуражке), при любых обстоятельствах с курсантами только на «Вы», требовательный и справедливый – таким он нам запомнился.

Но были и иные командиры – и вид их был далек от идеала, и, стремясь к дешевому авторитету, обращались они с курсантами

панибратски. Как правило, в училище они не задерживались. Неуважение к курсантам оборачивалось негативным отношением курсантов к такому командиру, и офицер становился объектом курсантских проделок, иногда весьма жестких.

Так случилось с командиром 17 роты электромехаников. Еще молодой капитан-лейтенант, став командиром роты, вел себя заносчиво, грубо, в обращении с курсантами использовал ненормативную лексику, раздавал направо и налево наряды. Он быстро вызвал негативное к себе отношение не только со стороны курсантов своей роты, но и всего курсантского состава училища. Развязка наступила быстро.

В личном пользовании командира 17 роты был автомобиль «Запорожец». Однажды капитан-лейтенант заступил на суточное дежурство по училищу. Вечером подогнал машину поближе к главному корпусу, чтобы за ней присматривать. И, как положено дежурному офицеру, пошел проверять по ротам отбой. Не знаю, курсанты какой роты это сделали, но парни на руках перенесли его автомобиль с асфальта в небольшой сквер у парадного крыльца, где росли мощные карагачи, и аккуратно поставили между двумя деревьями. Ни вперед, ни назад, ни вправо, ни влево он самостоятельно выехать не мог, так близко росли деревья. Всю ночь горелотный пытался выбраться из этой ситуации, но ничего не получилось. Утром все преподаватели и офицеры, идущие на работу, с интересом наблюдали эту картинку!

Подогнать автокран было невозможно – не позволял проезд, тогда командир привел курсантов своей роты и попытался с их помощью освободить машину. Но они не смогли ее поднять – тяжелая! Попытки продолжались три дня, пока капитан-лейтенанту не разрешили спилить могучий карагач. Дерево было повалено, он выехал, но это был последний день его работы в училище.

Все командиры получали от курсантов прозвища, и по ним можно было легко догадаться, как курсанты относятся к тому или иному офицеру.

На место ушедшего из училища незадачливого капитан-лейтенанта командиром 17 роты назначили вновь прибывшего капитана 3-го ранга. Невысокого роста, коренастый, про таких говорят: «сажень в плечах», он отличался тем, что на его голове совсем не было волос. Ну, совсем не было! Прозвище он получил «Плафон». Ассоциация сработала сразу – в ротных помещениях училища висели большие белые плафоны. И его голова сильно напоминала этот предмет.

Однажды вечером наши ротные старшины решили отметить какой-то праздник. Собрали стол в баталерке и приступили к распитию алкогольной водички. Все было хорошо, вечер протекал по плану. В один момент кто-то решил их побеспокоить и осторожно постучал в дверь. Старшина роты послал неизвестного через дверь подальше в лес. Но стук не прекращался, наоборот – становился все настойчивее. Тут старшина не выдержал и спросил: «Ну, кто там?» Ответ последовал сразу же: «Плафон!» «Я тебе сейчас покажу плафон!», – старшина подошел к двери и открыл ее. В дверях стоял капитан 3-го ранга командир 17 роты по прозвищу Плафон! Все участники несанкционированного застолья встали. Плафон аккуратно всех переписал в свою записную книжку, приказал старшине утром доложить командиру о происшедшем событии и вышел. Продолжать банкет уже никому не хотелось.

К слову, о праздниках – мне приходилось дважды встречать Новый год в роте. Это целый ритуал! Заранее приобретается шампанское, всякого рода закуски, и за пять минут до Нового года накрывается в Ленинской комнате стол. Дежурный по училищу офицер примерно в 23:00 начинает обход ротных помещений. Так было и в этот раз. Офицер прошел по кубрикам – везде все тихо, никакой подготовки к застолью. И пошел дальше. Мы как по команде бросились накрывать столы. Ровно в 24:00 открываем шампанское. В это время в ротное помещение буквально влетает дежурный офицер и говорит: «Я знал, что здесь будет банкет! Наливайте за Новый год и мне!» Выпили, поздравили друг друга, дежурный офицер

посидел с нами немного и, поздравив с праздником, ушел проверять другие роты. К утру его довели до дежурной комнаты чуть живого! Так мы встретили новый, 1976 год.

А что – отцы-командиры тоже люди, со всеми своими достоинствами и недостатками, как и курсанты.

Рота, подъем!

Подъем в училище в 6:50. Дневальный, который уже устал стоять у тумбочки, идет по коридору и громко кричит: «Подъем!» Для него это веселье, а нам ох, как не хочется вставать. Старшин будят на 10–15 минут раньше, чтобы они могли привести себя в порядок и проверить, как мы выполняем команду дневального.

По регламенту, услышав «Подъем!», курсант должен встать, отбросить одеяло на спинку кровати, одеться согласно объявленной форме одежды, сходить в туалет и выйти на построение. Отпущено на это пятнадцать минут времени. Задержавшимся на подъеме – наряд. А так хочется поспать еще хотя бы полчаса! Что характерно – чем старше курс, тем медленнее просыпаются курсанты, тем меньше их выходит на утреннюю физзарядку, но – тем активнее и быстрее они перемещаются в столовую на завтрак. На то и старший курс!

Младшие курсы пытались с утра над кем-нибудь подшутить. Шутки и розыгрыши бывали разные, но в каждой роте свои. Однажды перед подъемом курсанты старшего курса нашей роты решили разыграть Сергея Ж. Он всегда отличался желанием поспать, и порой утром его невозможно было добудить. Перед подъемом несколько человек зашли в его кубрик,

осторожненько взяли кровать со спящим Сергеем и перенесли в помещение, именуемое бытовой комнатой. После утренней физзарядки курсанты потянулись в бытовку бриться и умываться. Сергей спит. Становится все шумнее. Он просыпается, вертит головой, ничего не понимая. А когда до него доходит, начинает искать обидчиков. Но это вызывает у присутствующих еще больше смеха.

Не уступали в своих проделках и дневальные, дежурившие в ночные часы. Как говорится, «по дружбе» могли стоящие у кровати повседневные ботинки прикрутить к полу шурупами. Одежду, лежавшую «кирпичиком» на баночке у изголовья, прошить насквозь суровыми нитками, а потом с удовольствием смотреть, как курсант пытается одеться, падает и снова пробует надеть прошитые насквозь брюки и тельняшку.

Или вот еще игрушка – «муравьи»: берется нить такой длины, чтобы её можно было протянуть под простыней соседа по кубрику. Вдоль нити на расстоянии в двадцать сантиметров друг от друга вяжутся узелки, после чего она помещается под простынь. Когда после команды «Отбой!» сосед затихает, начинаешь медленно протягивать нить. Ощущения, что под тобой муравейник! Задремавший курсант подскакивает и начинает стряхивать с постели «насекомых». Свет после отбоя зажигать нельзя! Выполнив зачистку, он вновь ложится, и едва начинает тихонько посапывать, нитка вновь протягивается! Все повторяется сначала, но уже гораздо веселее.

Да, когда в роте сто здоровых парней, объект для шуток найти не сложно, как и время для их исполнения!

Особым уважением в училище пользовались спортсмены. Помимо ежедневной физзарядки по утрам такие курсанты посещали спортивные секции. Отдельные добивались высоких результатов. Так, Валентин Л. и Сергей М. – отличные баскетболисты, в составе сборной училища выступали на первенстве края, Валерий Л. был призером краевых соревнований по боксу, а самых больших успе-

хов добился Анатолий К., став чемпионом Приморья по плаванию. Этим курсантам полагалась двойная порция в столовой (особый приказ начальника училища) и дополнительное свободное время для посещения тренировок. Но службу и дежурства они несли вместе со всеми.

Так, регулярно курсанты нашей роты заступали в наряд по бассейну. Он располагался в отдельно стоящем здании и в 20:00 закрывался, до утра там находились только двое дежурных. По инструкции каждые два часа положено обходить здание по периметру и делать соответствующую запись в журнале дежурств. Камер наблюдения тогда не было. И курсанты роты, несущей наряд по бассейну, после отбоя перебежками перемещались туда и по два-три часа кряду не выходили из воды. Разумеется, купание происходило в полной темноте. А дежурные, как бы ничего не замечая, должны были периодически обходить вокруг здания и отмечать в журнале, что снаружи все хорошо.

...Анатолий К. заступил в наряд по бассейну. Все, кто хотел, уже искупались, он остался один на боевом посту. Ночь ему показалась скучной и длинной. Обойдя здание, он сделал запись в журнале: «Обошел вокруг здания бассейна. Стоит!» Ещё через два часа: «Обошел вокруг здания. Как стояло, так и стоит!» Спустя ещё два часа: «Да кому оно нужно? Стоит на прежнем месте». И так – на каждом контрольном отрезке времени.

Через день после его дежурства на утренний осмотр приходит начальник ОРСО.

– Курсант К., выйти из строя! – прозвучал его строгий голос. Анатолий вышел из строя.

– Наверное, писателем мечтаете стать? Романы пишете по ночам, – продолжал он.

Как вы понимаете, захватывающей дискуссии не получилось – Анатолий раскаялся, но все, что положено, получил. Больше его в наряд по бассейну не ставили, а чаще – в кочегарку, там не нужно было по ночам обходить здание.

Ростовщик

Одно время в ротном помещении у курсантов стали пропадать деньги. Кубрики, в которых мы жили, не закрывались на ключ. Запоры были только на дверях канцелярии роты, баталерки, где хранилась наша верхняя одежда, и фотолаборатории. И вот в коллективе завелся кто-то нечистоплотный. Посторонние исключались, так как на входе в роту всегда стоял дневальный.

В один прекрасный день курсант Сергей Ж. получает из дома денежный перевод на приличную сумму. Об этом курсанте нужно сказать особо. Он был немного странноват по нашим меркам: какие-то мягкие плавные движения руками, очень тщательно следил за своей внешностью, всегда пытался чем-то выделиться из общей группы. Ходил вальяжно, не спеша, и, если сравнивать с сегодняшними знаменитостями, манерами напоминал стилиста Зайцева. Не подумайте про его ориентацию, с этим у него было все в порядке.

Получив из дома перевод, он сидит в кубрике и решает задачу – куда спрятать деньги. В кубрике еще двое, Шура М. и Лева Н., они играют в шахматы и как бы между прочим ему советуют – зашей деньги в матрас. Как словом, так и делом. Сергей расправляет постель, делает в матрасе надрез, туда прячет деньги, зашивает все, заправляет постель и гордо осматривает результаты своего труда. Удовлетворенный осмотром, он уходит в библиотеку.

А в это время Шура и Лева расправляют его постель, переворачивают и надрезают матрас с другой стороны, зашивают и разрывают, имитируя кражу.

Вернувшись в кубрик, Сергей попрыгал на своей кровати и решил проверить – все ли в порядке с деньгами. Расправляет постель... и ужас застывает в его глазах – матрас разорван! Он лезет в разрез руками, пытаясь найти деньги, а через несколько минут роту оглашает его крик: «Воры! Вы воры! Отдайте мои деньги!», и все

это сопровождается обильной ненормативной лексикой. Его товарищи по кубрику как ни в чем не бывало продолжают шахматную баталию.

На Сережины крики сбежалась вся рота. Он не успокаивается, кричит, активно жестикулирует, требует вернуть деньги! Когда атмосфера напряженности достигла своего апогея, ребята ему говорят: «С обратной стороны матраса посмотри. Может, ты матрас перевернул...» Он переворачивает матрас и видит зашитый разрез. С минуту стоит столбом, потом быстро разрывает нитки – вот они, его деньги!

Самое интересное, после этого события случаев пропажи денег в роте больше не было, а Сергей получил прозвище «Ростовщик».

«Уходим завтра в море...»

Третий курс запомнился особо – мы приступили к сбору и оформлению документов для получения загранпаспорта моряка. Нужно было заполнить множество анкет (вопросы в них в том числе касались близких родственников: родителей, братьев и сестер), написать автобиографию. Все это без помарок и исправлений.

Наконец, заполненные документы были сданы, и мы с нетерпением ждали результатов. Получение паспорта означало, что его владелец в составе экипажа судна может пересекать государственную границу. Отсутствие паспорта позволяло в будущем на практике побывать в большом каботаже лишь в пределах СССР: Камчатка, Курилы, Певек, Амбарчик и иные населенные пункты на побережье Северного ледовитого океана.

Загранпаспорта мы с Николаем получили, и в мае вышли на теплоходе УПС «Меридиан» в рейс. УПС – учебно-производственное

судно. Маршрут – мечта путешественника: Владивосток – Хайфон (Вьетнам) – Сянган (Гонконг) – Бангкок (Таиланд) – Манила (Филиппины) – Кобэ, Модзи, Симоносеки (Япония). Рейс продолжался около двух месяцев. Впечатления остались самые яркие.

При мысли о том походе первое, что всплывает в памяти, – жара. За день палуба нагревалась так, что ходить по ней было невозможно. Но вечерами, когда становилось прохладнее, мы все высыпали наверх и наблюдали и летающих рыбок, и другие причуды природы.

Первый порт, где разрешили сойти на берег, – Хайфон. Грязь, невероятная вонь и вьетнамки с черными накрашенными зубами – это было что-то...

Все время было расписано по минутам, жили по строгому распорядку дня. Постоянная борьба со ржавчиной, вахта на мостике и в машинном отделении. В Хайфон пришли с мукой, но разгрузка затягивалась. Вьетнамцы маленькие, худенькие, для них поднять стокилограммовые мешки с мукой было не по силам. Они в трюме выбирали колодец среди мешков, в него опускали поддоны и сверху сбрасывали на поддоны мешки. По правилам техники безопасности, так работать было запрещено. Но мы ничего не могли с этим поделать, и они продолжали работать по-своему.

Все двери и иллюминаторы были задраены, любая забытая на палубе вещь мгновенно исчезала, воровали все и всё, что попало под руку. Александр М. собирал всяких жучков и паучков по просьбе своей младшей сестры. В этот день он поймал что-то похожее на стрекозу и приколот ее иголкой к деревянным леерам, чтобы немного подсохла. Проходящий мимо вьетнамец посмотрел на нас, на эту стрекозу, быстро схватил её, что-то оторвал и сунул себе в рот. И с аппетитом съел!

Хайфон – по тем временам большая, грязная деревня. Но на берег все равно хочется сойти. Мы с Николаем получили разрешение и пошли прогуляться по городу. Тяжелый смрад сопровождал нас повсюду. Побродив с час, решили возвращаться, а заодно купить

бананов, чтобы угостить ребят. Подошли к уличному торговцу, протянули деньги. Он начал отпускать нам бананы. Мы не говорили по-вьетнамски, он не говорил по-русски, а горка бананов продолжала расти... В итоге нам помогли их связать, подвесить на какую-то деревянную палку, и, положив ее на плечи, мы двинулись в сторону порта. Хотелось угостить всех этим фруктом. Каково же было наше изумление, когда, подойдя к «Меридиану», мы увидели, что с берега на судно грузятся бананы в огромных сетках. Сюрприз не удался...

В Бангкоке мы долго поднимались вверх по реке – причал находился среди густых мангровых зарослей, до города было далеко. Нам организовали одну экскурсию, но город тоже не произвел особого впечатления. Зато впечатлила работа местных грузчиков, вернее – их общение. Разговаривали они на тайском языке, но через слово вставляли русский ненормативный сленг. Кто-то их здорово этому обучил! Мат был отборный, такое не часто услышишь и среди русских докеров.

Дальше наш путь лежал в Манилу. Мы долго стояли на рейде, ожидая место под разгрузку. Вокруг нас крутилось много лодочек, филиппинцы предлагали всякие сувениры, спиртное, но взамен просили русские железные рубли, из которых они впоследствии делали всякого рода украшения. Мы решили выменять у них на железные деньги бутылку виски, и вот уже она у нас в кубрике.

Во времена СССР на море была хорошая традиция – каждому члену экипажа при пересечении параллели Северного тропика (23 градуса 26 минут северной долготы) полагалось по 100 миллилитров сухого белого или красного вина в день. Приходишь на обед, а у входа в столовую стоит поднос с вином! Выбирай – не хочу! Полагали, что так легче переносить жару. «Меридиан» пересек этот тропик ещё на подходе к Вьетнаму, и мы стали получать положенную «сотку» «Гымзы» – было такое дешевое и сердитое вино.

Но то, что мы выменяли у местных, это не «Гымза», это виски «Белая лошадь». Перед ужином мы разделили содержимое бутылки на восемь долей и выпили. Вроде бы все удачно, никто не

заметил. Но минут через пятнадцать нас так развезло! Жара, духота, длительное отсутствие практики по употреблению крепкого алкоголя сыграли свою роль – мы были пьяные в хлам. На следующий день у нас пытались узнать – откуда алкоголь. Мы твердили одно – в обед сухое пить не стали, а выпили все перед ужином. Разборками все и ограничилось.

Покинув Манилу, наш теплоход взял курс на Японию. Но через день мы попали в шторм. Болтанка продолжалась два дня.

Кстати сказать, существует три вида морской болезни. Первый всем известен – это когда человека выворачивает наизнанку. Второй – когда постоянно хочется есть. Третий – когда человек мысленно представляет, что глубина под ним три километра, и он боится ступить шаг, чтобы не быть смытым волной.

Особенно тяжело переносится шторм в машинном отделении. Замкнутое пространство, жара от работающего дизеля – уже одно только это сильно давит на человека. Для полноты картины добавим красок: продолжая бороться со штормом, судно носом разворачивается к волне, и ты чувствуешь, как теплоход медленно взбирается на нее, потом – секундная пауза на гребне волны. В этот момент лопасти гребного винта оголяются и начинают набирать обороты, но как только судно начинает движение вниз по волне, лопасти винта соприкасаются с водой, раздается страшный удар, все судно дрожит. Впечатление не для слабонервных. И так – волна за волной, удар за ударом, час за часом!

В такие дни на камбузе готовят что-нибудь вкусненькое. В нашем случае это были пельмени. Так как половина курсантов лежала пластом, нам больше доставалось. Я имею в виду тех, кто во время шторма всегда был голоден.

Шторма налетали, терзая судно огромными волнами и резкими порывами ветра, но наступал новый день, шторм уходил искать другие суда, солнце ярко светило, голубое с оттенками ультрамарина небо отражалось в морской воде, и жизнь судовая налаживалась...

Меж тем океан продолжал открывать перед нами все новые свои стороны, ранее нам не знакомые. На подходе к Японии нам посчастливилось увидеть смерч в открытом океане – зрелище это не для слабонервных, скажу я вам. А еще – огромную стаю дельфинов, казалось, что они занимают всю поверхность до самого горизонта. И не могу не сказать о морских закатах, когда солнце медленно приближается к горизонту, растягиваясь в эллипс – такое ощущение, что океан не пускает его дальше. Вдруг в один миг оно как бы проваливается в пучину и через десяток минут наступает полная тьма.

...Япония поразила нас чистотой, высоким уровнем жизни и технологического развития. В роли экскурсантов мы побывали на одном из крупнейших в мире контейнеровозов. Его размеры, простота в управлении для нас были в диковинку. Но самое интересное – нас познакомили с навигационной системой (типа нашей современной «ГЛОНАСС»), которая уже тогда функционировала на многих грузовых судах, определяя местонахождение судна с точностью до полутора метров.

В общем, плавпрактика была не только интересной, но и чрезвычайно насыщенной, познавательной. Мир будто распахнул перед нами новые горизонты. А впереди нас ждали еще два года курсантской жизни. ●

Виктор Цыганков. Рота, подъём!



Командиры рот.

В центре подполковник К. И. Пивоваров. Первый ряд первый слева командир 13 роты капитан третьего ранга Г. Ф. Макухин.

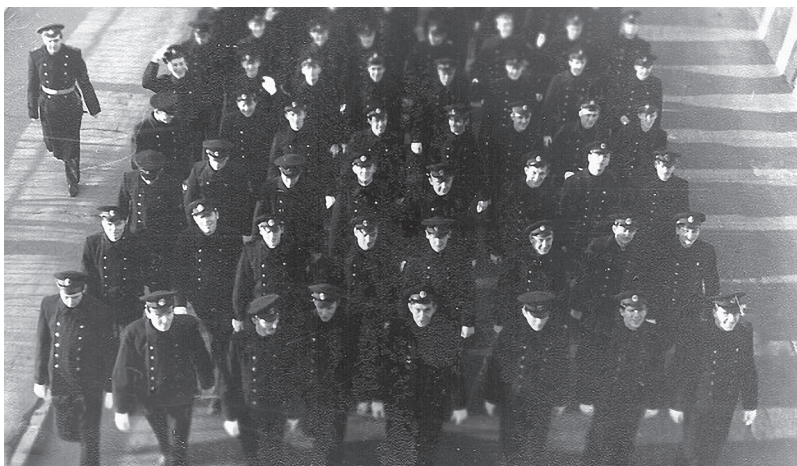


Наш ОРСО.

Кафедра ВМП:
Н. М. Веселок,
К. И. Пивоваров.



В порту Петропавловск-Камчатский.
1975 г.



Наша колонна.
Училище идёт на демонстрацию, ноябрь 1976 г.

Виктор Цыганков. Рота, подъём!



Последнее фото нашего курса.

С командиром роты после парада, 9 мая 1977 г.



Встреча на 36 причале.

Первый ряд слева направо: Саша Попов, Юра Феропонтов, Женя Козлов, Марк Горбонос, Паша Штыков, Лева Новиков, Вова Горелов.

Второй ряд слева направо: Вова Шаланин, Саша Каширский, Рашит Халиулин, Валя Письменный, Слава Федорцов, Толик Григорьев, Сергей Ежов, Сергей Баяндин, Саша Билюк, Сергей Шабанов, Саша Мельников, Саша Ильдеряков, Саша Пыстогов, Сергей Кудрин, Сергей Залуцкий, Сергей Наумов, Сергей Чекалин.

П Р И К А З
НАЧАЛЬНИКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ВЫСШЕГО ИНЖЕНЕРНОГО
МОРСКОГО УЧИЛИЩА ИМЕНИ АДМИРАЛА Г.И.НЕВЕЛЬСКОГО

№ 586

"30" июля 1977 г.

г.Владивосток

СОДЕРЖАНИЕ: О выпуске инженеров-эксплуатационников
по специальности I608 в 1977 году

§ 1

Объявляю решение Государственной экзаменационной комиссии о выпуске инженеров-эксплуатационников по специальности I608 "Эксплуатация водного транспорта".

Присвоить звание инженера-эксплуатационника и на основании Положения о ВУЗах СССР выдать диплом об окончании училища и нагрудный академический знак:

- | | |
|---|---|
| 1. АРХИПОВУ ВАЛЕРИЮ ПАВЛОВИЧУ | 24. ПЕТЕЛИНУ НИКОЛАЮ АРКАДЬЕВИЧУ |
| 2. БАЯНДИНУ СЕРГЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ | 25. ПОПОВУ АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ |
| 3. БИЛККУ АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ | 26. ПРОСТОЛУПОВУ АЛЕКСЕЮ ПАВЛОВИЧУ |
| 4. БУЛТАКОВУ ВАЛЕНТИНУ ПАВЛОВИЧУ | 27. ПЕСТОГОВУ АЛЕКСАНДРУ ВЛАДИМИРОВИЧУ |
| 5. ГОРЕЛОВУ ВЛАДИМИРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ | 28. ПИСЬМЕННОВУ ВАЛЕНТИНУ ВЛАДИМИРОВИЧУ |
| 6. ГОРЕНОС МАРКУ ИЗРАЙЛЕВИЧУ | 29. РЕЗНИКОВУ ИГОРЕ ГРИГОРЬЕВИЧУ |
| 7. ГРИГОРЬЕВУ АНАТОЛИЮ ИВАНОВИЧУ | 30. САВУШКИНУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ |
| 8. ДИВИНЦУ АНАТОЛИЮ ЛЕОНИДОВИЧУ | 31. СТЕПОВИКУ АНАТОЛИЮ ВИКТОРОВИЧУ |
| 9. ЕЖОВУ СЕРГЕЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ | 32. ТАВОЛЖАНСКОМУ ОЛЕГУ ГАВРИЛОВИЧУ |
| 10. ЗАЙКИНУ ПАВЛУ АЛЕКСЕЕВИЧУ | 33. ТЕЖИКУ ВАЛЕРИЮ РОБЕРТОВИЧУ |
| 11. ЗАЛУЦКОМУ СЕРГЕЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ | 34. ТИТОВУ АЛЕКСАНДРУ ДМИТРИЕВИЧУ |
| 12. ЗЕРНИНУ АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ | 35. ТРОФИМИШИНУ СЕРГЕЮ ИВАНОВИЧУ |
| 13. ИЛЬДЕРЕНКОВУ АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ | 36. ФЕРАПОНТОВУ ЕРИЮ БОРИСОВИЧУ |
| 14. КОЗЛОВУ ЕВГЕНИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ | 37. ФРОЛОВУ АЛЕКСАНДРУ БОРИСОВИЧУ |
| 15. КУДРИНУ СЕРГЕЮ ЛЬВОВИЧУ | 38. ФЕДОРЦОВУ ВЯЧЕСЛАВУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ |
| 16. ЛИНКЕВИЧУ ПЕТРУ СЕРГЕЕВИЧУ | 39. ЦИГАНКОВУ ВИКТОРУ МИХАЙЛОВИЧУ |
| 17. ЛАТЫШКИНУ ВАЛЕРИЮ ФЕДОРОВИЧУ | 40. ХАЛИУЛЛИНУ РАШИТУ НУРЛЫГАНОВИЧУ |
| 18. МЕЛЬНИКОВУ АЛЕКСАНДРУ РАДИЕВИЧУ | 41. ЧЕКАЛИНУ СЕРГЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ |
| 19. МИКИРТУМОВУ ИГОРЕ КОНСТАНТИНОВИЧУ | 42. ШАБАНОВУ СЕРГЕЮ ЕГОРОВИЧУ |
| 20. МАРГАЧЕВУ МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ | 43. ШАЛАНИНУ ВЛАДИМИРУ СЕМЕНОВИЧУ |
| 21. НАУМОВУ СЕРГЕЮ ВИКТОРОВИЧУ | 44. ШИХАРОВУ КОНСТАНТИНУ ИВАНОВИЧУ |
| 22. НОВИКОВУ МИХАИЛУ ГРИГОРЬЕВИЧУ | 45. ШКОРОДЕНКУ ГЕОРГИЮ ИННОКЕНТЬЕВИЧУ |
| 23. НОВИКОВУ ЛЬВУ ВАСИЛЬЕВИЧУ | 46. ШТЯКОВУ ПАВЛУ ВИКТОРОВИЧУ |

§ 2

Бухгалтерии и отделу кадров ДВВИМУ произвести выпускникам полный расчет, снять со всех видов довольствия со 2 августа 1977 г. и направить на работу согласно плану распределения.

§ 3

После повторной защиты дипломных проектов выдать дипломы инженера-эксплуатационника и нагрудный знак:

- | | |
|-----------------------------------|-------------------------------------|
| 1. БЕЛЯЕВУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ | 2. САВОСТЬИНОВУ ВАСИЛИЮ НИКОЛАЕВИЧУ |
|-----------------------------------|-------------------------------------|

§ 4

От имени командования, партийной, профсоюзной и комсомольской организаций ДВВИМУ имени адмирала Г.И. Невельского поздравляю выпускников с окончанием училища.

Выражаю уверенность, что новый отряд инженеров-эксплуатационников будет с честью выполнять свой долг перед Родиной.

И.О. Начальника ДВВИМУ
им. адм. Г.И. Невельского
к.т.н., доцент


Р.Д. МЕЛЬНИКОВ

*Памяти однокурсника
Анатолия Степовика*

90 МИНУТ

*...Для тех, с морем кто судьбу связал,
Не страшен и девятый вал!
Но, видно, в море не бывал,
Кто так сказал.*

Слова известной песни

24.09.1983 г., 00:30

Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки

«Твою мать!» – только и успел подумать Стопов, как его подхватил мощнейший водяной вал, и потеряв под ногами твердь палубы, почувствовал, как ледяная вода накрыла его с головой. Едва вынырнув и сделав вдох, был тут же накрыт вторым валом. В следующий раз, прорвавшись сквозь толщу воды на поверхность, он успел сделать вдох и осмотреться. Корма яхты медленно удалялась от него, идя носом навстречу новым водяным валам, от встречи с которыми из-под форштевня вылетало огромное количество водяных брызг и пены.

Не почувствовав натяжения страховочного линя, напрягся. Опустив правую руку на пояс, он попытался нащупать карабин, к которому крепились страховка. Но пальцы не нашли ни карабина,

ни страховочного пояса. Вероятно, рывок был такой силы, что пояс не выдержал и лопнул.

Мысли вихрем закрутились в голове: «Быть не может! Я же сам проверял...» Действительно, перед выходом в море все было проверено. Такелаж, в прочности которого были сомнения, заменен. Стопов лично занимался этой работой, учитывая её важность. Вероятно, это тот случай – один на тысячу, – когда порыв ветра совпал с направлением удара волны, плюс масса его тела – страховка не выдержала!

«Спокойнее, без суеты и нытья!» – сказал сам себе и попытался оценить ситуацию, в которой оказался. Через десять, максимум пятнадцать минут, когда волны начнут бить по бокам яхты, экипаж поймет – у руля никого нет. Через шестнадцать минут яхта встанет на циркуляцию, и за борт будут выброшены спасательный круг и сигнальный маячок. Ещё через тридцать минут, описав по циркуляции круг, яхта выйдет к сброшенному за борт сигнальному маячку. Итак, у него есть пятьдесят или чуть больше минут, чтобы, двигаясь в сторону ушедшей яхты, найти маячок. Второе – надо продержаться все это время в воде при температуре плюс 9 градусов по Цельсию. Вот это – самое трудное. Человек при такой температуре может находиться в воде максимум 90 минут. Значит, у него и экипажа на все про все 90 минут...

И он начал, насколько возможно, быстро двигаться в направлении ушедшей яхты. Комбинезон и спасательный жилет мешали, сковывали движения рук и ног, но бросать их нельзя – так он заметнее.

24.09.1983 г., 00:45

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки.
Борт яхты «Паллада»**

Александр Рогов, капитан крейсерской океанической парусной яхты «Паллада», почувствовал неладное через десять минут

после ухода старпома на вахту. В это время года в Японском море шторма бушевали часто. И в штормовую смену, да еще и в ночь, у штурвала остаются наиболее опытные члены экипажа. Рогов знал – как и он сам, Анатолий имел достаточно опыта управления судном в самых трудных погодных условиях, вместе прошли по морям и океанам не одну тысячу миль, бывали в разных переделках, но всегда ощущали крепкое и надежное плечо друг друга. И когда яхта начала встречать волну не носом, а разворачиваться к ней бором, интуиция подсказала – что-то идет не так.

«Что за ерунда?» – захлопывая книгу, подумал капитан и решил подняться наверх. В кают-компании подвахтенные играли в шашки. На верхней ступени трапа стало ясно – старпома на палубе нет, за штурвалом пусто!

– Аврал! Человек за бортом! – крикнул вниз. Подхватив страховочный линь, один конец закрепил на поясе, а второй, уже на палубе, карабином за леера. Через считанные секунды вся команда была наверху.

– Сергеев! – стараясь перекричать шум ветра и волны, капитан отдавал команды. – За борт – спасательный круг с сигнальным маячком! Миркачев, Ежов – проверить леера по правому и левому бортам! Искать страховочный линь! Включить прожектора и ревун с интервалом три минуты! Остальным – осмотреться с бортов, искать человека! Штурман, координаты радисту! Радист, радио в пароходство, сообщить о ЧП, передать координаты, через них просить помощи в организации поисково-спасательных работ у находящихся поблизости судов! Всем держаться – лево руля до упора!

«Паллада» как бы нехотя стала поворачивать влево на курс круговой циркуляции. Корпус дрожал, едва выдерживая натиск шторма с правого борта. Резкий поворот привел яхту почти к критическому крену, но благодаря высокой остойчивости и великолепному килю она шла по дуге круга, стремясь вернуться в начальную точку циркуляции. Каждый член экипажа знал, что старпому сейчас никто не поможет, кроме них, и что при такой погоде и темпе-

ратуре морской воды человек – каким бы тренированным он ни был – продержаться долго не сможет. Все команды выполнялись четко, быстро, без суеты. Между тем, ветер только усиливался, достигая в отдельные моменты скорости семнадцати метров в секунду. Волнение моря – четыре балла! Держись, старпом!

Для сведения

При получении сигнала «Человек за бортом» вахтенный помощник капитана обязан поставить судно на циркуляцию (движение по кругу), повернув для этого штурвал в правую или левую сторону – смотря по судоходной обстановке, и выбросить в воду спасательный круг с сигнальным маячком. Циркуляция необходима в связи с тем, что судно, обладая огромной инерцией, может отойти слишком далеко от того места, где произошло происшествие. При движении по кругу через определенное время оно окажется в точке начала циркуляции, где был выброшен за борт маячок. Чем крупнее судно, тем больше диаметр циркуляции, тем больше времени будет затрачено на этот разворот. Но в любом случае, если нет волнения волн, ветра и течения, создающих дрейф, судно вернется к изначальной точке. Тогда начинаются поисково-спасательные работы.

24.09.1983 г., 01:00

**Находка, морское пароходство,
управление безопасности мореплавания (УБМ)**

Оперативный дежурный УМБ внимательно прочитал радиogramму с «Паллады» и сразу же пригласил всю смену.

– Наша задача, – сказал он после прочтения радиogramмы, – организовать помощь в проведении поисково-спасательных работ.

Первое – определиться с районом поиска, запросить метеосводку с прогнозом на ближайшие дни. Подключить суда, находящиеся в непосредственной близости от района поиска. Связаться с китайской, корейской, японской береговыми службами, проинформировать их о случившемся и просить принять участие в поиске человека их силами и средствами, возможно, находящимися поблизости. Информацию о ходе работ докладывать мне через каждые полчаса. Вопросы? За работу!

Оперативный дежурный Артем Ерохин хорошо знал Стопова, который на два года позже него окончил морское училище и был направлен для работы в торговый порт. Встретились в пароходстве. Оба любили ветер, парус и яхты, вместе занимались парусным спортом в яхтклубе училища. От коротких походов по островам залива Петра Великого остались яркие воспоминания. Мечтали когда-нибудь под парусом обойти вокруг «шарика». Но Стопов не просто любил яхты, он болел парусами, каждую свободную минуту проводил в яхтклубе. А когда пароходство приобрело в Японии крейсерскую яхту, он не мыслил себя вне её команды. И по праву одного из опытейших яхтсменов занял свое место в экипаже.

Несмотря на ночной час, Ерохин набрал телефон президента яхтклуба.

– Иван Николаевич, здравствуйте! Это Ерохин, оперативный дежурный УМБ.

– Что-нибудь с «Палладой»? – без предисловий перебил Макаров. – Опытный моряк, отдавший много лет морю и парусу, он, выйдя на пенсию, возглавил яхтклуб, приступив к этой работе с такой энергией, что ему завидовали сверстники – откуда у человека в почтенном возрасте столько сил и юношеского задора.

– Да. У них ЧП – с борта смыло волной Стопова. Экипаж ведет поиск. В этом районе штормит: ветер до семнадцати метров в секунду, волна четыре балла. Температура воды 9 градусов. Занимаемся привлечением к поиску находящихся рядом судов.

- Артем, я сейчас подъеду!
- Хорошо, поднимайтесь сразу ко мне. Вся информация здесь.

24.09.1983 г., 01:00

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки**

Стопов боролся с волной и продолжал движение в направлении ушедшей яхты.

– Главное – не отклониться от направления! – твердил себе, и каждый раз, когда волна поднимала его на гребень, осматривался. Но маячка не было видно.

Водонепроницаемые часы «SEIKO» с подсветкой показывали, что в воде он находится тридцать одну минуту. Холод медленно, но упорно проникал внутрь организма. Руки устали, он стал чаще отдыхать.

«SEIKO» – подарок Настеньки на тридцатилетний юбилей. Он гордился этим подарком! Где, как, у кого ей удалось их пробрести, оставалось для него тайной, но подарок был просто роскошный!

Настенька! Жenuшка! Они вместе учились в школе, дружили с девятого класса. После школы он поехал во Владивосток поступать в морское училище. Моря мальчишка не видел ни разу, но однажды в руки попал справочник по вязанию морских узлов. Это так увлекло его, что сначала были прочитаны все книги о море в школьной библиотеке, а потом и в поселковой. После школы решил – только в морское училище. Родители поначалу противились, но зная его характер,пустили. Первая попытка оказалась неудачной, не прошел по конкурсу. Вернулся и, получив повестку о призыве на службу в армию, признался Насте в любви. Она ответила взаимностью, обещала ждать. Два года пролетели незаметно.

Демобилизовался и на третий день привел Настю домой, сказав: «Это моя невеста, будем играть свадьбу». Батя только улыбнулся: «Хорошая девка! Ничего дурного о ней в поселке не слышал. Будем гулять!» Свадьбу справили отменно!

Но мысли о море не покидали. Договорились с молодой женой, что он едет поступать на подготовительное отделение – так будет надежнее, и если поступит, снимет жилье и заберет ее. В октябре встречал жену на железнодорожном вокзале. Съемная комната была маленькая, но полна счастья и радости!

Через шесть лет он получил диплом инженера-эксплуатационника и направление в торговый порт Находки. Настя к этому времени окончила педучилище и стала воспитателем детского сада.

По новому месту службы долго не могли определиться с жильем. Наконец с помощью родителей купили на тихой улочке частный дом с окнами на море и приступили к обустройству своего гнездышка. Настя оказалась прекрасной хозяйкой и чудесной женой...

...Холод продолжал свою работу. Ноги становились деревянными и все хуже слушались, мысли текли медленно, как кисель. Часы показывали, что прошло сорок минут. Он продолжал делать взмахи руками, а глаза искали маячок.

24.09.1983 г., 01:15

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки.
Борт яхты «Паллада»**

– Нашел карабин! – прокричал Ежов с левого борта. Рогов подбежал к нему. В руках у матроса был страховочный линь, один конец его карабином пристегнут к лееру, а на втором болтались остатки страховочного пояса Стопова...

Старпом за бортом минут сорок, а они еще не вышли на сигнальный маячок. Ветер бушевал с прежней силой, вода холодными

брызгами заливала лицо, «Паллада» скрипела, но слушалась руля и упорно пробивалась к цели.

Из пароходства пришла радиограмма: «Через полтора часа в зону поиска войдет танкер «Душанбе», еще через три часа сухогруз «Федор Шаляпин».

«Долго, очень долго! – думал Рогов. – Нет у него столько времени в запасе!» Почему-то вспомнилось, как провожали яхту. Приглашение в Корею, в Пуссан, на ежегодную регату в честь Дня города они получили полгода назад. Заручившись согласием начальства, приступили к подготовке, работали много и упорно. Прежде всего, определились с экипажем. Отобрали самых лучших спецов, матросов-универсалов, каждый из которых владел несколькими специальностями. Смежные профессии на яхте, где экипаж всего-то семь человек – жизненная необходимость. Затем – паруса, такелаж, ходовая часть, навигационные и радиопередающие приборы. Все было проверено на десятки раз. При первой возможности выходили в море, необходимо было отрабатывать слаженность действий экипажа при любых погодных условиях. На завершающем этапе покрасили корпус. Яхта стояла у пирса белоснежная, как невеста.

Провожали «Палладу» от причала яхтклуба. Руководство пароходства, члены семей, яхтсмены и просто горожане, внимание которых привлекла белоснежная красавица, сказали в напутствие много хороших и теплых слов...

Для сведения

Крейсерская парусная океаническая яхта может достигать в длину до 50 футов (1 фут равен 30,48 сантиметра), при этом совершать плавание на более чем 2,5 тысячи километров со скоростью до 18 узлов (узел – мера скорости движения судна). Экипаж в количестве до 9 человек проживает в достаточно комфортных условиях со всеми необходимыми удобствами: большой кокпит,

ванная комната, кают-компания, кубрики и т. д. На яхте хорошая навигационная станция, радио и антенна, лебедка, карты, список маяков и портов на пути следования, медикаменты, запасной такелаж.

Обычно яхта несет две мачты: стаксель и грот, на которых крепятся два треугольных паруса соответственно. Основным элементом устройства парусной яхты является рангоут. Это система, которая в совокупности и создает каркас и основу крепления для парусов.

По-особому устроен киль яхты, его специально делают сильно выступающим вниз, чтобы лавировать против ветра. Такой выдвинутый киль работает как «тормоз» при боковой ветровой нагрузке, тем самым яхта движется вперед практически без сноса вбок.

24.09.1983 г., 01:30.

Находка, дом Стоповых

Насте в эту ночь не спалось. Вышла на крыльцо. Ветер не стихал, яростно гнал по небу рваные низкие облака, бросал в лицо холодную осеннюю морось, срывал оставшиеся желтые листья и уносил их куда-то прочь. В такую погоду хорошо сидеть дома у теплой печи. Сколько лет живет у моря, а так и не привыкла к резкой смене погоды, постоянной влажности, затяжным осенним дождям без грома и молнии, резкому запаху морских водорослей.

«Это здесь. А как там, в море?» – она постоянно думала о муже, когда он уходил под парусом. В этот раз, провожая его, почему-то почувствовала, как сжалось сердце, захотелось его обнять и не отпускать в эту Корею. Но разве его удержишь!

Немного постояв, тихо вернулась в дом. Дочери спали, разметавшись в своих кроватках. Легла, но мысли не покидали ее. «Как они там?»

24.09.1983 г., 01:25

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки**

Холод! Проклятый холод! Он незаметно сковывал руки, ноги, мысли, заставлял просто лечь на спину и закрыть глаза. Нет! Нужно найти сигнальный маячок. «Паллада» где-то рядом, еще чуть-чуть... Анатолий посмотрел на часы – в воде 55 минут.

Какой смысл смотреть на часы? Неумолимо бегущее время только раздражает! Подняв обе руки над водой, осторожно правой расстегнул браслет, нажал кнопку остановки часового механизма и положил часы в нагрудный карман спасательного жилета. Стало немного легче, бегущая секундная стрелка больше не раздражала.

«Где же этот маячок?» – Он постоянно осматривался, но ни маячка, ни прожекторов, ни звукового сигнала ревунa с яхты. Кругом темнота, шум штормового моря и холодная соленая вода...

Он уже не представлял, в какую сторону ушла яхта, где север, где восток... На какие-то доли секунды сознание покидало его...

24.09.1983 г., 02:00

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки.
Борт яхты «Паллада»**

«Полтора часа, а мы еще не вышли на сигнальный маячок!» – думал Рогов. Ветер и волнение усиливались, возможно, дрейф гораздо сильнее, чем он предполагал. Прожектора утюжили налетающие водяные валы с правого и левого бортов, через каждые три минуты «Паллада» посылала в ночную мглу громкий сигнал-ревун, но пока результат был не в пользу старпома.

24.09.1983 г., 02:30

**Находка, морское пароходство,
управление безопасности мореплавания (УБМ)**

Информация, поступавшая из разных точек, была неутешительной. Макаров и Ерохин молча посматривали друг на друга – оба представляли, каково там сейчас ночью в шторм в холодной воде Стопову. Оба понимали – два часа в воде такой температуры – очень много. Вопрос жизни и смерти решают считанные минуты. Самое обидное – что-либо предпринять было уже не в их силах. Оставалось сидеть и ждать радио с «Паллады»...

24.09.1983 г., 02:00

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки**

Анатолий уже не помнил, сколько времени находится в воде. В полузабытье в его голове проносились картинки прошлой жизни...

Вот он учится вязать морские узлы, первый поцелуй с Настей, первый армейский наряд, свадьба, однокурсники по морскому училищу, первый раз в море под парусом, диплом, свой домик в Находке, рождение дочерей – все медленно проплывало у него в сознании, и отличить реальность от видений было невозможно. Сознание, как и тепло, медленно уплывало, ног он не чувствовал, но продолжал монотонно работать руками...

24.09.1983 г., 03:00

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки.
Борт яхты «Паллада»**

Два с половиной часа – сто пятьдесят минут – идет поиск, но результата нет! Ветер срывал гребни волн и с размаху бросал их в лицо членам экипажа, словно глумясь: «Ну что, поборемся? Свою добычу я не отпущу! Я здесь хозяин!»

Корпус яхты от натиска ветра и волн дрожал, судно ложилось в крен на запредельные углы, но борьба человека со стихией продолжалась.

24.09.1983 г., 03:15

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки**

Стопов находился в бессознательном состоянии. Волны и ветер трепали, тормозили его тело, как бы говоря: «Ну же! Борись!» Но он уже ничего не чувствовал. В какой-то момент руки сделали непроизвольное движение, выскользнули из спасательного жилета, и... темная морская пучина сомкнулась над его головой.

На поверхности одиноко, скатываясь с одной волны и взбираясь на другую, ярким оранжевым пятнышком выделялся спасательный жилет...

24.09.1983 г., 06:00

**Где-то в Японском море,
на 360 миль юго-западнее Находки.
Борт яхты «Паллада»**

Ветер, как и обещали синоптики, к утру начал стихать. «Паллада» бороздила район поиска снова и снова. Рогов постарел за эту ночь лет на десять...

24.09.1983 г., 06:30

**Находка, морское пароходство,
управление безопасности мореплавания (УБМ)**

– Артем, я еду к Стопову домой. Нужно сообщить Насте о случившемся, – сказал Макаров и тяжелой походкой пошел к выходу.

24.09.1983 г., 07:15

Находка, дом Стоповых.

В окно Настя увидела, как к дому подъехала машина. Из нее вышел Макаров в парадной форме капитана дальнего плавания со всеми регалиями на груди. Сердечко сжалось... Она выскочила на улицу.

– Что-то с Толей?

– Анастасия Ивановна! Сегодня ночью в 00:30 в Японском море во время шторма Анатолий Григорьевич был смыт за борт волной! Поиски продолжаются. Но пока результатов нет...

Настя медленно опустила на крылечко, слезы текли из ее глаз.

Послесловие

Через три дня «Палладе» дали команду «Поиск прекратить и вернуться в порт».

Спустя пять дней после окончания поисковых работ корейский рыболовецкий сейнер поднял из моря спасательный жилет с надписью «Паллада» в 25 милях от места происшествия. Жилет в установленном порядке был передан советской стороне.

Еще через два дня Макарова пригласили в кабинет начальника пароходства. Вскрыли пакет, в котором находился спасательный жилет, переданный из Кореи. В нагрудном кармане лежали часы «SEIKO». Стрелки застыли на 01:27... ●

ОТПУСК

Накануне

Лето, легко перевалив середину июня, брало своё. Становилось все жарче и при практически стопроцентной влажности создавало у жителей и гостей Владивостока ощущение, что они находятся в предбаннике жарко истопленной бани. Пахло йодом и сохнувшей по берегам Амурского залива ламинарией, выброшенной морской волной на камни.

У курсантов Дальневосточного высшего инженерного морского училища имени адмирала Г. И. Невельского начиналась пора отпусков. Успешно сдавшие сессию, ознакомившись с приказом начальника училища о переводе на следующий курс, получали отпускное свидетельство и с ним – право на четыре недели отдыха! Рота за ротой, курсанты разлетались по городам и весям необъятного Союза – от Камчатки до Калининграда и Текелей, – где их ждали родители, невесты и школьные друзья.

...Раннее утро. В ротном помещении третьего курса судоводительского факультета тихо. Привычные слова: «Рота, подъем! Выходить на улицу, строиться на физзарядку! Форма одежды – голый торс!» – дневальный прокричит минут через десять. Можно немного поваляться в постели, всеми фибрами души предвкушая приближающийся отпуск. В ротах останутся лишь неудачники, провалившие экзамен или нахватавшие перед самым отпуском нарядов – их необходимо либо сдать, либо отработать, только тогда заветный отпускной приятно согреет курсантскую душу.

Игорь Каверзин – среднего роста, худощавый, веселый и неунывающий молодой человек, относил себя к курсантам-среднячкам. Вот и нынешний итог сессии: две оценки «хорошо» и трижды он «удовлетворил» преподавателей – его вполне устраивал. Взысканий серьезных не имел, команды и приказы командира роты и старшинского состава выполнял своевременно. Вроде бы все в норме, но негативной – по мнению старшины – чертой его характера был «длинный» язык. Впрочем, тут их мнения расходились – то, что старшина называл излишней болтливостью, сам Игорь считал достоинством.

– Сначала говоришь, а потом думаешь над тем, что сказал. Не даст тебе твой язык спокойной жизни, укороти его! – говаривал старшина, наставляя курсанта Каверзина. Любимой присказкой последнего по делу и без дела были слова: «Дядя плавал, дядя знает!». Как следствие, курсанты – известные любители приклеивать прозвища всем и всякому по случаю и без того – прозвали его Дядей.

Дядя лежал в постели, а мысли были уже в родном Хабаровске. Матушка хлопочет по хозяйству, печет его любимые пирожки с картошкой, Ольга, с которой уже договорились на будущее лето о свадьбе, выбирает перед зеркалом наряд, в котором завтра будет его встречать на вокзале...

Дневальный вместо «Доброе утро» прокричал набившие за три года оскомину слова: «Рота, подъем!..» Захлопали двери кубриков, курсантский народ побежал занимать места у гальюнов, а старшинский состав, поднятый дневальным на десять минут ранее, пошел зачищать кубрики, выгоняя курсантов на свежий воздух – на физзарядку. Начинаясь нудный, как осенняя морось, курсантский день. Но сегодня в воздухе почти осязаемо витало праздничное настроение – завтра отпуск! Народ шутил, курил, матерился по поводу и просто для выражения особого предотпускного состояния души. Пролетели подъем, физзарядка, приборка на закрепленных местах, завтрак, оставалось только ждать, когда начальник

организационно-строевого отдела подполковник Пивоваров Константин Игнатьевич назначит строевой смотр. Среди командиров рот и курсантов бытовало мнение, что если смотр будет назначен до обеда – рота у руководства училища на хорошем счету, можно по итогам семестра ожидать призовое место в межротном социальном соревновании, а если после обеда, да еще, не дай бог, перед ужином, то пиши – пропало, роте следующие полгода придется несладко...

В ожидании минуты тянулись медленно, как японская жвачка. Те, кто приобрел билеты на вторую половину дня, нервно курили, кто-то доводил до совершенства парадную форму, кто-то просто ходил из угла в угол.

«Рота! Построение на строевой смотр в 10:40! Форма одежды – парадная! Построение у ротного помещения!» – раздались волшебные, магические слова дневального, и все пришло в движение. Зашумело, забегало, заулыбалось – лед тронулся! Атмосфера счастья прямо-таки накрывала роту!

Курсанты построены, старшина командует: «Рота, смирно! Равнение – на середину!» Из помещения вышел командир роты каприти Макухин в парадном кителе с кортиком. Для него это тоже праздник – немного отдохнуть от курсантских проблем, навести порядок в документации, чуть пораньше отчалить домой, где его ждали две очаровательные дочери. Приняв рапорт старшины, поздоровался с курсантами и приказал вести роту на строевой плац. Нарядно-парадная колонна под свист и улюлюканье выглядывающих из окон курсантов других рот с левой ноги тронулась в сторону отпуска.

Начальник ОРСО подполковник Пивоваров был на плацу ровно в 11:00. Незаурядная личность, пример для подражания! Образец морского офицера: высокий, стройный, одет с иголочки, брюки и китель сидят великолепно, «корочки» начищены до блеска, – он снискал любовь и уважение не одного поколения курсантов своей порядочностью, справедливостью. Выполнив все положенные по такому случаю ритуалы, Пивоваров торжественно произнес:

– Товарищи курсанты! Вы славно потрудились в этом семестре и теперь вас ждут четыре недели заслуженного отпуска! Хочу напомнить, что и в отпуске вы остаетесь курсантами, то есть лицом родного училища. Берегите лицо – и свое, и училища! По вашему поведению будут судить обо всем коллективе, о степени культуры, дисциплины, чести и достоинстве, ему присущих – помните об этом! Не совершайте неблагоприятных поступков! И еще, – снизив градус торжественности, подполковник добавил: – По поручению начальника училища обращаюсь с просьбой к тем, кто еще не спланировал свой отпуск. Погодные условия этого года способствуют бурному росту травы, вдоль периметра училища ее как никогда много. Есть ли желающие отложить свой отпуск на неделю с его последующим продлением и оказать помощь административно-хозяйственной части? Есть ли добровольцы косить? – теперь уже с улыбкой задал вопрос Пивоваров.

Рота молчит. И вдруг раздается чей-то голос: «А под кого косить-то?..» Рота нервно замирает. Раздавшийся голос узнали все.

«Ну и дурак!» – с досадой подумал про себя ротный старшина.

«Этого еще не хватало!» – вихрем пролетело в голове ротного командира.

«Ну, Дядя!.. Теперь держись!» – обреченно сник каждый курсант.

Этот необдуманный и очень глупый вопрос мог дорого стоить всем! Начальник ОРСО медленно прошелся вдоль фронта.

– Кто задал вопрос – выйти из строя! – негромко приказал он.

Дядя замер. Фраза вылетела как бы сама по себе – вот дурной язык! Рядом стоящий сокурсник Алик толкнул в бок: «Иди, зараза, у меня билет на самолет в Калининград через 4 часа!» Мысли в Дядиной голове бешено искали выход: «Выйдешь из строя – рядами резанут отпуск, не выйдешь – получишь трепку от роты...»

Коснувшись правой рукой плеча впереди стоящего, он на ватных ногах вышел из строя на два шага, сделал поворот кругом и, стоя лицом к роте, громко сказал: «Курсант Каверзин!»

– Курсант Каверзин, отвечаю на ваш вопрос – лично вы будете косить траву! За нарушение дисциплины строя объявляю два наряда вне очереди! Завтра в 8:00 на развод в административно-хозяйственную часть!

– Есть – два наряда вне очереди, – упавшим голосом отпортовал Каверзин.

– Встать в строй! Командиру роты аннулировать отпускное удостоверение курсанта Каверзина до особого распоряжения! Желаю хорошего отпуска, товарищи курсанты! Командир роты, ознакомьте курсантов с приказом начальника училища о переводе на четвертый курс, проводите строевой смотр и – в отпуск! – И подполковник пошел в сторону главного корпуса.

– Курсант Каверзин, выйти из строя! – начал ротный. – Вернуться в расположение роты и находиться там до особого распоряжения!

Всю дорогу до роты Дядя ругал себя последними словами, но воробей улетел, теперь не поймашь! Праздничного настроения как не бывало! И пирожков с картошкой завтра ему не видеть как своих ушей. «Надо сообщить родителям и Ольге, что задержусь на три дня... Нет, это вечером, сейчас главное – что скажет командир». А отпуск был так близок!

Рота вернулась в казарму. В первую очередь, парни наспех пришивали заранее заготовленные четыре лычки на левый рукав парадной формы – все же четыре смотрятся гораздо солиднее, чем три. По нашитым лычкам опытные люди понимают – перед ними еще не морские волки, конечно, но вполне взрослые волчата, уже многое повидавшие, умеющие постоять за себя! Четвертый курс – это вам не тяп-ляп! Через полчаса ротное помещение опустело...

Разговор с командиром роты был коротким: «Курсант Каверзин! Вы завтра с 8:00 поступаете в распоряжение АХЧ на два дня! После отработки нарядов будет рассмотрен вопрос о вашем отпуске!» Вот так-то...

Грустно отужинав в курсантской столовой, едва дождавшись вечерних сумерек, Дядя пошел в «самоход» к вокзалу, где находился почтамт – звонить родителям. Для пущей конспирации надел гражданс-

кую рубаху и тайными тропками, по которым уже не один год курсантское племя бегало в самоволку, покинул расположение училища.

Разговор получился скомканным, можно сказать – не получился вовсе. Сказать правду не посмел, а только бубнил в ответ на расспросы матери, что задерживается на два дня, о причинах расскажет по приезду. Расстроенный, осторожно, теми же тайными тропинками вернулся на территорию училища и... бац – при входе в ротное помещение столкнулся лоб в лоб с дежурным офицером! «Твою мать!» – пронеслось в голове.

– Товарищ курсант, вы откуда? Да еще с таким нарушением формы одежды? – строго спросил офицер.

«Расскажу все как есть, что тут оправдываться!» – благоразумно решил Дядя и поведал все, начиная со строевого смотра.

– Значит, так, – резюмировал дежурный, – о вашей самовольной отлучке промолчу, а вот о нарушении формы одежды утром доложить командиру роты. Пусть принимает решение о наказании!

Становилось уже совсем не смешно!

В ту ночь в ротном помещении кроме Каверзина осталось еще пять обиженных судьбой курсантов. Около полуночи, насмотревших до тошноты телевизора, решили расписать «Тысячу». Одну партейку. Вчетвером ушли в дальний кубрик, и игра началась...

День первый

В четыре утра, закончив не одну пульку, побрели по кубрикам спать. Дяде снилось, что они с Ольгой гуляют по Амурской набережной. Приятный сон не хотелось прерывать, но чисто автоматически он взглянул на часы – 8:05! Развод в АХЧ! Эта мысль мгновенно выбросила его из-под теплого одеяла. Быстрее... быстрее... быстрее...

Несмотря на скорость, с какой он натягивал на себя форменную одежду (явно быстрее, чем в обычные курсантские будни!), на развод он опоздал, тот уже закончился. Обратившись к начальнику АХЧ, попытался исправить положение, но в ответ услышал:

– Вы, товарищ курсант, опоздали на двадцать минут! О вашем отсутствии уже доложено начальнику ОРСО. Идите и там решайте свои вопросы, у меня и без вас проблем выше головы!

В ОРСО разговор был краток – на первый раз замечание и... – в АХЧ, косить траву. Завскладом открыл нужную дверь, за ней стояло штук десять литовок, сразу было заметно, что ими давненько не пользовались.

– Выбери! – Нефедыч сделал широкий жест рукой в сторону стоявших в углу кос.

– А как их выбирают?

– Что, никогда не косил?

– Нет. Я парень городской, в Хабаровске вырос.

– Вот эту возьми, она под твой рост, – Нефедыч подал одну.

Дядя взял косу и решительно направился к зарослям травы. Много раз видел в кино, как в деревнях мужики, женщины и даже дети ловко и легко управляют с этим немудреным орудием сельскохозяйственного труда. Размахнулся от души и... чуть не упал – носок косы воткнулся в землю. Вытащил, попробовал еще – то же самое. За час работы он скосил от силы метра два, но устал невероятно. Коса явно не хотела работать как следует, нос постоянно норовил уткнуться в землю. Трава не срезалась, а по большей части сминалась от взмаха косы, а там, где ее все же удавалось победить, косы получались неровные – то ниже, то выше.

Намаявшись, решил идти к Нефедычу, менять косу.

– Почему не косит? Это твои руки не косят, а коса – она приложена к рукам. Так и быть, бери другую. Только думаю, вряд ли у тебя что-то изменится. Если и эта косить не будет, приходи – попробую научить.

Еще час работы – результат тот же. Коса не косит!

– Нефедыч, что за косы, – начал он. – Ни одна не косит.

Улыбнувшись и затянувшись «Беломором», завскладом объяснил, что косу нужно сначала отбить, затем бруском пройти – наточить, а уж потом косить. При этом держать инструмент правильно надо: пяточку прижимать, а нос, наоборот, немного кверху. Отбив косу, показал на газоне, как это делается. Коса шла мягко, срезая траву ровно – травинка к травинке. «А ты говоришь – не косит!»

К концу дня у Дяди даже что-то начало получаться. Но – руки в мазолях, спина колом, ноги еле передвигались. Да, это тебе не в кино!

Вернувшись после трудового дня в роту, доложил командир о вчерашней встрече с дежурным офицером. Командир с усмешкой посмотрел на него:

– О вашей «встрече» я знаю, читал суточный рапорт дежурного. Вы, курсант Каверзин, в отпуск не хотите? Ищете любой предлог, чтобы задержаться? Учтите, работы много, хватит на все четыре недели. А за нарушение формы одежды на территории училища объявляю вам наряд вне очереди!

В эту ночь он спал как убитый.

День второй

Дневальный разбудил Дядю, как и положено, в 6:50. Выбритый и настроившийся на предстоящую изнурительную борьбу с травой, в 7:50 он уже находился в АХЧ. Настроение было не очень. Назавтра предстоял еще один день отработки наряда, полученного вчера от командира роты.

Начав работать, к своему удивлению понял, что «не так страшен черт...» – к 11:00 была окошена такая же площадь, как вчера за весь день. Солнце жгло все сильнее, гордый за себя и за результаты

своего труда на благо родного училища, снял робу, закатал брюки выше колен и присел в тенечке под дубом на перекур. Молодой организм быстро взял свое, и через пару минут он уже видел себя дома, рядом с Оленькой...

Резко, как по команде, открыв глаза, он увидел рядом начальника училища, совершавшего традиционный обход территории с начальниками АХЧ, ОРСО и прочей свитой.

– Это что за явление? – спросил тот недоуменно. – Вы мне твердите – трава быстро растет, курсантов не хватает на работы, а тут под самыми окнами ОРСО – лежбище отдыхающих от мирских дел курсантов! Разобраться и наказать моей властью! – дав поручение, пошел дальше.

Разбор полетов привел Дядю еще к четырем нарядам. Перспектива отпуска стала столь же далекой, как земля Санникова.

День третий

Болело все тело. Руки, ноги, спина, но главное – голова! Что сказать домашним?! Как объяснить по телефону про свой язык и про катастрофическое стечение обстоятельств! Одно слово – «формажор»! Решил пока домой не звонить.

В этот день он работал со всей курсантской яростью: косил траву косой, рвал руками, топтал ногами, вырывал с корнем!

Ночью ему снился кошмар: он пытается дотянуться до своей Олечки, а между ними – трава! Чем больше он ее рвет и косит, тем больше ее вырастает! Её все больше, она все плотнее, а его Оленька все дальше и призрачнее!..

День четвертый

Выйдя из столовой после завтрака, Дядя направился сразу в АХЧ. По дороге его догнал запыхавшийся дневальный:

– Подожди, Дядя! Тебя вызывает командир роты. Приказано сразу явиться к нему!

«Ну, блин», – промелькнула «добрая» мысль, – чего еще там?»

– Не знаю, дежурный по роте велел тебя хоть из-под земли достать и немедленно к командиру! – заметив пробежавшую по его лицу гримасу, среагировал дневальный. – Видно, чего-то ты снова накосячил! – сделал он заключение и пошел в сторону роты.

Постучав в дверь и услышав в ответ «Войдите!», Игорь зашел в ротную канцелярию и с ходу начал доклад:

– Товарищ капитан третьего ранга! Курсант Каверзин по вашему... – и осекся. В углу на стуле сидел отец.

– Батя, ты? – спросил растерянно.

– Мать прислала на разведку, узнать, что с сыном происходит, – хмуро ответил отец.

– Батя, зачем?! Я же сказал – все дома объясню!

– Это ты матери объяснишь! А мне прикажешь тебя ремнем выпороть? Прямо здесь!

– Не горячитесь, – вмешался командир. – И, повернувшись к Дяде: – Курсант Каверзин, оставаться в роте до нашего возвращения. Ясно? Кругом, шагом марш!

Дядя вышел из канцелярии весь в поту.

– Ну, чего там? – спросил дневальный.

– Да еще пять штук прилетело! – ответил он.

– Ни хрена себе! Это-то за что же? – но Игорь уже не слышал, размашистым шагом топая туда, куда ему было приказано.

Через час его вновь вызвал командир роты. Отец находился здесь же, в канцелярии.

– Значит, так – вот вам отпускное удостоверение на 14 дней. Отпуск начинается с сегодняшнего дня. Отработку нарядов завершите после возвращения! Ясно? Роту можете покинуть прямо сейчас вместе с отцом! Вопросы? Вы свободны! – завершил командир и протянул курсанту отпускной.

На том, пожалуй, его злоключения в расположении училища и закончились. О том,

- как отец воспитывал его в поезде по дороге в Хабаровск,
 - как его встретили мама и невеста Оленька,
 - как он оправдывался перед ними, подпрыгивая словно карась на сковороде,
 - как произошло примирение,
 - как по возвращении в училище он профессионально работал косарем, получив благодарность от начальника АХЧ
- ...возможно, вы узнаете в следующем рассказе.

* * *

Отпуск подошел к концу. Четвертый курс судоводителей возвращался в стены своей альма-матер, а у парадной лестницы с косой в руках их встречал и приветствовал загоревший, окрепший, стройный, а главное – молчаливый, умудренный жизненным опытом курсант Каверзин! ●

*Олегу и Людмиле Груниным
посвящается*

БАНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

*Рассказ не основан на реальных событиях. Все персонажи,
места их работы и проживания выдуманы автором, ис-
ключение составляет кошка Дуся*

*Банальность – философское понятие,
не имеющее завершённого
смыслового понимания.
Может выражаться как в действиях,
так и в бездействиях здравомыслящего субъекта.*
Мнение автора

В жизни не бывает случайных или проходящих событий и только спустя какое-то время начинаешь понимать суть происшедшего, если к тому времени удалось сохранить в памяти те самые события.

Так, родившись в семье военнослужащего не по своей, как вы понимаете, воле, человек мотается по родной стране из одного военного городка в другой, переносит все тяготы воинской службы, положенные по долгу его предкам. И вдруг в далеком сибирском городке абсолютно случайно, как бы нехотя, встречает другого человека, который не менее избороздил просторы родной отчизны и которого злодейка-судьба из теплого южного города швырнула на выживание в холодный сибирский сугроб. Казалось бы, случайная

проходящая встреча, коих у каждого тысячи и тысячи, но случайности в ней нет. Итог – предложение руки и сердца, свадебный марш Мендельсона – и вот уже более сорока лет идут случайно встретившиеся по жизни нога в ногу...

Одним ранним декабрьским утром героиня нашей банальной истории Груня Люсина (назовем ее так) – привлекательная женщина неопределенного возраста, преподаватель университета, выглядевшая значительно моложе своих лет, понимавшая и любившая юмор, отличавшаяся веселым характером с непонятной изюминкой, которая одних мужчин пугала, других – радовала, а третьих просто валила с ног (это автор про изюминку) – открыла глаза и посмотрела на будильник. Шесть пятнадцать. Пора вставать, сегодня первая пара. Но просыпаться, а тем более покидать мягкую теплую постель не хотелось. Давно замечено – чем ниже температура воздуха за окном, тем сильнее человека притягивает постель, обостряется желание «впасть в спячку» подобно медведю и до самых первых листочков вкушать спокойный, сладкий сон... И Груня не была в этом вопросе исключением. Перспектива выходить на мороз, а после читать лекцию в прохладной аудитории не придавала ей бодрости, она интуитивно почувствовала, как еще не начавшийся день уже подпортил ей настроение. Взглянув на уличный термометр, который нагло показывал минус тридцать три по Цельсию, она мысленно высказала ему всё, что думает о его красной шкале и ее поведении.

Не добавило Груне положительных эмоций и собственное отражение в зеркале, висевшем в ванной комнате, куда женщина бросила мимолетный заспанный взгляд. Отражение, как и её хозяйка, не хотело ни вставать, ни умываться, ни читать кому-то лекции, оно ничего не хотело, кроме сна.

Открыв кран горячей воды, из которого долго бежала, весело журча, абсолютно холодная вода, она начала заочный диалог с руководителями управляющей компании, тепловых сетей, смысл

и содержание которого также не способствовало росту позитива у нашей героини.

Пока женщина вела заочные и бессмысленные диалоги в ванной, дожидаясь потепления воды, её муж Олег Олегович, стройный симпатичный мужчина с благородной сединой, в отличие от супруги, умеющий держать себя в руках при любых жизненных и семейных обстоятельствах, колдовал на кухне по поводу утреннего кофе, который у него всегда получался отменным.

Разлитый по чашкам кофе наполнил кухню приятным ароматом, приглашая хозяев к завтраку. Груня любила крепкий горячий сладкий кофе. Именно такой и готовил ее муж, но сегодня...

Кофе ей показался не крепким, не сладким и не горячим.

– Почему кофе такой? – Возмутилась она. – Холодный, жидкий, несладкий...

– Доброе утро, дорогая! Ты чего с утра? Кофе приготовлен по традиционному рецепту индейцев Южной Америки, – чувствуя, что супруга не в духе, парировал мужчина.

– Я чего с утра? Я – ничего! Просто в спальне кто-то осенью поторопился и плохо утеплил окна, поэтому там прохладно! И горячей воды не дожدهшься, потому что кто-то позволил этому ЖЭКу вести себя безответственно и отвратительно, и я не сомневаюсь, что у начальницы этого самого ЖЭКа горячая вода появляется в кране через десять секунд! И кофе... кофе лучше не варить совсем, чем варить по этому – как ты его назвал? – традиционному рецепту. Холодным, жидким и несладким пусть его традиционно и пьют бразильские индейцы!

Чутко уловив настроение хозяйки, кошка Дуся в это утро не стала заискивающе тереться о ее ноги, а предпочла улечься на кухонный подоконник, с интересом ожидая, чем закончится эта буря в стакане.

Сама же хозяйка, понимая, что уже окончательно перегибает палку, стоя в дверях, не смогла удержаться и бросила своему удивительно спокойному мужу последний камешек: «Ночевать домой не приду! Не теряй!»

Бросила – и сама испугалась сказанному! Но... воробышек уже вылетел, а очередная инъекция адреналина, попавшая в кровь, весело разбегалась по её телу.

– Воля твоя, уговаривать не буду! Надеюсь, ты все понимаешь и трезво оцениваешь свои слова и поступки, – спокойно ответил муж, для которого такое поведение жены было совершенно новым, незнакомым. И когда дверь за супругой закрылась, он, глядя на себя в зеркало в прихожей, озадаченно задал кошке вопрос: «Чего это на нее нашло?» Не получив ответа, направился в ванную, где из горячего крана, весело журча, продолжала бежать вода – теперь как и положено – горячая.

На улице темно, холодно, поземка замела за ночь дорожки, а дворники еще не вышли на традиционно русскую борьбу со снегом – как всегда, выпавшим абсолютно неожиданно. Ветер бросал в лицо колючий снег, пытался сорвать теплую шаль, заодно растегнуть и шубку. Внутренне готовая в данный момент остановить коня на скаку, Груня, чертыхаясь и путаясь в снежных наносах, продолжила внутренний монолог о зиме, снеге, дворниках и прочих важных и не очень делах и персонах. Досталось между прочим и Деду Морозу со Снегурочкой...

Едва не опоздав к началу первой пары, она зашла на кафедру окончательно раздраженной и готовой высказать всему миру свое мнение по любому вопросу. Но пока её мнение никто не спрашивал, её ждали студенты, обуреваемые желанием получить новые знания.

В аудитории, где она читала лекции, было не «прохладно», было откровенно холодно. Студенты, как нахохлившиеся на морозе воробы, сидели в теплых куртках и пальто, но Груня не могла позволить себе такую роскошь – читать лекцию о творчестве Достоевского в верхней одежде. Как следствие, к концу дня она окончательно промерзла и вести диалоги или монологи по острым злободневным вопросам уже не было ни сил, ни желания.

Зимний день короток. Стемнело рано. Преподаватели постепенно расходились по домам, вскоре она осталась в кабинете одна. Её мучал вечный вопрос русской интеллигенции: «Что делать?»

Идти домой? – Исключено. В кино? В такую погоду и так поздно – одной? Да и потом – посещение кинотеатра проблему не решало, а лишь оттягивало на какой-то промежуток времени.

Выйдя из здания университета, она почувствовала, что мороз крепчает, и гулять даже тепло одетой совсем не хочется. Женщина медленно шла по пустынным улицам, опустив голову, в правой руке – любимый портфель с лекциями, а левой она придерживала на груди шаль, пряча в нее от мороза нос и щеки. Пробежавшие изредка мимо запоздалые прохожие не понимали, как в такой мороз можно вот так неспешно прогуливаться...

«Что делать? Что делать?»

Внутренний голос в течение дня ей уже неоднократно твердил: «Думай, дорогая, что, когда и где говоришь!» Сейчас бы она и рада прислушаться к нему, но... воробей уже вылетел.

«А пойду-ка я в гости к Танюшке», – подумала про свою подругу и тут же представила, как та суетится на кухне, готовит ужин, варит кофе... (опять этот кофе! – чай, чай и только горячий чай!), как они сядут рядышком и поделятся друг с другом накопившими-ся проблемами.

На восьмом этаже высотного дома в окнах Танюшкиной кухни ярко горел свет, из приоткрытой фрамуги валил пар – подготовка ужина и впрямь была в самом разгаре.

Но тут вновь напомнил о себе внутренний голос: «А Виктор? Что он скажет? Наверное, сразу позвонит мужу...» Виктор – муж подруги. Он бывший военный, и ему во всем нужна дисциплина и ясность, он не поймет, почему в холодный зимний вечер она не дома со своей второй половиной.

Постояв в раздумье пару минут, она вдруг резко повернулась и пошла в сторону своего дома. Внутренний голос командным то-

ном что-то попытался возразить, но был далеко послан и... лишен права голоса.

Вот и дом! На кухне горел свет, судя по движению тени на занавесках, супруг что-то готовил. В глубине души затеплился приятный огонек, она вошла в подъезд.

Не спросив, кто, Олег открыл дверь, и её тут же окутали такие знакомые трепетные домашние волны тепла и уюта.

– Не ожидал... Проходи, – спокойно сказал супруг и, помогая снять шубку, спросил: – Я тут глинтвейн готовил, будешь?

Она молча кивнула головой в знак согласия. Сделав глоток, почувствовала свой любимый вкус. Вместе с напитком душу обволокла приятная мысль: «Приготовил мой любимый, с корицей... Значит, ждал!»

Переодевшись в домашнее, вышла на кухню. Аппетитные запахи напомнили ей, что весь день она ничего не ела.

– Голодная? – Спросил Олег. – Присаживайся, я тут немного похлопотал. Не знаю, правда, как получилось на вкус. – И поставил перед женой блюдо – жареная картошка со свининой. После глинтвейна и вкусного горячего ужина озноб прошел, тепло медленно растекалось по телу, хотелось спать...

– Извини... Спасибо за ужин! Я пойду, прилягу, сегодня тяжелый день, – сказала Груня и пошла в спальню. Глаза закрылись сами собой. Кошка Дуся, тонким животным чутьем уловив изменения в настроении хозяйки, устроилась рядом, ласково замурлыкала. Сквозь навалившийся сон женщина ощутила, как заботливые руки мужа укутали её теплым одеялом. Она была дома, в тепле, тишине и уюте...

Подглядывавший за ними через оконное стекло уличный термометр улыбнулся, а его шкала, оставаясь объективной даже в такой момент, опустилась до отметки минус тридцать пять по Цельсию... ●

*Людмиле и Георгию Чидилян
посвящается*

НА УЛИЦЕ «ХРУСТАЛЬНОЙ»

*Рассказ не основан на реальных событиях, все персонажи,
места их работы и проживания выдуманы автором, ис-
ключение составляет кот Чарли*

«Осень – она не спросит, осень – она придет,
И под зонтами осень медленно побредет.
Пусть мне приснится лето, я ему улыбнусь,

А под улыбкой где-то лишь притаится грусть...» – слова этой с юности знакомой песенки с утра завертелись в голове Люсьен сразу после того, как она выглянула в окно своей уютной спальни, расположенной на втором этаже их красивого дома. Картинка за окном не радовала. «Дождь, дождь, дождь... Хочу солнце. Хочу, чтобы по стенам прыгали солнечные зайчики, отраженные бассейном, хочу огромный букет полевых цветов, дурманящий своим ароматом... И в конце концов, просто хочу еще немного хорошего сибирского лета! Я так люблю тепло и лето, зеленую травушку-муравушку, яркие цветы, но почему – почему я родилась в Сибири?»

Но увы! Природе подобные вопли – даже и с поэтическим уклоном – безразличны. По оконному стеклу продолжали стекать мелкие капли моросящего дождя, а игровая площадка, на которой она еще совсем недавно играла в салочки со своими внуками, выглядела заброшенно и уныло.

Люсьен Чигирян – яркая, выразительная, интересная женщина, сохранившая юношеский задор и энергию, умеющая выра-

зить свое мнение, (для более четкого понимания которого собеседниками легко использовала ненормативную лексику), преодолевшая на своем жизненном пути немало преград и все-таки добившаяся своей мечты – стать членом Союза писателей, – мысленно сканировала окружающее пространство, пытаясь вскрыть причину, нарушившую её сон в это субботнее утро.

Пум-пум, пум-пум, пум-пум – равномерные звуки, доносившиеся снизу, явно исходили от удара теннисного мячика о стену.

«Вот черт! Я спать хочу, спать! У меня сегодня непростой день. Зачем ему понадобилось играть в этот долбаный пинг-понг в такую рань? Боже, – она перекрестилась, – дай мне сил и терпения!» С этими словами она распахнула дверь и достаточно громко – так, что её любимец, лишенный полового признака кот Чарли, пулей вылетел из комнаты – выпалила:

– Джордж! Не соизволите ли вы сменить вид спорта? Еще хочется поспать! Суббота!

Посчитав эту задачу решенной, она вновь нырнула под теплое одеяло и свернулась калачиком. «Да, суббота, – оттолкнувшись от ключевого слова, мысль получила новое направление. – Сегодня долгожданная встреча с друзьями, с которыми не виделись практически все лето. Интересно, прочли ли они мои рассказы, опубликованные в литературном журнале еще в июне? ...Но это вечером. А днем – уборка».

Господи, как она мечтала о своем большом и светлом доме, с какой радостью приезжала сюда во время строительных работ с одной лишь мыслью – скорее, скорее, скорее... И вот красивый дом-сказка, а в нем более трехсот квадратных метров – семь комнат, требующих внимания, ухода и порядка! Обычно она разбивала уборку на два дня, в один было тяжеловато, но сегодня – гости, старые друзья, и ей хотелось, чтобы дом был действительно домом с улицы «Хрустальной» – сверкал чистотой и блеском!

Заботы о домашнем очаге отнимали у нее так много времени, что приходилось с трудом выкраивать часы для работы. А писать

хотелось каждый день! Каждый день в голове возникали новые литературные сюжеты и герои, рождались стихи и проза. Но воплотить все это в жизнь – то есть буквально перенести на белый бумажный лист либо на экран любимого айпада – не хватало ни времени, ни сил.

Вот и вчера уже было собравшуюся занять место за рабочим столом Люсьен отвлекли неотложные домашние дела. Ни строчки за неделю! Такой итог раздражал её, и это состояние души плавно перетекло в субботнее утро.

«Ещё немного посплю», – решила она наконец, согрешившись под теплым одеялом, но её засыпающее сознание уловило мягкие, всюду проникающие звуки – на сей раз от ударов бильярдных шаров.

Это был тот случай, который в физике называют «неконтролируемый выброс перегретого пара», при котором физический ущерб наносится не только внешним объектам, но и внутренним конструкциям механизма, не сумевшим сдержать напор ударной волны.

Люсьен резким движением поднялась с кровати, да так быстро, что вернувшийся было кот Чарли, не успев сообразить, что происходит, кубарем полетел с одеяла на пол, громко мяукая. На ходу запахивая халат, она решительно направилась к лестнице с одной лишь целью – раз и навсегда навести в доме порядок и осудить поведение отдельных личностей в субботу утром!

Подойдя к винтовой лестнице, ведущей вниз, в спортивную комнату, и убедившись, что источник звуков находится именно там, Люсьен, встав в стойку, в которой знаменитый боксер олимпийский чемпион Валерий Попенченко встречал своих противников, ласковым многообещающим голосом, как это умеют делать только представительницы прекрасного пола, позвала: «Жора, иди сюда!»

Еще не договорив фразу, она вдруг почувствовала в левой ноге резкую боль, пронзившую ее от поясницы до ступни. «Вот черт!» Боль эта была ей хорошо знакома. Летнее тепло на какое-то

время позволило забыть об этой проблеме, мучавшей её в холодные зимние дни, и вот первое же ненастье – и первый осенний приступ!

«Черт, черт, черт! Только не сегодня, только не сейчас! А уборка?! А гости вечером?! Нет, это невозможно! Нет! Нет! Нет!» – мысли веером пронеслись в голове, атакуемые непроходящей болью.

– Жора! Жор! Помоги! – произнесла уже другим голосом, держась одной рукой за перила, а другой за стену.

В дверном проеме спортзала появился красивый, с седыми волнистыми волосами и с лицом древнеримского сенатора крепкий мужчина.

– Доброе утро, дорогая! – с улыбкой и мягким кавказским акцентом запоздалоотреагировал на появление супруги Джордж, ее муж.

Джордж – он же Жора, он же Георгий – родился и вырос на Кавказе, был воспитан в строгом уважении к женщине, любил и умел трудиться, знал, для чего человеку нужен язык, любил свою жену, детей и был без ума от внуков. В любой ситуации старался сохранять спокойствие – подобно горному орлу, парящему высоко в облаках и оттуда наблюдающему за мирской суетой.

Почувствовав неладное, он в два прыжка оказался рядом с женой, подхватил ее и, помогая на каждом шагу, повел обратно в спальню.

– Дорогая, так нельзя! Ты забыла, что говорил тебе доктор? Я напомним: никаких резких движений с утра! Сначала физзарядка, а потом все остальное. И не нервничать. Спокойствие и еще раз спокойствие! Все будет хорошо! Держись за меня крепче!

Опираясь на сильные руки мужа, она молча двигалась в сторону спальни. Вести разговоры о том, кто и что должен делать в субботу утром, уже не хотелось. Уложив ее в постель, супруг подал лекарства и стакан с водой.

– Полежи! Через десять минут будет свежий кофе, – сказал, уходя на кухню.

Люсьен готова была разрыдаться. Столько времени она ждала эту дружескую вечеринку! Ждала обсуждения ее новых рассказов. И надо же было такому случиться! Опять откладывать, опять переносить?

Джордж принес и поставил на прикроватный столик поднос с кофе и бутерброды с ее любимым сыром. С краю, на белоснежной салфетке, лежал трогательный осенний цветок, с еще не высохшими капельками дождя на лепестках.

– Знаешь, – начал он, присев на банкетку у кровати, – ничего отменять не будем. – Муж словно прочитал ее мысли. – Ты только не волнуйся и спокойно отдыхай. К вечеру все пройдет, и мы сможем принять гостей. – На её попытку возразить твердым голосом продолжал: – Я сказал – ни о чем не беспокойся и не волнуйся. Приводи себя в порядок, об остальном я позабочусь. Да – вот твой айпад! Отвлекись от болячки, порадуй вечером меня и друзей новыми стихами, – на этих словах он улыбнулся и вышел из комнаты.

Допив кофе, Люсьен откинулась на подушку, закрыла глаза и представила себя маленькой девочкой под защитой грозного и справедливого воина гор. На душе стало спокойно, умиротворенно, по телу растекались теплые волны от горячего ароматного кофе и... чего-то еще, что не объяснишь словами.

Проснувшись минут через сорок, она почувствовала, что боль немного стихла. Устроившись поудобней, взяла айпад и полностью окунулась в мир своей новой героини. Пальцы сами летали по клавиатуре, страница за страницей развивался сюжет. Люсьен не слышала, как Георгий возился со шваброй, пылесосом, наводил в комнатах порядок, отъезжал в город за продуктами, сервировал стол... – работа кипела в его сильных руках. Она была в другом мире – мире добра и зла, надежд и разочарований, в мире любви и ненависти.

Встав с постели за полтора часа до прихода гостей, Люсьен приняла душ, уложила волосы, прихорошилась («навела лоск», как называл это Джордж) и лишь после этого вышла из спальни. Дом

блестел. Везде исключительная чистота и полный порядок. Не такие, какие наводят женщины в своем гнездышке, а мужской такой армейский порядок, армейская чистота, отличающаяся особым мужским шармом.

«Наверное, так и должен выглядеть хрустальный дом в понимании мужчин», – подумала она.

На кухне, в рабочей зоне, что-то варилось, овощи порезаны, копчености разложены по блюдам – когда он все успел? Через оконное стекло увидела Георгия, разжигавшего мангал. В светлой рубашке с засученными рукавами, с взъерошенными волосами, мокрыми от дождя, уверенной рукой управляющей огнем, он действительно напоминал ей былинного воина гор. По губам поняла, что он что-то напевает. Открыв окно, улыбнулась и спросила: «Что поешь?» Как бы включая громкость, он пропел: «Расцветай под солнцем, Грузия моя...»

– Чем помочь? – спросила Люсьен.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая? – ответил он вопросом на вопрос. – Отдыхай, скоро подъедут гости! Готовься встречать!

Вечер прошел замечательно. Стол ломился от изобилия закусок. Венцом застолья стал великолепный шашлык, приготовленный Георгием из белого нежного куриного мяса, выдержанного в белом вине.

Люсьен была в центре внимания. Ей было приятно сознавать, что рассказы прочитаны и что они действительно заставляют читателя думать, анализировать, сравнивать дела и поступки персонажей. Она читала новые стихи, написанные для узкого круга друзей, и в глазах благодарных слушателей видела понимание. Много пели русских народных песен, первый голос, как всегда, вела хозяйка. В завершение – буриме, ее любимая игра. Люсьен была счастлива!

Проводив гостей, она подумала: «Какой у меня хороший муж! Кстати, где же он?»

Георгий сидел в своем любимом кресле у камина, положив натруженные за день ноги на банкетку. Телевизор громко выдавал

новости. Муж спал. Осторожно взяла из его рук пульт, уменьшила до минимума громкость, достала теплый плед, осторожно накрыла им воина гор.

Закрывая за собой дверь, услышала его тихий голос: «Спасибо, дорогая!»

Так же негромко, словно опасаясь спугнуть нахлынувшую нежность, Люсьен ответила: «И тебе спасибо, дорогой, за день, за вечер...»

Чуть позже, сидя за рабочим столом, она решила – этот рассказ будет непременно добрым и светлым!

А за окном белые пушистые снежинки, сменяя капельки осеннего дождя, робко кружились в первом хороводе, накрывая мокрые осенние цветы, кустарники, землю сверкающей хрустальной пеленой... ●

ОН И ОНА

* * *

Он – 45-летний красивый мужчина, еще недавно пользовавшийся большой популярностью у прекрасной половины человечества, а ныне – почти прикованный к постели инвалид, с трудом повернулся на левый бок и посмотрел в окно. Весна хоть и медленно, но отбирала права у Деда Мороза, веселая капель за окном была явным доказательством того.

Она – скромная, даже застенчивая, до сих пор сохранившая свою былую красоту женщина, вот уже почти двадцать лет пытающаяся найти ответ на вопрос, почему тогда этот красавец выбрал именно ее, уже копошилась на кухне, готовя завтрак и улыбаясь своим тайным мыслям.

Две дочери-красавицы выросли, обзавелись собственными семьями, но часто заходят просто поболтать, по их выражению – «вдохнуть воздух отчего дома», в котором родились и провели счастливое детство.

Он с трудом встал с постели, медленно, очень медленно пошел в ванную, стараясь держаться поближе к стенам. Она мигом подлетела к нему, чмокнула в небритую щеку, улыбнулась, ласково прошептала: «Доброе утро, дорогой! Скоро завтрак!» – и вновь упорхнула на кухню.

Все годы совместной жизни, даже в самые тяжелые дни, которые случаются в каждой семье, она была веселой, звонкой, жизнерадостной. Принимая решение взять ее в жены, он понимал, что она относится к той категории женщин, которые будут стоять у мужа за спиной и подавать патроны до последнего, даже если весь мир будет против них. И в этом он убеждался ни раз! Та глупая авария, в которую он вляпался из-за собственного безрассудства и которая привязала его к постели в расцвете лет, стала переломным моментом в их жизни. Теперь он стоял у нее за спиной и подавал патроны, теперь она выполняла функции главы дома, его опоры. Стирка, уборка, готовка, глажка, одеть, переодеть, накормить и т. д. и т. п. – все на её нежных хрупких плечах. Оберегая домашний очаг, она успевала при этом оставаться женщиной – всегда аккуратно одета, ухожена, привлекательна. Как будто не замечая его недуга, она и его заставляла подниматься, одеваться и делать простые домашние дела, хотя это давалось ему с каждым месяцем все тяжелее и тяжелее. Он мычал, сопротивлялся, говорил, что сегодня ему плохо, лучше он останется в постели... Но проявляя то недюжинную изобретательность, то чисто женскую хитрость, она заставляла его шевелиться, умело пощипывая за струнки мужского тщеславия. И он шевелился: двигался, брился, шел к людям, общался... На людях жаловаться не позволяла ни гордость, ни боязнь выглядеть больным и беспомощным.

Но где-то после новогодних праздников он стал замечать, что по воскресным дням она прихорашивается тщательнее обычного, одевается во все лучшее и пропадает: «Дорогой, я ушла по делам! Буду часов в пять». Возвращается в приподнятом настроении, много говорит, но толком ответить на вопрос: «Где ты была?» – не может.

«Вероятно, у нее кто-то есть! Молодая, красивая женщина не может долго оставаться без внимания, таких мужчины не пропускают...», – долгими бессонными ночами думал он. И жаба – жаба ревности – стала душить все сильнее и сильнее. Разум подсказывал – такого не может быть, а сердце в ночи стучало: может, может, может! Он просыпался, мысли вразброд бегали в голове, его радио с каждым днем сдавало позиции перед этой самой жабой. Теперь он уже не думал – он знал, додумал сам – что у нее кто-то есть, и с особой тщательностью стал следить за её поведением. В ход шло все: подсмотреть, прочитать, залезть в записную книжку. Главное – найти его, взглянуть в глаза им обоим. Оказалось, что затмившая разум ревность – тоже неплохой мотиватор: в её отсутствие он много ходил по квартире, тренировался держать равновесие. Для него это было трудно: ноги не слушались, руки размахивали в разные стороны не в такт шагам, мозг давал противоречивые команды. Но он неистово работал над решением такой простой для здорового человека задачи – синхронизировать работу конечностей, подчинить их мозгу хотя бы на время, всего на пару часов.

Она тоже заметила, что с ним что-то происходит. Но вдаваться в подробности ей не хотелось – и так много проблем в жизни. А меж тем их отношения поехали по спирали вниз. Они перестали называть друг друга по имени, целовать дежурным супружеским поцелуем перед сном и оказывать мелкие, но такие приятные знаки внимания. Каждый из них, стараясь доказать друг другу одно, в конечном результате получал совсем другое.

Вот и сегодня, в очередное воскресное утро, она начала собираться к выходу из дома. На вопрос, далеко ли – лишь невразумительный ответ: «Я по делам. Часа на два».

Он решил внести ясность: либо сегодня – либо никогда! Жаба, сидевшая где-то внутри, около сердца, повторяла: надо, надо увидеть того, с кем она встречается, хотя он сам не мог дать себе ответа, чего больше хочется – узнать, что у нее кто-то есть, или убедиться, что обманулся. Используя вместо костылей заранее приготовленные палки, он покинул квартиру вскоре после ее ухода. Спешил, как мог, как позволяли слабые ноги.

Она медленно шла по весенней улице, красивая, стройная, и встречаемые мужчины непроизвольно оборачивались ей вслед. По дороге купила коробочку конфет, но не свои любимые, другие. Он еще больше насторожился, стал тщательнее прятаться, чтобы она не заметила слежку. Его сердце грохотало и готово было выскочить из груди, пот катил градом, ноги устали и еле двигались, но ревность заставляла его идти вслед за женой. Он должен узнать правду!

Она свернула в проулок направо и вошла во двор церкви. Это было неожиданным для него, он никогда не замечал в ней особой набожности. Может быть, встреча назначена в церкви для отвода глаз?

Выждав минут десять, решил идти за ней. Внутри храма было прохладно, сумрачно, пахло ладаном. Его удивило, что в храме столько верующих. Окинув взглядом помещение, её заметил сразу. Она стояла слева от алтаря и с кем-то беседовала, но собеседника не было видно, скрывала колонна. Сердце, ему казалось, стучало на весь храм, но он подошел к ним почти вплотную, встал за колонной и весь превратился в слух. Она разговаривала со священником. Хотя до него доходили лишь обрывки фраз, он с удивлением понял, что они разговаривают о нем – сомнений в этом быть не могло. Речь шла именно о нем, о его здоровье, плохом настроении. Она не просила бытовой помощи, она просила совета: что нужно сделать, чтобы он, ее муж, поднялся на ноги, мог выходить на улицу. Затем она подошла к иконе и стала истово молиться. Молясь, она все повторяла и повторяла шепотом его имя...

Он обругал себя последними словами, захотелось выйти на свежий воздух и провалиться от стыда в тартарары. Кое-как выйдя на неслушающихся ногах из храма, он понял, что сил больше нет. Опустился на скамейку, надеясь, что она пройдет мимо, не заметив его. Она заметила сразу. Подошла, ни о чем не спрашивая, села рядышком, уткнулась в его плечо. Слезы потекли из ее глаз. Они еще немного молча посидели и пошли домой.

Ни он, ни она никогда больше к этому случаю не возвращались. Судьба дала им еще два года счастливой жизни. Это были самые прекрасные годы!

* * *

Он – 55-летний высокий, спортивного телосложения, успешный мужчина, уставший от беспокойной жизни бизнесмена, сидел в плетеном кресле и наблюдал, как угасает день, как солнце ложится в океан. Вечерний бриз ласково трепал его уже седые волосы, а волны одна за другой нехотя набегали на белый песок пляжа.

Она – 50-летняя моложавая женщина, всю свою жизнь посвятившая мужу и детям, с удовольствием приняла предложение супруга провести холодный октябрь на берегу моря, занимаясь плаванием и ничегонеделанием.

– Дорогой, сок будешь? – спросила она и, не дожидаясь ответа, наполнила напитком второй стакан и пошла к мужу.

Они любили на закате дня вот так сидеть у моря и смотреть, смотреть на бесконечный накат волн.

– Ты чем-то расстроен?

– Нет, что ты, все хорошо! Сегодня море немного грустное, а волны – печальные.

На самом деле он был расстроен. Трижды за эту неделю они встречались вечером в баре с хозяином соседнего бунгало Леонидом, мужчиной лет пятидесяти, остроумным и приятным собеседником, явно умеющим очаровывать женщин своей внешностью и

красноречием. Вот и сегодня они договорились о встрече. Вернее – договорилась жена, которая, как ему показалось, немного увлеклась соседом. Ему не хотелось этой встречи, но жена была на диво настойчива, что ему не понравилось еще больше, и сейчас он искал предлог, чтобы встреча не состоялась.

Идея пришла неожиданно.

– Может, заплыв до дальних буйков? – предложил он. Оба хорошо плавали, и днем нередко нарушали запрет, ограничивающий заплывы на такое расстояние.

– Согласна! Если я первая – мы идем на встречу с Леонидом! Если ты – тебе решать: будет встреча или нет! Я мигом, за купальником.

– Да, дорогая. И захвати две булавочки на всякий случай – от судороги.

Она вернулась через десять минут в своем любимом ярко-красном купальнике.

– Ну что? Вперед? – и, закрепив на скудной одежде булавки, они вошли в теплую морскую волну.

Плыть было одно удовольствие. Вода ласково обнимала тело. Фонтанчики брызг, взметаемые при каждом гребке рук, светились в последних лучах заходившего солнца.

До первых буйков они прошли легко. Но дальше волнение моря начало нарастать – вечерний бриз свое дело знал. Волны становились все выше и круче. На море темнеет мгновенно, только солнце скрылось за горизонтом – мгла сгущается с каждой минутой.

– Ты не хочешь вернуться? – спросила она.

– Испугалась? Признаешь поражение – возвращаемся и ужинаем дома вдвоем! – ответил он.

– Ну, уж нет! Догоняй! – И она рванула вперед.

Волны становились ощутимо сильнее. В отдельные моменты море скрывало от глаз берег, и теперь уже и он подумал, что благоразумнее было бы вернуться. Жена оторвалась от него метров на десять вперед.

– Подожди! – крикнул он. – Иначе потеряемся на такой волне. Вероятно, она его не услышала и продолжала ритмично работать руками.

Вот и мерцающий огонек дальнего буя. Она уже была около него и отдыхала, держась за фал.

– Пять минут – и обратно! – сказала она. – Плыдем рядом, а то разбросает. Готов? – прокричала, стараясь перекрыть голосом порыв ветра.

– Нет! Кажется, на левой ноге начинается судорога! – сообщил он.

– Доставай булавку, а то вода перемешалась, стала холоднее, судороги могут появиться и у меня.

Оба были достаточно опытными пловцами, не раз встречались с этой проблемой в заплывах на дальние дистанции, но сейчас вся надежда только на себя – темнота накрыла их окончательно, спасатели не помогут.

– Дорогая, ты, наверное, возвращайся без меня! Найдешь спасателей, и они меня подберут!

– А ты ничего лучшего не придумал? Где я в это время буду искать спасателей? Они уже, наверное, седьмые сны смотрят! Давай, хватит стоять, вперед! – она оторвалась от буя.

Он тоже отпустил фал, но резкая боль пронзила ногу. Было ясно – плыть самостоятельно у него не получится.

– Так, держись за меня и помогай мне. Работай одной рукой и второй ногой.

– Слушай, это тебе не ручеек и не сто метров! Плыви одна и возвращайся со спасателями!

– Нет и еще раз нет! Ты так долго здесь не высидишь!

«Вот баба упрямая!» – подумал он, а вслух произнес:

– Поторопись, еще успеешь на вечерний пунш!

– Какой пунш? Ты что городишь? – не сразу поняла она. – Ты меня приревновал, что ли? Вот дурень старый! Говорю тебе – держись за меня, одного тебя здесь не оставлю!

– Вдвоем нам не добраться до берега. Ты меня на такое состояние не сможешь протащить!

– Это не твоя забота! Говорю, держись за купальник и – вперед!

– Посмотри на вещи реально! Такая волна, нам это не преодолеть! Ты должна плыть одна!

– Да прекрати уже! Не трать силу на болтовню и не остывай! Ну давай же, давай!

Сдавшись под ее напором, он вновь отпустил фал. Ухватил ее рукой, и началось движение к берегу. Ей было не просто, с каждым взмахом рук он чувствовал, как напрягается ее тело, но она молча боролась с волной, упрямо продвигаясь по направлению к пляжу. Он не знал – доберутся ли они до суши, но был твердо уверен – останься он один у буя, его бы уже не нашли. Мягкий вечерний бриз превратился в шквалистый ветер. Вода хлестала по лицу, ветер срывал гребни волн и пытался пеной забить рот и нос...

Несколько раз они останавливались. Передохнув, она вновь заставляла его держаться и медленно продвигалась вперед, подобно маленькой барже, тянущей ценный груз. С такой стороны он ее не знал. Казалось, если сейчас на ее пути встанет гора – она и гору подвинет!

Выйдя из воды на песок, она прошла несколько шагов и упала без сил. Как ни странно, но ногу отпустило на берегу сразу. Он сидел рядом, смотрел на нее и думал, откуда в этом хрупком теле такая сила! Как она смогла его, здорового мужика, вытащить на берег?

Когда они вернулись в свое бунгало, она выдала: «Ты проиграл, дорогой! Собирайся, мы идем пить пунш и общаться с интересными людьми! Новые отговорки не принимаются!»

* * *

Он – 40-летний мужчина в расцвете сил, с началом перестройки ушедший с головой в бизнес и ныне, несмотря на свою относительную молодость, занимающий одну из топовых должностей

на крупном металлургическом предприятии. Устав от бесконечных визитов на комбинат потенциальных инвесторов, обещавших многомиллионные денежные вливания, искал любые причины, чтобы избежать полночных мужских посиделок с ними и провести время с женой и дочерью в домашней обстановке.

Она – 34-летняя красавица, уставшая от домашнего одиночества и от жизни в золотой клетке, стремившаяся – пока еще возможно – получить все удовольствия от уходящей молодости, постоянно находилась в поиске развлечений. Благо, приятельницы по прошлой, незамужней, жизни регулярно подбрасывали новые идеи и способы. Особенно старалась ее давнишняя подруга Наталья, старше её на четыре года, мать троих детей, основательница клуба три икс (3X) «Адюльтер». Время от времени она приглашала обеспеченных молодых, скушающих женщин на «заседания» клуба, организовывая им встречи с мужчинами без обязательств: повеселились, провели ночь, а наутро разъехались, порой даже не зная имени друг друга. При этом дамам было гарантировано серьезное алиби от клуба для супруга.

Она долго отказывалась, не могла переступить грань, но однажды, поддавшись на уговоры и воспользовавшись тем, что муж находился в командировке, согласилась. Первое «заседание» привело её в восторг. Веселье продолжалось всю ночь, шампанское, танцы, навязчивые мужчины с горящим взглядом, буйная ночь... С тех пор от случая к случаю она посещала подобные мероприятия.

Он позвонил сразу после обеда и сообщил, что сегодня на комбинате московские гости, вечером – традиционный деловой ужин. Предупредил, что будет поздно, просил его не ждать.

Переговоры по вопросам финансовых инвестиций проходили достаточно вяло. Каждая из сторон мало доверяла другой, требовались гарантии, но в девяностые годы мало верили и в гарантии. Хозяйева комбината для снятия напряженности в отношениях предложили ужин на лесной заимке. Все как полагается: заимка расположена в красивом лесу, рядом только лес да река, никаких

посторонних глаз, уютные номера, сауна, бильярд, отличные повара! Московские гости предложение приняли, и в конце дня все участники переговоров выехали на «Золотой плёс».

Место действительно было великолепным. Казалась, вся красота Сибири собралась в одном месте, чтобы порадовать редких гостей. Ухоженный сосновый бор напевал тихим шепотом вечную мелодию, полноводная, тихо бегущая на север река Томь осторожно перекачивалась по камушкам и вторила шепоту бора мелодичным, хрустальным перезвоном водяных струй. Все располагало к согласию, взаимопониманию и доверию. Стол ломился от закусок и диковинных блюд, тосты произносились сторонами достаточно регулярно, и наступило время, когда официальная часть была завершена, обильный ужин перерос в неформальное общение, и для полного веселья не хватало только прекрасной половины человечества.

– Что значит – не хватает? – удивились хозяева. Помощник, получив соответствующую команду, позвонил по давно известному ему телефону и сообщил шефу тихим голосом: «Через час будут!» Новость была поддержана новыми тостами...

Она сидела дома у телевизора и сожалела, что мужа опять не будет. Предстоял тягучий и скучный вечер в одиночестве, который в последнее время повторялся все чаще и чаще. Телефонный звонок раздался неожиданно.

– Привет! – прозвучал бодрый голос Натальи в трубке. – Как дела? Какие планы на вечер?

Быстро расспросив обо всем, что ее интересовало, она тут же предложила принять участие в сегодняшнем клубном мероприятии.

– Алиби для мужа, как всегда, за мной, – добавила подруга.

Подумав пару секунд, она дала согласие.

– Отлично! Собираемся у меня через полчаса. Едем впятером. Остальное – при встрече! Целую и жду! – Наталья отключилась.

Через час с небольшим две черные иномарки подъехали к «Золотому плёсу». Разгоряченные спиртным, мужчины пошли на-встречу прибывшим.

Он сидел на втором этаже, курил и немного отрешенно, без особого интереса, наблюдал за встречаей двух половин человечества. Сейчас перезнакомятся, разбредутся по номерам, и через полчаса можно ехать домой.

Мельком взглянув на выходящих из машин женщин, он сразу заметил – вернее, удивился как-то весь и сразу – насколько одна из них похожа на его жену! И платье точь-в-точь такое, какое он недавно привез из Италии...

«Черт! Неужели жена?» – пронеслось в голове. Сомнения не было – она!

Плохо соображая, он вышел на улицу, оттолкнув водителя, взял у него ключи от машины, сел за руль. Немного посидел, глядя в одну точку перед собой, затем мотор взревел, машина рванулась с места, разбрасывая из-под колес мелкие камни...

Она подъехала к дому почти в шесть утра. Уже было светло. Судя по небосклону, день будет теплым и жарким. Её тело требовало ванны и сна. В доме было тихо. Она осторожно прошла в ванную комнату, открыла дверь...

Его тело, висевшее на ремне, привязанном к трубе, заметила сразу. Рядом, на стеклянной полочке, лежало обручальное кольцо...

* * *

Он – 43-летний крепкого телосложения мужчина, двадцать лет отработал в шахте проходчиком, любил свою жену, двоих детей, свою работу, свою бригаду, с недавнего времени увлекся разведенной черноглазой раздатчицей из шахтовой столовой. Вся бригада об этом знала – в маленьком шахтерском городке, как в деревне, все на виду. Его осуждали, бригадир поругивал, он обещал прекратить отношения, но вновь повторял свои походы «налево».

Она – 40-летняя приятная во всех отношениях женщина, про которую говорят, что цветет она опять, занималась мужем, детьми, большим домашним хозяйством, успевала за собой следить, сделать все дела по дому и с улыбкой встретить мужа с тяжелой шахтерской работы.

Он готовился к очередной смене в ночь под Пасху, как всегда, серьезно – работа под землей ошибок и легкомыслия не прощала. Днем хорошо выспался: дневной сон шахтера – это святое, на это время в доме воцаряется тишина и покой, только мухам позволено шуметь, да и те, как правило, сразу попадали на липучку. После сна умылся, фыркая, холодной водой, плотно поужинал, взял уже приготовленный заботливыми руками жены тормозок – ночной обед: полбулки хлеба, приличный шмат сала, фляжку с крепким сладким чаем, – поцеловал жену и вышел из дома.

Но сегодня путь его лежал не в сторону работы. Еще накануне он попросил ребят повесить его жетон на стенд, фиксирующий спустившихся под землю шахтеров, а сам известной ему дорогой направился к черноглазой раздатчице. В бригаде такое иногда практиковалось – мужики прикрывали не вышедших на смену шахтеров, так как объективная реальность суровой жизни порой требовала решения семейных и иных дел в рабочее время.

Обрушение породы в забое, где работала его бригада в эту ночную смену, произошло в утренний час, восемь человек из бригады не поднялись на-гора, не сняли свои жетоны. И его жетон тоже остался одиноко и трагично висеть на щите.

Горноспасатели и оперативно-следственная группа из областного центра прибыли уже через три часа, но руководству шахты было понятно – искать выживших в этом аду бесполезно. На первом оперативном совещании было принято решение проехать сразу же по семьям неподнявшихся шахтеров и оказать посильную психологическую помощь.

Когда постучали в дверь его дома, он открыл сам, но узнать его было невозможно: все лицо представляло собой огромную гематому, глаза заплыли, левая часть лица обожжена...

В процессе расследования инцидента было установлено, что, возвращаясь домой, он еще не знал о факте ЧП на шахте, а женское «радио» уже все сообщило жене. Встретив на пороге дома улыбающегося мужа и услышав от него: «Христос воскрес!», она с размахом и яростью суровой сибирской женщины ударила его горячей сковородой по лицу. О дальнейших деталях в расследовании оперативно-следственной группы ничего не сказано...

Постоянно чувствуя на себе косые взгляды мужиков, бригаду ему пришлось покинуть, да и на другой шахте к нему относились недоверчиво. Пришлось искать работу на поверхности. Через год семья сменила место жительства... ●

ЕГОРЫЧ

Лодку-плоскодонку бурный мутный поток реки Рябушки, что на Алтае, вертел и бросал с волны на волну, грозя в любую минуту опрокинуть и отправить на дно. Это летом, в июле, речушка спокойна и покладиста, а сейчас, в начале мая, когда в горах и тайге тает снег, она готова показать свой буйный нрав каждому, кто решил с ней пошутить.

Прислонившись к мотору, на задней баночке лодки сидел мужчина в ватнике и кирзовых сапогах – то ли спал, то ли еще чего. Во всяком случае, никак не реагировал на выкрутасы, творимые быстрым течением с его суденышком. А между тем лодка с каждой минутой приближалась к бурунам, за которыми начинался длинный порог.

Деревенский люд, наблюдавший за происходящим с косогра, ничем кроме громких криков помочь не мог. Ни одной лодки рядом, вплавь – не поспеть, да и вода еще ледяная.

Единственный, кто проявлял беспокойство из находившихся в лодке, – огромный домашний гусь. Сидевший вначале на передней баночке, он перебрался ближе к мужчине в ватнике и пытался привлечь его внимание всеми доступными ему способами: гоготал, хлопал крыльями, даже трижды клюнул в кирзовый сапог, но хозяин не реагировал. Тогда гусь, перевалившись через борт, опустился на воду, резко и быстро взмахивая крыльями, привел себя в вертикальное положение, так что в воде остались только мощные красные лапы да гузка, и обрушил на сидящего в лодке такой водопад холодных брызг, что мужчина наконец открыл глаза, быстро осмотрелся и, сообразив, что впереди – опасность, начал запускать двигатель. Первый рывок – тишина, второй – тоже мимо, с третьего рывка двигатель смачно чихнул, выбросил облачко газа и затахтел: куда тебе, куда тебе, куда тебе... Взяв руль на себя, мужчина развернул лодку в сторону берега, и через минуту она уткнулась носом в мокрый песок. Еще спустя пару минут на берег вышел гусь. Неспешно отряхнулся и, степенно гогоча, вразвалочку направился к хозяину. С откоса к берегу уже бежали деревенские мужики.

– Митрич! Ну, ты нас напугал! Что случилось-то? – посыпались вопросы.

– Да что-то сердечко шалит с утра – видно, не мой день. Спасибо Егорычу, век не забуду! – присевший на берег рядом с лодкой мужчина обнял гуся, достал из кармана фуфайки хлеб и протянул птице.

Шестой год пошел уж, как началась эта странная дружба между человеком и гусем. В деревне, как водится, у всякого свой взгляд на такие вещи: кто-то верит, что птица способна на привязанность, кто-то смеется и мотает головой, но – факт остается фактом.

...В семье Петра Дмитриевича и Анастасии Ивановны гусь по кличке Егорыч был, считай, членом семьи. А началось все в конце

70-х прошлого столетия. В селах и деревнях Алтайского края приключилось повальное увлечение разведением гусей. Гусь – птица неприхотливая, быстро набирает вес даже на подножном корме, к концу сезона отдельные экземпляры до семи килограммов тянут. Главное – горожане на них запали – нет, мол, ничего лучшего в новогоднюю ночь, чем запеченный гусь с яблоками, потрошками да гречкой.

Решились на увеличение домашней живности и в семье Петра Дмитриевича. Глава семейства – фронтовик, прошел всю войну «от звонка до звонка», с 41-го по 45-й, победу встретил в Австрии. После демобилизации приехал вместе с другом на его малую Родину – думал, на месяц-другой. Хотелось познакомиться с красотою Алтая – уж больно цветисто друг их расписывал. А вышло иначе – познакомился с красавицей Анастасией, да тут и остался, прирос. Всю жизнь супруги трудились не покладая рук, работы никакой не боялись, хозяйство держали большое, а потому решили заняться гусями без лишних размышлений.

Сосед выделил три гусиных яйца бартером на самогон, а четвертое – в знак уважения – даром. Правда, было оно какое-то странное – чуть больше остальных и темнее.

– Уж не крокодила ли ты мне даешь, Семен?

– Да что вы, Петр Дмитриевич! Это особое яйцо, и гусь будет особый, не сомневайтесь. Еще не раз спасибо скажете!

На том и порешили. Дома подложили эти яйца под несушку. Курица – она и есть курица: покапризничала минут пять, а потом села, угнездилась поудобнее и только квохчала потихоньку.

В начале апреля появились цыплята, через неделю – три гусенка. А еще через два дня – и он, гадкий гусенок, как прозвал птенца Дмитрич. Был он крупнее всех своих братьев и темнее в окрасе. Хозяин ежедневно поутру брал его на руки, подносил к окну и подолгу рассматривал, удивляясь внимательному – как ему казалось – взгляду гусенка. Так продолжалось недели две, а потом гусят перевели в специальный загончик, устроенный на кухне – ясли.

Росли все птенцы на радость хозяев быстро, без особых проблем. Одно заметила Анастасия Ивановна – когда муж подходил к яслям, первым к нему бежал «гадкий гусенок».

– Наверное, ваши утренние гляделки отложились у него в памяти, и теперь он считает тебя своей мамой! – смеялась она над мужем.

Время шло, птенцы подрастали, «гадкий гусенок» выделялся из них все сильнее: более крупный, широкая грудь, мощные лапы, но главное – независимый характер. Птенец легко отвоевывал свое место под солнцем и у кормушки. Уравнивать его со всем остальным гусиным выводком было сложно, и как-то незаметно хозяйка стала кликать его Егорушкой.

Пришло время переводить гусят на постоянное жилье в гусятник. Егорушка сразу выбрал себе самое теплое место, и с тех пор оно всегда оставалось за ним. Надо сказать, что для гусят выход во двор, полный других обитателей, – это стресс, да еще какой! Все ново, все неизвестно, каждый стремится обидеть и показать, кто тут правит бал. Первые дни они боялись даже своей тени, но постепенно ситуация менялась, и особая роль в этом принадлежала Егорушке. К девятой неделе жизни он набрал четыре килограмма веса. С широкой грудью, мощными короткими лапами, прочным горбатым клювом, сильными крыльями он стал заметной фигурой на птичьем дворе. Ни один обидчик не уходил без наказанным. Первым нарвался на гусенка местный петух. Как-то раз он, грозно кукарекая, распушив хвост и крылья, решил оттеснить гусят от корыта с кормом. Завидя такую наглость, Егорушка дважды что-то прогоготал, расправил крылья и, налетев на петуха, яростно отшлепал его крыльями, а потом еще и подмял под себя. Только петушиные перья полетели в разные стороны. Выбравшись из-под гусенка, петух бросился бежать в курятник и уже оттуда прокукарекал своим курочкам: «Если бы он меня догнал, я бы ему показал!» Больше попыток вступить в конфликт с гусятами он не предпринимал.

Два кота, живших в доме, сразу признали гусят полноправными участниками дворовой жизни и в конфликты не лезли. Но вот соседский кот откровенно провоцировал краснолапых птенцов на конфликт. Однажды из-за угла дома он внезапно напал на проходившего мимо гусенка. Егорушка, находившийся в тот момент рядом, молниеносно нанес коту удар клювом в голову. Удар был такой силы, что кот отлетел в сторону на метр и в итоге потерял глаз. На этом его выходы закончились.

Пытался завести свои порядки и дворовый пес. Сидя на цепи, он дожидался, когда куры или гуси будут проходить рядом и с громким лаем бросался на них. В один из дней, когда пес стоял у будки, готовясь к прыжку, сзади подошел Егорушка и... клюнул барбоса в собачий половой признак, болтавшийся меж задних лап, – вероятно, принял его за большого червя. Пес заскулил от боли, завертелся на месте, а потом забрался в будку и оттуда еще долго слышалось его тихое повизгивание.

Так постепенно Егорушка превращался в Егора – грозного и сильного вожака. Но он по-прежнему бросался навстречу Петру Дмитриевичу, стоило только последнему выйти во двор. И все время, пока хозяин занимался делами, неотступно следовал за ним.

К концу лета Егор вырос в могучего серо-белого гуся. Весом почти десять килограммов, с полутораметровым размахом крыльев, мощными лапами, широкой грудью – он мало походил на обычных домашних гусей. Теперь хозяева, а вслед за ними и соседи, величали его Егорыч.

Однажды хозяин засобирався на почту. Егорыч у калитки мирно щипал травку. Завидев Дмитрича, в развалку, косолапо поковылял за ним.

– Что, брат, тоже на почту нужно? Ну, пойдем! – Дмитрич медленно зашагал в сторону почты, гусь следовал за ним. Соседи, увидев идущих рядом человека и гуся, не могли сдержать улыбок, а те, не обращая ни на кого внимания, продолжали свой путь. У почтового крылечка Дмитрич скомандовал гусю, как собаке: «Сидеть

тут!» И гусь остался у крыльца! С того дня так и повелось: стоило лишь хозяину куда-либо засобирается, Егорыч тут как тут – мол, куда идем? И шагал за хозяином вразвалку, помахивая на ходу гузкой. Вначале каждая деревенская собака пыталась их облаять, но со временем к этой странной паре привыкли и жители, и собаки, перестали обращать на нее внимание.

Но больше всего Егорыч любил ходить на рыбалку. Он быстро понял – если с вечера у калитки, ведущей к реке, появляются удилища и ведро, значит, наутро будет рыбалка. Значит – только взойдет солнце, хозяин откроет гусятник, выпустит Егорыча и они чинно пойдут к реке. Егорыч впереди, а Дмитрич чуть сзади. Обычно за ними увязывались еще и оба кота, живущих в доме.

Над речкой стелется туман, ни ветерка, гладь воды абсолютно зеркальная, а тишина такая, что давит на уши, лишь иногда нарушит тишину всплеск убегающей от хищника рыбы. Егорыч проходит на мостки и, пока идет рыбалка, тихо сидит. Коты остаются на косогоре – прижмутся к земле и ждут, когда хозяин побалуует их рыбкой. А рыбы в реке много, без улова никогда домой не уходили. Первая поклевка – две рыбешки – полетели на косогор котам. Позавтракав, те возвращаются домой, интерес к рыбалке у них на том заканчивался. А Егорыч сидит и ждет своего часа. Как только удочки извлечены из воды и хозяин засобирается домой, гусь прыгает в воду и, громко гогоча и хлопая крыльями по воде, принимает водные процедуры. Теперь уже Дмитрич сидит на камушке и ждет, когда птица вдоволь наплещется. Затем так же чинно оба следуют домой – впереди Егорыч, а за ним и Дмитрич.

Так и пролетели лето, осень... Вот уж декабрь на дворе. Пора думать о новогодних гусях с яблоками для городских.

– Тася, – начал Петр разговор с супругой, – я думаю, Егора трогать не будем – пусть живет, сколько проживется. Ты как?

– Да я только за, – всплеснула руками Анастасия Ивановна, – давно сама хотела тебе сказать, да все как-то не решалась.

– Вот и хорошо. Утеплю ему гусятник и пусть зимует.

Гусь перезимовал на удивление хорошо. Хлопот практически не приносил, а когда пускали его в дом, долго ходил вразвалку по комнатам, изучая обстановку, а потом подходил к Дмитричу, клал голову ему на колени. Лепота!

На следующий год подложили под несушку уже десяток гусиных яиц. Гусята появились на свет все одинаковые, бело-серые, пушистые, суетливые. Теперь, когда Егорыча впускали в дом, он уже не ходил по комнатам, а сразу отправлялся к гусятам, что-то им потихоньку гогоча. С первого выхода во двор гусята бегали за Егорычем, как за мамкой, а он степенно ходил по двору и показывал, где поилка, где купалка, где кормушка. Где можно есть, а где – не наше, не гусячье.

Этим же летом произошло еще одно событие, которое врезалось в память домашним. Из города с зятем и внучкой Валюшкой приехала погостить дочь. Девочка, почувствовав свободу, бегала по всему двору, все ей было любопытно и интересно, как это бывает в пять лет. Но Егорыч воспринял такую детскую активность как покушение на свою территорию и грозно зашипел, опустив голову, когда девочка приблизилась к гусиной стае. Дмитрич был начеку. Взяв ивовый прутик, он долго объяснял гусаку, что она теперь здесь хозяйка, и ее надо защищать, а не пугать. С того дня, стоило Вале появиться во дворе, Егорыч важно топотал за нею, как раньше ходил за Дмитричем.

Минуло шесть непростых лет. За эти годы Дмитрич и Егорыч сдружились настолько, что друг без друга не выходили со двора. Где-то на шестом году и произошел тот случай на реке, о котором рассказано вначале...

Вот и еще одна зима промелькнула. Отшумела метелями, отскрипела морозами, да и растаяла, стекла ручьями в реку. Однажды поутру хозяин, как всегда, открыл гусятник и громко скормандовал: «Егорыч, подъем! Выводи своих на улицу».

Десяток гусей гогоча вышли степенно во двор. Егорыча не было. Войдя внутрь, Дмитрич увидел друга – тот лежал на своем обычном месте, спрятав голову под крыло.

– Ты живой?

Гусь что-то проскрипел в ответ.

– Живой! – обрадовался Дмитрич и кинулся в дом звать супругу – в одиночку поднять десять килограммов ему было уже не под силу. Вдвоем они осторожно перенесли гуся в сенцы, постелили тряпки, поставили рядом воду и насыпали полную миску любимых кукурузных зерен. Егорыч не проявил к ним никакого интереса. Ближе к вечеру он попытался ходить, но не смог... Утром его не стало.

Птицу предали земле за огородами на косогоре, откуда была видна речка Рябушка...

Вместо послесловия

Прошло много лет. Внучка Валюшка стала Валентиной Дмитриевной – кандидат наук, уважаемый человек. Однажды, рассматривая старые фотографии, увидела на одной из них своего деда и рядом – огромного гуся. Вспомнила, что это фото сделал ее отец в тот далекий год, когда гостили они семьей на Алтае. Гусь рядом с дедом был неправдоподобно огромен. Из чистого любопытства, так свойственного людям науки, решила выяснить, что это за порода такая. Уж не инопланетянин ли ненароком? Фотографию отнесла в университет на кафедру биологии и попросила знакомую помочь разобраться с загадкой.

Спустя неделю подруга подтвердила – гусь-то и впрямь не простой. Оказывается, раньше на Руси в почете были не петушиные бои, а гусиные. Для этого выводили специальные породы бойцовских птиц. Сильные, мощные, умные – такие птицы могли одним ударом клюва перебить позвоночник собаки. Взрослый боевой гусак весил до 12 килограммов. Стоимость такой птицы была очень высока. На фотографии был опознан представитель одной из лучших пород – Тульской бойцовой.

Как яйцо попало в алтайскую деревушку, выяснить уже не представлялось возможным... ●

БЛЭК БУЛЛ

«Один из самых дорогих сортов кофе в мире «Блэк Айвори». В переводе означает «Черный Бивень». Кроме Таиланда, нигде не производится. Это не просто обжаренные кофейные зерна. Чтобы получить килограмм этого сорта кофе, необходимо собрать порядка 33 килограммов зерен отборной арабики, их должен съесть слон вместе с рисом, тростниковым сахаром и фруктами. Переваривание этой смеси длится до 35 часов. В течение этого времени зерна насыщаются фруктовым ароматом. При прохождении кофейных ягод по желудочно-кишечному тракту слона в них расщепляется белок, который при обычной обработке зерен давал бы напитку горечь. Вкус Черного Бивня мягкий, без горечи, с легким оттенком фруктового аромата.

Чтобы получить готовые для заваривания зерна, нужно выбрать кофейные ягоды из навоза, тщательно их промыть и просушить.

За килограмм зерен сорта Блэк Айвори придется заплатить больше тысячи долларов США».

Информация из Википедии

– Ну ни хрена себе! Тысяча долларов! Это же сколько на наши деревянные? – от полученного путем несложных вычислений результата лоб Николая покраснел, покрылся испариной, зрачки расширились, а губы беззвучно шептали: «Семьдесят три тысячи! Семьдесят три! Мне с Петрухой целый сезон вкалывать! А здесь – покормили слона с вечера – и к утру вот они, любимые и дорогие «бабульки»! Бери – не хочу!»

Было майское воскресное утро. Уже не весна, но еще и не лето. Сибирская деревенька потихоньку просыпалась. Это раньше вставали ни свет ни заря: корову подоить, скотине корму задать. Сейчас редко у кого на подворье скот, поросята, овцы и прочая живность. Вот и спят, как городские, до девяти, а то и до десяти утра. Совсем разленился народ, даже петухи по утрам кукарекают не в каждом дворе и не каждый день. Куда идем?.. Вся надежда на городских: мясо – от них, сметана – от них, масло – тоже от них. Все от них, только плати! А где в деревне заработаешь? С работой тяжело... С утра тяжелые похмельные мысли мутили и без того мутную голову Николая. И журнал ему попался в нужное время и в нужном месте – в нужнике.

Осторожно закрыв «Вокруг света», взятый вчера у хозяев дачи, где они с другом Петром калымили уже второй месяц, он аккуратно спрятал его за голенище кирзового сапога и, выйдя из уборной, медленно, постоянно оглядываясь, как в детективном кино, двинулся в сторону Петькиного дома.

Николай и Петруха – закадычные друзья «не разлей водой», дружили со школы. В один год и в один месяц пошли служить в армию, вернулись с разницей в десять дней. В один год женились, выбрав первых красавиц на деревне Наталью и Оксанку, поставили рядом свои дома. У обоих были золотые руки, которые росли оттуда, откуда и надо расти. Оба работали в колхозе механизаторами, постоянно вносили рацпредложения, и абсолютно заслуженно их фотографии были размещены на колхозной Доске почета. Все бы хорошо, но грянула перестройка, и колхоз остался лишь в памяти народной.

Теперь мужское население деревни извлекало доход из строительства дач и коттеджей горожан, которые как грибы после дождя вырастали неподалеку. Легкие заработки способствовали повальной дружбе деревенских мужиков с иностранцем Бахусом, этим древним греком, самым ненавистным для русских женщин иностранцем.

Попали под влияние «иностранца» и наши герои. Сначала по маленькой, потом – все больше и чаще... Жены бились с этой дружбой как могли. Но победа не всегда оказывалась на их стороне. Случалась и горечь поражений. Но это тема другого рассказа. Итак...

Огромный пес по кличке Боцман, завидев гостя, радостно завилял хвостом и бросился к нему навстречу, но цепь не подпустила близко. Николай, все так же осторожно ступая, немного отодвинул занавеску открытого окна и позвал:

– Петро, ты дома? Петро!

Тут же в ответ из кухни раздался звонкий женский голос супруги хозяина Натальи. Судя по его тональности, боевая раскраска уже была нанесена:

– Ты что, совсем уже голову потерял? Такую рань выпить захотелось! Вчера не хватило, что ли? И когда же это кончится? Дура я, зачем за Петьку пошла? Ведь говорила мама – не пара он тебе. Слушаться, слушаться надо было мать свою! А твоей скажу, что по утрам с бутылкой ходишь! Пусть прочистит тебе башку-то! Когда же вы ее напьетесь?

– Да помолчи ты! Я по делу! Не до выпивки сейчас. Рацуха есть – надо с Петрухой обсудить. Бабки сами в руки идут! И чего вам не нравится? Выпили-то вчера по самой махонькой, как говорится, нарочно не придумаешь. Пьют – это когда без просыха неделю, а то и две. А мы пьем культурно. И в меру. Это ты с утра та-рахтишь как трактор вместо того, чтобы гостю водички подать! Петро, да где ты там? – он еще громче и настойчивее позвал друга.

– Води-и-чки ему! А может, и рюмочку с соленьким огурчиком изволите? Если увижу его пьяным сегодня, – Наталья не могла уговориться вот так просто, – вытащу дрын из изгороди и на тебе обломаю, а потом и ему отстегну положенное! – продолжала она утреннюю профилактическую беседу, постепенно повышая диапазоны громкости и раздражительности.

Наконец, на крыльце появился Петр. Красивый здоровый сорокалетний мужик, как и положено по случаю прихода гостей –

в черных семейных трусах, в галошах на босу ногу. Лицо, заспанное и произвольно помятое, говорило, что вчера была длительная встреча с Бахусом.

– Привет, Коль! Чё так рано? Вчера же договорились – на стройку пойдем к двум, когда машина с материалом подойдет.

– Да погоди ты! Тоже, как Наташка, – не дослушал, а уже «за-чем, почему»... Пошли!

– Подожди, водички выпью, а то клапана горят! Пять минут!

Наталья на кухне притихла, пытаясь услышать, о чем говорят мужчины – любопытство брало свое.

Вскоре Петр вышел в брюках, рубашке. Прошли в палисадник, утопающий в буйной зелени, сели, закурили.

– Что случилось-то? – не выдержал Петр. – Дача сгорела, что ли? Так и хай с ней!

– Читай! – Николай вытащил из-за голенища сапога журнал и подал Петру.

– Чего читать? Весь, что ли?

– Нет, вот здесь! – Николай ткнул в нужную страницу.

Петр пробежался глазами по тексту, мотнул головой, разгоня остатки сна и похмелья, взглянул на друга непонимающим взглядом и осторожно спросил:

– И что?..

– Как что? Читай еще раз! Мозгами пошевели! Идея-то какая! А?

Начиная улавливать мысль, Петр задумчиво спросил:

– Ну, кофе мы, предположим, найдем. У твоей в магазине можно под запись взять. А слон, на слонов у нас в Гадюкино нынче не урожай, где его взять?

– Петька, ты когда стал таким занудой? Точно Наташкин каблук-то чувствуется! Тебе голова для чего? Пиво с водкой туда заливать? Думай, думай! – И с гордым видом человека, посвящающего другого в великие тайны мироздания, произнес: – А наша-то сибирская домашняя скотина и птица – чем хуже тайского слона?

Наши цветы благоухают не хуже, чем там! А желудочный сок какой? Наш желудочный сок, а? Да наш желудочный сок – всем сокам сок! Гвозди переваривает! Думаю, Петька, пора начать эксперимент и показать всему миру, что... – здесь он на секунду задумался. – Что мы... Что это нам по плечу! Мы им свою технологию, своего Блэка Була, свой сорт кофе! Брать черного быка, так за рога! – при этих словах он поднял кулак мозолистой руки и кому-то невидимому угрозил.

Еще с полчаса они сидели в палисаднике, обсуждая новую идею. Решение было принято здесь же: делу – быть, на тайцев положить и – вперед! А главное, договорились держать язык за зубами, чтобы не попасть в ловушки бизнес-шпионажа.

И работа закипела...

Первым делом нужно было решить вопрос о главном – зерна кофе, которые однажды, очень давно, были завезены по ошибке в деревенский магазин, где супруга Николая Оксана работала и заведующей, и сторожем, и продавцом, и грузчиком, – будут ли им переданы в экспериментальный лизинг? Эти заветные четыре пачки с зернами кофе по 250 грамм в каждой пылились, выдыхались и плесневели на магазинной полке.

Вечером Николай, похвалив жену за вкусный ужин и посетовав на нестабильность мировых финансовых рынков, подкатил к ней с вопросом:

– Скажи, пожалуйста, дорогая, а те пачки с зернами кофе еще не проданы?

– Да кому они нужны! – Удивилась Оксана такому обходительному обращению – значит, что-то будет просить. – У нас даже не все бабы знают, как его готовить. А тратить деньги непонятно на что никто не решается. Несколько раз городские спрашивали, но повертят в руках, посмотрят и возвращают. Давно лежат, товарного вида нет.

– А ты не могла бы их на меня отписать?

– Ты что, сдурел? Зачем они тебе? Это больше тысячи руб-

лей! Это же не моя лавочка, а рассчитывать как будешь, с каких шишей? Опять калым нашли, а деньги в заначку! Только бы пить да пить! – с полоборота начала заводиться жена.

– Не заводись! Не видишь – трезвый с тобой говорю. Дело мы с Петрухой удумали. Коммерческое. Если все выгорит по-нашему, и с твоей лавкой рассчитаемся, и в город съездим, детям посмотрим, что нужно к школе.

– О-ой, насмешил, коммерсанты сраные! Что это за дело такое, хотела я бы знать? Водка вчерашняя в голову ударила? Ты вспомни, вспомни свой последний бизнес – что получилось? Чуть всю деревню не перепахал ваш самоходный трактор вместо колхозного поля.

– Ну и дура! – не найдя более веских аргументов, обиженный Николай отвернулся к телевизору: – Все в руку, все на нас работает! А жене мозгов не хватает, чтобы понять, что без новых идей ни хрена не будет хорошего, – пробурчал он как бы себе под нос, но так, чтобы жена услышала.

Она услышала. И решила: ум хорошо, а два – лучше. Набросив на плечи платок, пропела:

– Я к Натахе. За ситом сбегая.

Наталья сидела на крылечке и кормила цыплят крошками. По выражению ее лица было ясно – она где-то там, вдали, в поиске лучшей бабьей доли.

– Привет, подруга! Вот жизнь пошла – выходной, а встретиться времени нет! Почто такая печальная? Где бродишь, что ищешь? Твой тебе про новый бизнес что-нибудь говорил? – почти скороговоркой обратилась она к подруге и тут же, без длительных предисловий, рассказала о просьбе мужа. – Не знаешь, чего они опять задумали?

– Нет. С утра прибежал Николай, с полчаса сидели, шушукались, но о чем – не знаю. Мой после обеда на заднем дворе начал доски перебирать, что-то удумал строить, но – молчит. Молчит и курит. Может, действительно что серьезное надумали?

– Ну и что думаешь, подруга, – кофе им отдать или как?

– Да отдай! Это не водка... Опять же все на виду, может и впрямь что-нибудь выгорит.

На следующий день после работы друзья зашли в лавку к Оксане, забрали четыре пачки кофейных зерен и уже в дверях Николай серьезно сказал:

– Буду поздно. Мы у Петра кой-какую работу поработаем.

У Петра на заднем дворе друзья присели у верстака и, первым делом вскрыв пачки, тщательно осмотрели полученный товар. Убедившись в его пригодности для эксперимента, принялись считать зерна. Дважды пересчитав, Николай записал в специально оформленном из школьной тетради в клеточку «Журнале экспериментов»: «На начало эксперимента в наличии 2403 зерна кофе».

Перекурив, осмотрели место, где решено было поставить ангар (так его гордо называл Петр), в котором и должны были проводиться эксперименты над кофейными зернами, разметили земельный участок. И – заработали лопаты, застучали молотки и топоры. Руки привычно выполняли свою работу.

Деревянный фундамент, деревянное половое покрытие, сверху – брезент, чтобы не утерять полученные ценные исследовательские материалы, стойки, между ними – мелкая сетка рабица, такая не позволит даже воробью забраться внутрь. Из старых листов шифера собрали крышу. К концу третьего вечера ангар был готов принять первых участников эксперимента.

Вечером следующего дня по дороге в деревню каждый наврал по огромной охалке ароматных полевых цветов. Шли гордо, с чувством полного удовлетворения, всем своим видом показывая, что готовы бросить сибирский вызов каким-то там тайцам.

Российская деревня – удивительный элемент социума. Все всё про каждого знают, все тайны – кто с кем, когда, где, почему, сколько, зачем, что получил, а что хотел... Секретов в деревне не было, нет и, дай бог, не будет. Все самые секретные новости бабы утром у колодца обсуждают. Колодец в деревне – как кухня комму-

нальной квартиры в городе. А если кто-то что-то решил утаить, все силы деревенской общественности будут брошены на выяснение ситуации. С другой стороны, коснись чужаку попытаться что-то вызнать о соседе – бесполезная трата времени! Никто ничего не видел, никто ничего не знает и никто ничего сказать не может. Так и у нас – стоило только застучать молотком, зазвенеть пилам, как по деревне поползли слухи и вопросы: кто строит, что строит, зачем строит? А тут как назло с улицы не видно – не дает дом, с боков не видно – мешают надворные постройки, с тыльной стороны, со стороны огородов – тоже не видно, бурьян в рост человека. Проникнуть на задний двор тоже невозможно – Петр починил старую ограду и навесил на калитку замок. Масла в огонь подливали Оксана с Натальей – на вопрос, что там строят мужики, отвечали: «Крольчатник! Кролов решили разводить!» Какие кролы?! А главные виновники деревенского волнения, Петр с Николаем, то вдвоем, то по отдельности быстрым шагом ходят по деревне, на приветствия односельчан отвечают сухо, демонстрируя всем свою занятость...

Вот и ангар. Открыв дверцу, бизнес-партнеры бросили внутрь собранные по дороге букеты, добавили цветы ландыша, медуницы, одуванчика, поставили две миски: одну – с водой, в другую положили 30 кофейных зерен и насыпали пшеницы. Сходив в курятник, изловили петуха и двух кур и со словами «Ну, с почином!» запустили внутрь ангара. Николай достал журнал и сделал запись: «Поместили в ангар петуха и двух кур. 30 штук зерен. Собранные цветы и траву. Длительность пребывания птиц в ангаре – 24 часа». Началось!

А дома их супруги, Наталья и Оксана, пустив в ход всевозможные женские хитрости и данные им Создателем возможности, пытались вызнать, что там мужья творят. Однако мужчины от женских хитростей увернулись, обет молчания не нарушили, стойко следовали заповедям мудрецов:

- хочешь быть умным – молчи,
- хочешь быть богатым – молчи,

– хочешь быть красивым – молчи,

– хочешь быть понятым – молчи.

Утром Николай прибежал на тридцать минут раньше назначенного времени выхода на работу и – сразу к ангару. Петр уже был там.

– Здорово! Ну, что там? – взволнованно спросил он.

– Здорово! – Петруха обходил вокруг ангара. – Птица жива, зерен нигде не видно, миска пуста. Делаем вывод – наши зернышки перемещаются по желудочно-кишечному тракту по направлению к выходу. Скоро узнаем, тот ли желудочный сок у нашей птицы.

День пролетел быстро. Работали с шутками и прибаутками, настроение у обоих было великолепное, и только стрелки показали шесть вечера – быстрым шагом направились в деревню.

Ангар стоял на месте. Куры требовали справедливости и свободы, показывали всем своим видом, как им надоело участие в этом антикурином эксперименте. Оставшаяся трава и пожухлые цветы, перепачканные куриным пометом, разбросаны по всему брезенту.

– Начнем! – взволнованным голосом сказал Николай. – Выпускай птицу!

Получив долгожданную свободу, громко кудахча, петух и курочки понеслись к курятнику. Проводив их взглядом, Петр взял совок и небольшой веник, тщательно собрал куриный помет и начал его осторожно промывать водой. Время от времени он отворачивал лицо от лотка и смахивал непроизвольную слезу – настолько резким был запах помета.

– Фу... Какое тут, к черту, кофе? Здесь нужен противогаз! Это не помет, а какой-то газ иприт! – бубнил он.

И впрямь. Нежным ароматом кофе тут и не пахло. Удушливая тяжелая вонь, исходившая от помета, буквально резала Петру глаза, но работа с драгоценными фекалиями продолжалась. В итоге после процедуры очистки на дне лотка остались три маленьких то ли зернышка, то ли камушка.

– Это начало! Никто и не обещал, что будет легко! – с этими словами Николай собрал полученные результаты и положил их в жестяную баночку из-под леденцов, а в журнале появилась запись: «В результате первого эксперимента с курами получено: три твердые формы, не напоминающие по форме и запаху кофейные зерна».

Перекурили. Тщательно промыли брезент.

– Продолжим. Твой или мой? Только моего надо бегать искать, а твой вон на веранде сидит.

– Давай, – согласно кивнул головой Петр.

Кот Феликс дался в руки легко, не подозревая, какая участь ему была уготована. А когда кошачьи мозги сообразили, что от него требуется, он начал всячески сопротивляться насилию. Но настойчивость начинающих бизнесменов и их природная смекалка оказались сильнее сопротивления Феликса. Петр держал, а Николай через трубочку вдвухвал в кота зерна. Животное яростно сопротивлялось, громко мяукая. Расцарапав Петру руки, разодрав задними лапами рубаху, но все же получив в пищевод положенные десять зерен, Феликс был вброшен в ангар, где яростно метался еще с полчаса, пытаясь освободиться от них. Тщетно.

– Вот и сиди теперь здесь! – назидательно сказал израненный хозяин кота, а Николай в журнале сделал запись: «Второй эксперимент. Кот. Принял 10 зерен. Продолжительность эксперимента 24 часа».

На следующее утро, когда пришел Николай, у кота в ангаре уже стояли в мисках молоко и сметана. Феликс сидел в дальнем углу, и взгляд его кошачьих глаз ничего хорошего друзьям не предвещал.

– Пусть полакомится, а то с перепугу всю ночь проорал, спать не давал! Еле уговорил Натаху, чтобы не выпускала, – кивнув подошедшему другу, сказал Петр.

Вечером освобожденный Феликс бросился – нет, не в курятник, а на кухню. Плотно перекусив, он на два дня исчез. Обиделся.

Кошачьих фекалий оказалось немного.

– Наверное, его надо было еще сутки здесь продержать, а то результата – практически ноль.

– В следующий раз твоего котяру два дня здесь подержим. Посмотрим, какой будет результат! – заступился за кота Петр, разбирая полученный экспериментальным путем биоматериал, в котором было обнаружено два зернышка, но, как и в первом опыте, запах, исходивший от них, кофейным назвать было нельзя.

Запись в журнале: «Завершен второй эксперимент. Из 8 зерен кофе получили два. 6 зерен, вероятно, растворены кошачьим желудочным соком».

Вновь тщательно промыли ангар.

– Продолжим? – взглянув на Боцмана, спросил Николай.

– Ты что, совсем того? Даже и думать не моги! – Петр чуть не поперхнулся дымом от сигареты, которую едва успеть прикурить. – Этот кабель всем кабелям форы по силе даст! Это тебе не кот, это – Боцман! Полруки оттяпает и спасибо не скажет. Я к нему не пойду. Хочешь – развлекись один. А я – нет, извольте. Жизнь мне дороже!

– Ладно, – с сожалением протянул Николай, – перейдем к следующему пунктику. А следующий у нас кто? Следующий по списку у нас гусь! Только прежде чем ловить, давай подумаем, как мы ему их вдуем.

– Есть идея, – оживился Петр. – Видел по телику, как китайцы откармливают пекинских уток? Одной рукой держит, другой вставляет ей в клюв трубку, потом нажимает на педальку насоса и – готово! Порция корма в желудке. Лучше китайцев не придумать.

– А у нас есть такой аппарат? – удивился Николай.

– Думай, Коля, думай! – И Петр таинственным голосом поведал другу тонкости своего хитроумного плана.

– Хороша идея! Надо же такое придумать! Ну, Петруха, не голова у тебя, а Дом Советов!

Вдохновленный поддержкой, Петр быстро сбегал в дом. Взял

с Наташкиного разрешения старый носок, отхватил ножницами ту часть, в которой располагаются пальцы, и вернулся к напарнику.

В дальнем углу двора гуси мирно щипали траву. Завидев приближающихся мужчин, птицы загоготали, а два гусака, расправив крылья, вытянув шеи и пригнув головы к земле, двинулись навстречу непрошенным гостям, издавая при этом угрожающее шипение. Петр, имея многолетний опыт содержания гусей, ловко обошел одного из них, подхватил его руками и набросил на голову гусаку мешок. Растерявшийся от такой наглости гусь тихо сидел в руках. Вернувшись к ангару, Петр передал птицу Николаю, который по команде друга снял с головы гуся мешок. В то же мгновение на его место был ловко водружен дырявый носок – теперь наружу выступал только горбатый клюв. Гусь повертел головой и затих. Петр не спеша отсчитал десять зерен, взял резиновую трубку, вставил ее в раскрытый клюв и вдул их в пытавшегося сопротивляться гусака.

– Готово! – весело сказал он. – Запускай родимого!

В первые мгновения после экзекуции гусь как-то странно выгибал шею, но вскоре, вероятно, зерна прошли дальше, и он начал отчаянно гоготать. Стая гоготала ему в ответ, но продолжала щипать траву. Набросав в ангар свежей зелени, экспериментаторы удалились.

В журнале появилась новая запись: «Эксперимент третий. Гусь. Вдуто 10 зерен. Время эксперимента 24 часа».

Вечером, работая с гусяным биоматериалом, они обнаружили шесть зерен из десяти проглоченных. Конечно, их внешний вид и опять же запах не вселяли особых надежд, но – дорогу осилит идущий. Бросать эксперимент нельзя, пока есть хоть маленькая надежда на его успешное завершение.

Следующая запись в журнале гласила: «Эксперимент третий. Из 10 зерен получено 6. Пока гусь – наиболее подходящий объект для будущей работы».

Дальнейший этап потребовал смены декораций, так как ангар был уже маловат для их грандиозных планов.

Предупредив хозяина строящейся дачи, что их три дня не будет, поделщики на следующий день спозаранку расчистили за огородами на пустыре площадку диаметром около шести метров, тщательно выкосили всю траву, спланировали насколько было возможно грунт, в центре вбили кол.

Следующим участником эксперимента стала коза по кличке Машка, которая была взята в лизинг у бабушки Просковьи на двое суток. Старушка долго не могла понять, для чего Николаю понадобилась коза, а когда узнала, что животное будет участвовать в научном эксперименте по влиянию на животных различных пищевых добавок, согласилась.

– Только, Коленька, она у меня страсть как любопытная и очень беспокойная, что не так – сразу бодаться. И не смотри – мужик перед ней или баба.

– Не волнуйся, бабуля, мы на нее управу найдем. У нас не забалуешь! – поблагодарил хозяйку Николай и за веревку потащил козу на пустырь.

Привязав рогатую, набросали ей свежей травки с добавлением полевых цветов, поставили корытце с водичкой. Одним словом, устроили козий курорт. Ешь, пей – не хочешь! Как-то незаметно в суете она проглотила отсчитанные ей сто зерен и теперь порывалась вновь оказаться на свободе. Коза предпринимала попытку за попыткой освободиться, но веревка была крепкой. Тогда Машка сменила тактику и начала яростно атаковать каждого, кто оказывался внутри обозначенного круга. Первым попал под раздачу Петр. Пятясь с охапкой свежей травы, он зашел внутрь круга и тут же получил с тыла удар такой силы, что не устоял на ногах. Теперь сбор биоматериала был явно затруднен. Оставлять нельзя – она сама же и растопчет, собрать – лезет бодаться. Пришлось дежурство нести вдвоем: когда происходил процесс опорожнения козьего кишечника, один ее держал, а другой собирал результаты. Таким вот трудоемким образом за сутки собрали 73 зернышка!

– Ай, да умница коза, Машка наша молодца! – распевал Николай.

Но запах зерен! Ох, уж этот запах... Он сохранял все непередаваемые козы ароматы.

Запись в журнале: «Коза Машка. 100 зерен проглочено, на выходе обнаружено 73. Аромат кофе полностью перебит запахом козьего биоматериала».

Козу вернули, биоматериал получили. Что делать с козьим ароматом?

– Мыть. Мыть и еще раз мыть! Другого варианта я не вижу. Когда-то запах должен исчезнуть. Интересно, сколько раз моют зерна после того, как извлекут из навоза слона? – вопрос Николая повис в воздухе, оставшись без ответа.

Между тем, эксперименты продолжались. Николай определял новых подопытных, Петр совершенствовал методику обнаружения и извлечения зерен.

И вот настал день и час, когда на круг решено было вывести главного участника эксперимента. Николай привел на веревке своего полуторогадовалого черного бычка.

– Вот он – Блэк Булл! – провозгласил Петр. Бычка привязали так, чтобы он не мог транжирить навоз, оставляя его за пределами круга. Навалили скошенной травы, цветов, поставили большое корыто с водой, сделали из травы что-то наподобие ласточкина гнезда, поместили туда тысячу зерен, сверху накрыли хлебной крошкой и поставили перед бычком. Не раздумывая, он зашлепал губами и втянул в себя все, что стояло перед ним съестного. Начинался жаркий летний день...

Петр принес лопату, металлическую емкость и первый заступил на дежурство. Обязанности были простыми – собирать лепешки.

Работа Петра до обеда была пустой. Бычок регулярно выдавал порцию за порцией вчерашней травы, но ни о каких зернах упоминаний в них не было. Так же безрезультатно прошло и вечернее дежурство Николая.

Все изменилось на следующий день. Каждый блин приносил все новые, прошедшие через горнило желудочно-кишечного тракта, кофейные зерна. Конечно, они довольно отдаленно напоминали те зерна, которые поступили на переработку, но это были они!

Вот только запах навоза... оставался запахом навоза! Они не знали, как там у слонов, но запах сибирского навоза перебивал ароматы и кофе, и цветов, и особого аппетита не вызывал.

Но по сути, если зажать нос, то результаты работы с бычком друзей вполне удовлетворяли. За двое суток найдено, извлечено, промыто и отправлено на сушку 843 зернышка!

– Ну что, коллега, – важно обратился Петр к другу, – неплохо, совсем неплохо!

– Да, неплохо для начала! Завтра с утра еще раз промоем и – на сушку. Наверное, с недельку будут сохнуть. А нам пора начинать думать, как будем именовать новый сорт, как будем его раскручивать? Вон по телику каждый день реклама новых товаров, новых услуг – нам такое не потянуть. Может быть, просто небольшую... как её...– публикацию? Нет – презентацию! Презентация – красивое слово. Звучит как-то по-иностранному, и перспектива большая в нем заложена!

Закурили. Николай мысленно представил, как идут они с Петрухой во фраках по своей деревне, в белоснежных рубашках, и каждый держит в левой руке блюдце, а в правой – чашечку с дымящимся кофе и отпивает его мелкими глоточками.

– Ну, и как будем эту... ее проводить?

– Думаю, тут больших проблем нет, – у Петра, как всегда, был вариант. – Ты разбираешься, как кофе хорошенько просушить, помолоть, сварить, подать гостям, что к кофе на закуску подать?

– Погоди, какая закуска? Это же кофе!

– И ты что, позовешь гостей на презентацию и не нальешь людям по соточке самогона? Всухомятку кофе не пойдет, поверь мне, – Петр, попыхивая папирсой, авторитетно высказал свою

точку зрения. – Поэтому, хочешь ты или не хочешь, но грядку накрыть надо обязательно.

– Ладно, допустим. А кого приглашаем и где место встречи?

– А этим займусь я. Представляешь, как звучит: Николая и Петро приглашают вас сегодня, уважаемый Петр Аркадьевич, откушать чашечку горячего ароматного кофе, приготовленного по истинно сибирским рецептам!

Ночью Петру снился странный сон. Он бежал по берегу местной речушки Рябушки, а за ним, мыча, хрюкая, гогоча, мяукая и кудахча, неслась, поднимая облако пыли, живность со всей деревни. Всю эту ватагу возглавлял полуторагодовалый черный бычок Николая и человеческим голосом требовал:

– Глотай, скотина! Глотай! Глотай!

Понимая, что преследователи вот-вот его догонят, он с разбега прыгает в воду и... просыпается на полу возле кровати.

– Ты чего это? – испугавшись спросонья, спросила Наталья. – Ох, чует мое сердце, что-то вы нехорошее затеваете. Помощи от меня не жди! Сам молча вляпываешься, сам молча и выляпывайся потом.

С этими словами жена повернулась на другой бок и мерно засопела.

Утром по дороге на работу разговор у компаньонов вновь зашел об эксперименте.

– Слушай, Коль, что мы все живность экзекуции подвергаем?.. Может, самим попробовать десяток зернышек глотонуть? Изучить, так сказать, реакцию организма. А что? Я читал, что ученые с мировым именем проводили опыты не только на животных, но и на себе.

– Брось ерунду говорить. Что, кофе не пробовал? Если бы у человека были такие возможности – кофе внутри себя превращать в дорожный сорт – давно бы все азиаты сидели на горшках и впаривали это г...но европейцам. Они ведь своего не упустят. Но этого нет. А коли у них нет, то и нам не стоит терять время и отвлекаться

на всякую ерунду. Только лишние хлопоты! – На этом тема личного участия в переработке кофейных зерен была закрыта.

Но предложения и вопросы продолжали волновать наших героев.

– Петр, у меня тут мысль родилась, – начал Николай, когда они после обеда лежали на траве в тени строящейся дачи, – может, нам, прежде чем собирать народ на эту презентацию, рассказать Наталье и Оксане обо всем? И самим кофе попробовать, и их привлечь к подготовке народного гуляния... Мы самое главное сделали – зерна получили, теперь они пускай по женской части организуются. Моя-то уже всю плешь проела – скажи да скажи, что вы там делаете.

– Да и моя тоже как банный лист, – Петр лежал на спине, подложив руки под голову, кепка сдвинута на глаза, во рту травинка. – Давай! Сегодня это и провернем, – предложил он, не предполагая, что сказано это было не в добрый час.

– Я уйду на часок пораньше, кофейные зерна перемелю. А ты с Натальей подходи часам к восьми вечера, посидим, все обсудим, пора им узнать, чем мы месяц занимаемся, – сказал Николай и, тоже надвинув на глаза кепку, стал слушать, как растут волосы на голове.

В восемь часов Петр с Натальей подошли к дому друзей, в котором – по всем признакам – бушевала гроза, временами переходящая в яростный ураган. Поднялись по крылечку, открыли дверь... и в нос им ударил запах, вероятно, придуманный злым гением для наказания всего человечества. Мимо них с повязанным на лицо мокрым полотенцем – так, что видны были только глаза, пробежала Оксана. В каждой руке она держала еще по мокрому полотенцу и, вращая ими как лопастями вентилятора, разгоняла смрад, ползущий из кухни. Николай, открыв на кухне настежь оба окна, так же яростно махал перед ними тряпками, пытаясь то ли выгнать запах, то ли загнать внутрь свежий воздух. Пробегая в очередной раз мимо гостей, Оксана резко остановилась, вручила Петру оба полотенца со словами:

– Чего стоим? Вперед, помогай бизнес-партнеру рацуху в жизнь претворять! Чтобы через час ни вас, ни этого смрада в доме не было, коммерсанты сраные! А мы, подруга, пойдём-ка на свежий воздух, посидим в палисаднике, покурим, порассуждаем о тяжёлой мужской доле!

Взяв подругу за руку, она вытянула ее на улицу, продолжая при этом говорить все, что думает о своем муже, о Петре и о всех деревенских мужиках!

– Ты представляешь, – продолжала она, вдохнув полной грудью свежего воздуха, – эти коммерсанты решили из навоза сделать кофе и напоить им не только нас с тобой, но и весь мир! А та бурда, которая стоит на кухне, воняет так, что глаза на лоб лезут! Когда же они за ум возьмутся, ну когда?

А в это же самое время Николай рассказывал Петру свою версию произошедшего:

– Я еще когда молол, почувствовал этот запах, но решил, что он уйдет при варке. А перед тем дал Оксане журнал почитать. Лучше я бы этого не делал! Она, узнав, как мы получили эти зерна, закатила такой скандал – мама не горюй! Со всем этим переполохом я забыл про чайник с кофе на плите, жидкость убежала, подгорела – вонь на весь дом! И вы заходите в это время! В общем, презентация провалилась, не успев начаться! Это еще хорошо, что она не выпила эту... пакость! Иначе мне бы сейчас с другом не беседовать!

Лишь ближе к ночи женщины немного успокоились и смогли выслушать историю с таким треском провалившегося эксперимента. Остатки зерен, после их внимательного рассмотрения и изучения, были выброшены в курятник. К утру от них ничего не осталось.

Утро выдалось погожее, свежее, умытое росой, наполненное ароматами полевых цветов и пением птиц. Николай, направляясь в нужник, захватил лежащий на диване журнал. Удобно угнездившись на стульчаке, раскрыл его на случайной странице и... обомлел:

– Твою мать! Живут же люди! Это же сколько они за лето зарабатывают? Да я с Петрухой столько не заработаю... – через закрытую дверь нужника было слышно, как новая идея постепенно захватывала и поглощала его...

– В добрый час! – промычал полуторогодовалый черный бычок, жевавший неподалеку свою вечную жвачку. ●

ЛОЖЕЧКА

Рассказ основан на реальных событиях. По понятным причинам имена, фамилии изменены.

Мягко и осторожно, стараясь не расплескать ночную тьму, лайнер ТУ-134 на высоте девять тысяч метров стремительно двигался на восток, оставляя за собой в ночи города и села, реки и горы.

Одно слово – прогресс! Еще недавно перелет из Москвы в Кемерово занимал семь часов с промежуточными посадками. А вот теперь – четыре часа и без посадок! Замечательно! Это особенно приятно, когда до нового, 1982 года, остается всего два дня.

Двигатели, делая свою работу, напевали: «Скоро будем... Скоро будем...», а пассажиры, еще не приученные к такому комфорту, коротали время как могли. Кто-то читал, кто-то разгадывал кроссворды, некоторые дремали, кто-то просто смотрел в иллюминатор, пытаясь что-нибудь разглядеть внизу. Во втором ряду, в кресле у прохода, сидел представительный мужчина – на вид чуть больше сорока, в белой рубашке и галстук. Виктор Иванович – так его звали – возвращался домой из трехдневной командировки в столицу. Прикрыв глаза, еще раз мысленно анализиро-

вал итоги московских встреч, результаты которых, на его взгляд, были многообещающими. «Будет что доложить руководству и заодно порешать вопрос о премиях для сотрудников», – удовлетворенно размышлял он под шум моторов.

Гарченко Виктор Иванович – один из руководителей городского спорткомитета, в прошлом прекрасный спортсмен-велогонщик, мастер спорта, призер чемпионата страны, – вот уже много лет трудился на поприще развития спорта в отдельно взятом городе. Работа ему была по душе, единственное, что не устраивало, – сидячий образ жизни. Заставить себя заниматься спортом в свободное от работы время ему не удавалось. Заниматься (теоретически) спортом на работе, а потом реально и вне работы – это уж слишком! А коньяк, а пиво, всегда стоявшие в кабинете в нижнем ящике сейфа? – Они ведь могут и прокиснуть... Резко завязывать с этим делом нельзя – ни одна печенка такого удара не выдержит. А пристрастие к никотиновым трубочкам, источающим терпкий запах табака? – Это совсем плохо для работника спорткомитета, но как после рюмочки армянского не затянуться болгарской сигаретой из голубой пачки «ТУ-134»? Это пристрастие тщательно скрывалось от общественности. Но время шло, появился животик, а с ним и лишние килограммы, как следствие – его сегодняшняя комплекция мало напоминала фигуру красавца-велогонщика, когда-то покорявшего женские сердца одним взглядом. Но вот характер! Характер остался прежним – душа любой компании, балагур и весельчак, знающий массу анекдотов на любой вкус, всегда готовый над кем-либо пошутить и сам понимающий (и принимающий) шутки.

В этот раз Москва его встречала и провожала дождем. Декабрь, а на улице то ли весна, то ли осень! Сыро, неуютно, пасмурно... Не его погода. Настоящему сибиряку, а он считал себя таковым, нужны зимой снега и морозы. А слякоть только сеет простуду и прочие нездоровые явления, а посему – исключительно в целях профилактики – он позволял себе утром и в обед пропустить рюмочку коньяка. Ну, а вечером, вечером уж как получится...

Провожали его в аэропорту Внуково старые приятели. Душевно посидели теплой компанией в ресторанчике, позволив себе чуть больше, чем по рюмашке. Но вот незадача – уже на борту самолета организм Виктора Ивановича, считавшего себя крепким на алкоголь мужиком, начал испытывать какой-то дискомфорт внутри и подавал пока еще не ясные сигналы.

«Клин клином...», – решил он, и пригласив к себе стюардессу, попросил граммов двести коньячку, лимончик и парочку конфет. Все было исполнено за его счет быстро и достойно. В роли ска-терти-самобранки – откидной столик. Не спеша, Виктор Иванович наполнил стаканчик жидкостью благородного коричневого цвета, выпил, закусил. Дискомфорт на какое-то время покинул его, но затем снова дал о себе знать. «Врешь, брат, не возьмешь... Я тебе покажу, как портить мне предновогоднее настроение!» – непонятно кому пригрозил он, и прервав на этом внутренний монолог, принял вторую рюмочку. Боль резко усилилась, да так, что он даже не успел закусить лимончиком. В животе остро загло, его скрутило, выступил холодный пот, ноги – мощные, натренированные с юности ноги – в момент стали ватными. Организм уже не просто подавал сигналы – он кричал, требуя лекарств и внимания!

Внимательная соседка, видя такое дело, пригласила стюардессу. Та попыталась было выяснить у самого нарушителя спокойствия, в чем дело, но поняв, что он не в состоянии давать какие-либо комментарии, обратилась за помощью к пассажирам, надеясь среди них найти врача. Увы, среди пассажиров борта врача не оказалось. О ситуации доложили командиру.

– Терпеть! Через двадцать минут посадка в Кемерово. Более близкого аэропорта нет. Дать ему обезболивающее и – терпеть, терпеть!

Второму пилоту было поручено связаться с аэропортом назначения и обеспечить прибытие неотложки к трапу...

Как его выносили из самолета, как везли в карете скорой помощи по морозным, уже украшенным новогодними гирлянда-

ми улицам, как принимали в кировской больнице, – все прошло мимо него. Только запомнились слова мужчины в белом халате: «Аппендицит! Готовить к операции!»

«А завтра Новый год... премия сотрудникам... московские подарки», – в ватной голове Виктора Ивановича слабо зашевелился рой отрывочных мыслей, но тут же был удален очередным приступом боли.

Новый год он встретил в палате. Один. Такой конфуз с ним приключился впервые. А душа требовала, – нет, она настаивала – праздника!

* * *

Семья Филатовых получила новую квартиру в Кировском районе полгода назад. У Березовой рощи, рядом с больницей. Раздельный санузел, три светлые комнаты – об этом они мечтали несколько лет! Радовалась вся семья: и хозяин – Василий Федотович, и его супруга Анна Петровна, и сын Алексей, и дочка Лизонька! После долгих лет жизни в бараке – это счастье! Настроение у всех перед Новым годом было приподнятое, на торжество приглашены родственники и друзья, закуплено все, что необходимо: шампанское, вино, рыбные и мясные деликатесы... Стол должен ломиться от сибирского изобилия – так считала хозяйка. Для хозяина же главное – достаточный запас «водедюлечки», как он её ласково величал, без которой и праздник – не праздник, а изысканная закуска превращается в обыкновенную еду.

К слову, становившееся все более трепетным отношение мужа к «беленькой» беспокоило Анну Петровну в последнее время все больше. Нет, он не был алкоголиком, господи прости, но любой мало-мальский повод не оставался вне зоны его внимания, и супруг все чаще приходил домой «под мухой».

– Слушай, Вась, – строгая колбаску, начала она, когда он появился на кухне, – ты уж сегодня не того, не переборщи с водочкой!

Неудобно перед людьми будет – приглашали, а хозяин спит. Как на ноябрьские. Потерпи уж до завтра, куда она не денется проклятушая, выпьешь, сколько душа просит.

– Не накаркай, я не маленький, все понимаю, – ответил муж, подхватывая из тарелки ароматный ломтик дефицитной колбаски.

На каком-то этапе он и сам начал понимать, что водка становится несущим элементом в его жизненной конструкции. Поднимая очередную рюмку, Василий ощущал, как сладкий водочный ручеек наполняет его организм, душа поет и просит еще, еще чуток. Только в декабре он трижды давал себе зарок – с завтрашнего дня ни капли, пусть Анна посмотрит, какая у него сила воли. Но наступало завтра, друзья звали отметить очередной подвернувшийся повод, и она, родимая, вновь сладким ручейком проникала в его организм, заставляя врать и изворачиваться перед женой, перед самим собой... Он снова давал слово, но снова – до очередного повода.

Ближе к двенадцати стали собираться гости. По традиции, каждый приносил свой вклад в праздничное застолье: кто салатик, кто водочку, кто заливную рыбку, кто тортик. Стол, и без того под завязку заставленный тарелками, пришлось еще раз уплотнить, освобождая места для новых блюд.

Проводили уходящий год, встретили год новый, как всегда многообещающий в области улучшения материального благосостояния советского народа, кричали «ура»... В какое-то время Анна упустила мужа из-под контроля – гостей много, хозяйке и без того хлопотно. А когда спохватилась, ее Василек уже значительно превысил допустимую дозу и ему глубоко безразлично было, какой сегодня праздник, по остекленевшим глазам было видно – окаянная взяла свое...

«Ну, я тебе устрою утром! «Не накаркай, я все понимаю!» – в сердцах мысленно передразнила мужа Анна. – Завтра все поймешь! Я тебе накаркаю месячник трезвости, алкаш! Будешь долго вспо-

минать этот Новый год, зараза! Когда я просмотрела, когда он успел привыкнуть к ней? Надо брать его в ежовые рукавицы, погулял и будет!»

* * *

Василий проснулся, но глаза не открывал, лежал тихо, не шевелясь, боясь сделать неосторожное движение. Надо оценить обстановку, обдумать линию поведения с женой. В квартире тихо, нагулявшийся народ еще спит. Во рту – как в давно не чищенном общественном туалете, клапана горят, организм требует воды и пива, мочевого пузыря грозит немедленным опорожнением, руки дрожат, сердце бьется еле-еле. Сколько он вчера принял на грудь – голова не помнит, но судя по самочувствию – изрядно. Последнее, что всплывало в памяти, его слова, сказанные тестю: «Я сколько ни пью, всегда себя контролирую. И норму знаю! Захочу – и с завтрашнего дня ни капли!»

«Нет, – не согласился он сам с собой, медленно вставая с постели. – С сегодняшнего не получится, лучше с завтрашнего». Он поймал равновесие и сделал первый шаг в сторону кухни. Воды, организм требовал воды!

Осторожно ступая босыми ногами, чтобы никого не разбудить, держась то левой, то правой рукой за стену, добрал до кухни. В глаза сразу бросился стакан с ложечкой, стоящий на плите, наполненный, видимо, чаем. Подойдя ближе, левой рукой держась за край стола, правой взял стакан, поднес к губам. Так и есть – холодный сладкий чай. Бесценная находка! И, запрокинув голову, одним махом вылил всю жидкость себе в рот, чтобы немного погасить пламя, бушевавшее внутри.

Но... что-то пошло не так! С ужасом Василий понял, что вместе с чаем внутрь отправилась и ложечка, находившаяся в стакане. Он не просто понял, он ощутил её в своем желудке. «Ох, твою мать! Как же это? Как ее теперь обратно?..» На всякий случай провел

левой рукой по рубашке – ложечки под ней не было. Продолжая стоять с запрокинутой головой и поднесенным ко рту стаканом, он боялся пошевелиться – может, её еще можно достать, как-нибудь подцепить, что ли?.. На ум пришел старый, испытанный годами и миллионами мужиков способ – «два пальца в рот». Однако... – нет, начать надо с совета, нужен взгляд со стороны.

– Аня, Аннушка! – боясь пошевелиться, позвал жену.

– Ну что, дуралей, напился вчера? Потерпеть не мог, алкаш сраный? Я все понимаю, я не маленький! – с этими язвительными словами заспанная Аннушка вошла на кухню, сразу дав мужу понять, что спокойного праздника не будет, пьянству объявлен бой! Увидев супруга, стоящего с запрокинутой головой и стаканом, правой рукой прижатым ко рту, пару секунд наблюдала эту сцену молча. Затем последовал естественный вопрос:

– Ты чего, это? А?

– Так, это... того... Она, ложка... – пробормотал он.

– Что – ложка? Какая ложка, пьянь беспросветная? – заводясь до нужной кондиции, зло уточнила супруга.

– Да ложка, ложка там! – шепотом сказал он и пальцем левой руки ткнул в живот. – Может, ее еще можно достать... Посмотри, – пробормотал он жалобно.

Жена смотрела на него недоуменным взглядом, не зная, то ли ругать, то ли жалеть. По инерции начала с первого.

– Ты совсем очумел, что ли? Как ты умудрился такое вытворить? Зачем тебе это, дуралей, понадобилось? У тебя с головой все в порядке или там одна водка бултыхается? – прошипела железным шепотом, не обещавшим Василию ничего хорошего. Тем не менее, забралась на табурет и сверху заглянула во все еще открытый супружеский рот.

– Не видно. Наверное, ты её прямиком в желудок отправил. Жди, сейчас Катьку позову. – И ушла в комнату.

Екатерина, младшая сестра Анны, работала медсестрой в стоматологической клинике и считалась среди родственни-

ков непререкаемым авторитетом в любой области медицины.

– Чего тут произошло? – протирая от сна глаза и зевая, спросила она, появившись на пороге кухни. – Не поняла – вот так взял и с чаем её проглотил? Дай посмотрю, – Катька залезла на стул и посмотрела в раскрытый рот. Маловат роток, не как у крокодила – ни голову, ни руку не просунуть... – Не видно, – после изучения полости рта заявила она.

– Может, она все-таки под рубахой или в трусах? – И принялась его ощупывать. Ничего не найдя, села на стул, задумалась. Было видно, что её мозг после новогодней ночи еще не готов к выполнению таких задач.

– Надо идти в больницу! Как бы эта ложечка там чего-нибудь не натворила! – вынесла она вердикт и пошла обратно постель.

– Какая больница? Не хочу в больницу! Сегодня первое января, там никого нет! – В больницу ему и впрямь очень не хотелось. Отчаянно шипя, он приводил все новые и новые доводы, а организм настойчиво требовал либо воды, либо пива. Наконец, Анна пресекла его словесный понос:

– Одевайся, идем в кировскую. Это двести метров. Пусть там решают, что с тобой делать.

Светало. Первый день нового, 1982 года, город встречал тихим похрапыванием горожан. Солнце еще не взошло, но по розовой дымке на горизонте было ясно – день будет морозным и солнечным. Где-то вдали послышалось: «Имел бы я золотые горы...», – значит, для кого-то праздник еще продолжался.

Анна Петровна уверенно шла в сторону больницы, за ней, запинаясь и тихонько матерясь, шел с ложечкой в животе Василий Федотович. Приемное отделение было закрыто изнутри. Они долго стучали в дверь, пока сонный голос, явно принадлежавший женщине, пережившей новогоднюю ночь в трудовом коллективе, не спросил:

– Чего вам? Мы сегодня не дежурные, езжайте в Кедровку, там дежурная больничка.

– Какая Кедровка?! – Анна Петровна знала и умела отстаивать свои права и права близких в условиях развитого социализма. – Человеку помирать, что ли? «Мы сегодня не дежурные. У нас сегодня Новый год!» Пусть здесь на морозе лежит?! Вы ему еще от имени Деда Мороза направление выпишите в Кедровку, он с ним в руках под вашей дверью и замерзнет. Какая к черту клятва Гиппократата! Да вас всех под суд надо! Что вы за врачи, если помощь по расписанию оказываете!

Доводы оказались убедительными – их пропустили в прохладный кабинет приемного отделения. Дежурная медсестра взглядом указала на кушетку и голосом павлина пропела:

– Что с гражданином? Да не шумите вы, ради бога! И без вас голова болит!

Выслушав изложенную вкратце новогоднюю историю и не проявив при этом никаких чувств, не шевельнув ни одной мышцей на лице, – будто у них ежедневно глотают ложечки – пересохшими губами медсестра произнесла:

– Ждите тут. – И гордо держа голову, чтобы «эти» еще чего не подумали, вышла исполнять свой долг по поиску дежурного врача.

...Хирург Марк Абрамович опочивал после встречи Нового года в своей ординаторской. Ему снилось приятное: они всей семьей получили долгожданные путевки в Евпаторию и наслаждаются теплым морем. Сон, видимо, был навеян стареньким «Ветерком», монотонно гудевшим у изголовья кушетки и выдававшим все новые порции горячего воздуха – без него в ординаторской было довольно свежо.

– Марк Абрамыч, да проснитесь же вы!

– Что такое? Что случилось? – все еще под впечатлением сна доктор с трудом осознавал реальную картину мира.

– В приемное отделение мужчину привели, говорят, сегодня с утра ложечку с чаем проглотил, – доложила сестра. – Смотреть будете?

– Через десять минут подойду.

Проведенное спустя полчаса обследование показало, что чайная ложечка действительно там и расположена чрезвычайно неудачно для нормального функционирования желудка. «Господи! И почему все происходит именно в мои дежурства? Ни раньше, ни позже!» – с сожалением подумал доктор, а вслух произнес:

– Готовьте к операции!

Больной попытался было призвать эскулапа поискать другие варианты извлечения инородного тела из его организма, но получил однозначный ответ:

– Вы не на базаре! Хотите ждать, когда она выйдет через задний проход? Это может произойти завтра, через неделю, через месяц – да и захочет ли она туда идти вообще? А что она натворит за это время, я не знаю, но уверен – ничего хорошего.

* * *

В палате, принявшей в свои медицинские объятия Виктора Ивановича, стояло четыре кровати и было значительно просторнее, чем в салоне ТУ-134. Но от этого ему становилось еще безрадостнее. Он был один. Медперсонал – не в счет, у них свой праздник. Тоска, одиночество, жалость к себе – все перемешалось в голове. Скука – не с кем даже обсудить текущие события в стране и за рубежом. Информационный голод! Ну и, конечно, вместо коньяка – жена с бульонами, на которые он смотрел с непередаваемым чувством пренебрежения.

Но как известно – природа не терпит пустоты. К радости Виктора Ивановича, ближе к вечеру первого января в палату на каталке доставили послеоперационного товарища по несчастью. Василий – а это был он – приходил в себя медленно, не отрывая взгляда от потолка и не реагируя на сигналы, подаваемые истосковавшимся по общению соседом по палате. Лишь на вторые сутки в его глазах появился блеск, и он стал проявлять интерес к окружающему миру. В полном соответствии с неписанным больничным кодек-

сом пациентов, первые вопросы: чего ты тут, как это тебя угораздило, кто виноват?

Василий отвечал односложно, и судя по диалогам, вернее – монологам его жены, ежедневно приходившей со свежим бульончиком, дома ему готовился серьезный разбор полетов. А тут еще доктор, Марк Абрамович, зайдя на второй день в палату, протянул соседу Виктора Ивановича ложечку и коротко сказал:

– На память! У меня такой случай первый.

– Спасибо, доктор. У меня тоже, – сообщил Василий.

Виктор Иванович, мучимый любопытством, пытался разговаривать соседа, но тот держался стойко, причины своей экстренной госпитализации не называл.

Проговорилась медсестра Светлана.

– Ну чего вы к нему пристаете? Человек ложечку проглотил после новогодней ночи, – ответила вместо Василия и улыбнулась.

Градус любопытства в момент взлетел до верхней отметки. Виктор Иванович на правах соседа по несчастью теперь просто настаивал на рассказе. И Василий сдался. Он поведал, как проснулся поутру, как пришел на кухню, как увидел и взял стакан, ну и – как она туда нырнула! Виктор Иванович хохотал от души, а просмеявшись, попросил:

– Покажи, как ты его взял-то?

– Чего взял?

– Ну, стакан!

– Вот так, – Василий налил в граненый больничный стакан воды, опустил туда ложечку, возвращенную хирургом, взял стакан правой рукой – ложечка оказалась между большим и указательным пальцами – и, запрокинув голову, одним глотком выпил его содержимое. После чего непонимающим взглядом посмотрел на стакан – ложечки в нем не было!

Виктор Иванович от увиденного замер, а затем последовал глубокий по смыслу вопрос:

– Ты чего, опять ее туда отправил? На хрена? – Удивление

обоих переросло, с одной стороны, в ругательства на неперевода-
мом диалекте, а с другой – в неудержимый смех.

Прибежавший по вызову медсестры Марк Абрамович пус-
тым взглядом посмотрел на Василия:

– Детский сад! Взрослый мужик, а ведешь себя... Понрави-
лось на операционном столе лежать? Так мы сейчас это быстрень-
ко повторим!

Василий сидел на кровати и отрешенно смотрел в стену. Он
был далеко... Через пару часов его вновь на каталке доставили в
операционную.

Виктор же Иванович, насмеявшись от души, обнаружил на
своей повязке кровь. Пригласил медсестру, та вновь – Марка Абра-
мовича. Вердикт хирурга улыбки уже не вызвал – разошлись швы,
снова на операционный стол. Больше в этот день Виктор Иванович
не смеялся...

* * *

Выписывали их в один день. Три первых недели нового года
– а это и Рождество, и старый Новый год, и Крещение – они прове-
ли в больнице, но в разных палатах. Врачи решили, что два захода
в операционную – более чем достаточно, лучше держать таких па-
циентов отдельно, от греха подальше. Похудевшие, осунувшиеся,
они вышли на свежий морозный воздух, от избытка которого у каж-
дого закружилась голова.

– Ну, Василий, будь здоров! Ложечек берегись, как и всех
особ женского полу, не позволяй им больше вот так запросто про-
никать внутрь! – улыбнулся Виктор Иванович, глазами показы-
вая на Анну.

Василий в ответ тоже улыбнулся и достал из сумки сверток:

– Вот, Абрамыч подарил на память! Сказал, что у него в
практике было всего два таких случая, и оба – с одним и тем же
человеком.

В руках он держал алюминиевую кружку, к которой на веревочке, продетой через специально высверленную в ручке дырочку, была крепко привязана известная теперь уже всей больнице ложечка... ●

КИРПИЧИ

Весна! Нет лучшего времени года в Сибири, чем когда после долгой зимы начинает барабанить веселая капель, тонюсенькие ручейки талой воды с каждым днем набирают силу и превращаются в полноводные реки, все оживает, расцветает, обретает цвет, запах. Хочется дышать полной грудью весенним озоном и пить его не маленькими глоточками, как дамы пригубляют французский коньячок, сидя на летней веранде кафе на улице Весенней, а большими, мощными глотками, как сибиряки жадно пьют холодное пиво в летнюю жару, опустошая на одном дыхании трехлитровую баночку.

Весна – это начало больших и малых дел, продолжение ранее начатых, завершить которые не позволила зима, каждый год приходящая с севера абсолютно неожиданно.

Оживают брошенные в зиму на произвол судьбы дачные участки, мичуринские сады, садовые товарищества и прочие места сбора и паломничества горожан, именующих себя громким именем «садовод-любитель» (что в переводе на народный и могучий означает «садив»), чьи души рвутся из клетки квартиры на свободу, руки тянутся к земле, а задницы – к небу.

На городских кухнях вспоминают прошлый сезон: «Очень удачный! Тридцать ведер помидор, а ягоды – ууууу!». Или: «Ну, очень неудачный! Тридцать ведер помидор всего-то, а ягоды-то,

ягоды – говорить не о чем, десять ведер еле набрали». В деревнях у колодцев бабы тоже вспоминают прошедший сезон: «Мой-то прошлым летом на сорок тысяч топором намахал и все спрятал. Еле нашла. Так ведь неделю плакал, просил вернуть!» А соседка, качая головой: «Васька Помидоров до того у городских наработался, что стала ему по ночам являться белая горячка! Три месяца пролечили, а в канун Пасхи и выпустили. Удержит ли его Нюрка этим летом?»

Весна всех этих разговоров и не слышит. Она делает свое дело: солнышко пригревает все сильнее, прогалины с молоденькой матери-мачехой увеличиваются не по дням, а по часам, ручьи становятся все нахальнее, и вот уже бодрым, радостным клином потянулись «садисты», как перелетные птички, на обетованные земельные участки. Первыми, как и положено, выезжают мужики – снег порыхлить, забор подправить, мелкий ремонт учинить, да мало ли дел, которые нужно успеть сделать до того, как земля просохнет и грянет праздник первой борозды. А там уже все ремонты – побоку, только успевай за хозяйкой: «Тут вскопать и тут, а тут выкопать, а сюда – навоз, а отсюда перегной – туда!» – звучат звонкие женские голоса над огородными просторами.

Вот и в районе деревни Пингвиново, где расположено садовое товарищество «Копировальщик», налетевшие городские мужики застучали пока робко молотками, им в ответ запели пилы и электрорубанки.

Товарищество было небольшое, всего чуть более двухсот участков, но все как положено: правление, чьи решения размещались на столбах линий электропередачи, дороги, требующие каждой весной ремонта, несанкционированные свалки мусора, а за пределами товарищества – любящий пропустить стопку (а то и – несколько стаканов), всегда знающий, у кого, что и где плохо лежит, сторож Сашко с верным псом Джульбарсом.

У правления стало правилом – первое решение перед началом сезона принимать о запрете въезда на территорию товарищества

грузового транспорта. Иначе беда! Дороги, эх, дороги, – больно выдОроги, а в весеннюю грязь можно разбить вас за пару дней.

События, о которых пойдет речь, происходили в те далекие времена, когда проблема со строительными материалами была остра, каждый гвоздь, каждая дощечка, каждый килограмм цемента добывался неимоверными усилиями с помощью волшебного слова «блат» и поднесением в руку дающего от имени берущего «взноса» в виде денежных купюр различного достоинства.

Олег Иванович Майоров, хозяин участка № 96 по Тенистой аллее, крупный пятидесятилетний мужчина, с поставленным командирским голосом, член товарищества с безупречной репутацией, служивший... Стоп, стоп – «из бывших», а ныне в отставке, и этого знать достаточно. На дачах все равны, все члены товарищества наделены равными правами и обязанностями. По сути, это социальный эдем социалистического общества.

Так вот, одним ранним весенним утром Олег Иванович, мерно покачиваясь в кабине грузовика, ехал на дачу, чрезвычайно довольный собою – в кузове машины покоились тридцать драгоценных кирпичей, приобретенных вчера по записи на базе «Стройоптторга». Чем не повод для хорошего настроения? Теперь он завершит кладку печей в баньке и на летней кухоньке. Супруга будет счастлива – сбудутся наконец ее мечты.

Вот и центральные ворота. Дальше нельзя – порядок таков. Подмахнув накладную и показав водителю, куда следовало выгрузить прекрасные красные кирпичи – «вот сюда, на сухое» – Олег Иванович быстрым шагом двинулся в сторону участка. Переодеться, взять старенькую тачку с металлическим скрипучим колесом (труженица – много повидала на своем веку, много тонн всякого груза перевезла на своем горбу) и с ее помощью доставить на участок долгожданный кирпич.

* * *

...Иван Семенович Зябликов, хозяин участка № 13 по Березовой аллее, постоянно находился в поиске новых точек приложения своей неиссякаемой энергии. Среднего роста, среднего телосложения, член товарищества с безупречной репутацией, он всегда был в эпицентре всех событий, творящихся в «Копировальщике», честно и безвозмездно отстаивал интересы любого садовода, неважно кем попранные (и попранные ли вообще?), и, пропустив рюмочку-другую, смело выступал на каждом собрании, требуя и предлагая, предлагая и требуя. В его руках все ломалось, гнулось, трескалось, и только волею своей супруги, выискивавшей заначки с мастерством опытного следователя и безжалостно их утилизовавшей, наставлялся на путь истинного садовода-любителя. Во всех своих садовых проблемах Зябликов винил супругу: «Это ж надо было ей из двухсот участков выбрать именно тринадцатый! Я не суеверный, но чувствую, что в этой цифре заложен глубокий смысл!» – пояснял мужикам свою линию поведения.

Иван Семенович приехал на участок вечером и остался ночевать. По случаю удачи – а ему вчера удалось по большому благу приобрести тридцать штук нового кирпича – тяпнул рюмочку из бутылки, привезенной из города, поужинал и лег отдыхать, предварительно спрятав початую поллитровку в гараже за пиломатериалом. Утром, часиков в десять, машина «Стройсервиса» должна доставить кирпич, и он сможет закончить веранду еще до начала посадок.

Заснул быстро – еда, рюмочка плюс свежий воздух – хорошее лекарство от любой бессонницы. Снилось, как они со сторожем Сашко завершили веранду, жена накрыла по этому случаю стол, усадила их рядышком, налила по рюмке и ласково так говорит: «Еще раз найду в гараже заначку, не посмотрю, что веранду достроил! Отхожу тебя этой бутылкой так, что не один собутыльник не узнает!» На этих словах Зябликов проснулся в поту, но сообразив, что жена приедет только вечером, вздохнул с облегчением. А бутылку все же решил поутру перепрятать.

Завтракая утром, он увидел через кухонное окно, что к главным воротам товарищества подошла грузовая машина, и из ее кузова что-то начали сгружать. «Не мой ли это кирпич? Что-то рановато они... Но это даже лучше – не сидеть и не ждать тут зазря. Пойду, подпишу накладную да кирпич определяю, а то не ровен час, скоммуниздят!» – Зябликов быстро допил чай, ноги в сапоги, в гараж за тележкой и – пулей к воротам за заветным кирпичом. Шел гордо, твердо печатаая шаг, перед собой катил новую, на резиновом ходу тележку, купленную прошедшей зимой и теперь сверкающую на солнце яркой пока еще зеленой краской.

Тем временем машина, оставив свой груз, развернулась и уехала.

«Чего это они? А накладные подписать, качество проверить, пересчитать опять же?..» – недоумевал Иван Семенович, подходя к воротам.

К его большому удовлетворению, кирпич оказался отменным и в количестве тридцати штук – чика в чику, как в аптеке. Быстро и аккуратно разместил в новой тележке кирпич и – обратно на участок, оставляя на тающем снегу хорошо пропечатанный резиновым колесом тележки след. На душе у Зябликова было светло и радостно, солнце светило по-особенному, пение птиц и журчание ручейков сливались в неповторимую весеннюю симфонию – благодать!

Разгрузив кирпич, направился к домику сторожа – еще раз напомнить Сашко, что завтра с утра они ведут кладку на веранде. Джульбарс метался на привязи, громко лаял, показывая всем своим видом хозяину, что службу несет исправно. Сторож сидел за столом и, не отрываясь, смотрел на граненный стакан, до краев наполненный чаем.

«Сашко, привет! Чего хмурый такой? Недоперепил вчера? Смотри не смотри, а чай водкой не станет. Завтра с утра готов оказать помощь рабочему классу?» – весело подшучивая, обратился Иван Семенович к сторожу.

– Тяжело мне, Семеныч... Помираю я! Вчера за этим спиртом, пропади он пропадом, два раза бегали в деревню с Петькой с тридцать шестого, еле уgomонились... А рабочий класс не мог бы в качестве аванса выделить селу стакан водочки? – жалобным голосом пробухтел Сашко. – Ты не сумлевайсь, мы свое дело знаем! Завтра все будет чин-чинарем, а то не ровён час апокалис... апокалисн... апокалипный удар – и нет Сашко! Как вы тут без моего догляда будете?

Из личного опыта зная, как трудно бывает в такие дни, Иван Семенович сжалился над сторожем:

– Через полчаса подходи к моему гаражу. Стакан не обещаю, но для похмеля хватит.

Сашко от предстоящего счастья даже соскочил с табуретки и пустился было в пляс, но сделав пару шагов, застонал, обхватил голову руками, осторожно опустился на скамью и произнес: «Твою мать! Какая гадость – этот ваш спирт!»

* * *

...А тем временем Олег Иванович подходил к воротам на въезде в товарищество, катя перед собою тачку со скрипучим колесом. Еще издали что-то ему показалось не так. Ворота на месте, лужа – на месте, сухой бугорок – вот он, а... где кирпичи? На бугорке – только кирпичная крошка да сухая прошлогодняя трава. От такой человеческой наглости, от такого беспредела он несколько минут не мог вымолвить ни слова! Стоял как столб, на котором правление развешивает свои объявления, и тупо смотрел на оставленный неизвестным воришкой след.

«Твою мать! Это я просто так не оставляю! Нашли пацана! В бирюльки со мной играть вздумали? Надолго, ох, надолго кому-то запомнится этот кирпич! Я вам устрою кузькину мать!» – негодование бурлило в нем, готовое вмиг выплеснуться наружу, словно пар из кипящего котла, когда он, следуя по отпечаткам, оставленным

на мокрой дороге резиновым колесом новой тележки Ивана Семеновича, решительным шагом подошел к 13-му участку.

«Что за люди!» Увидев свои кирпичи у чужой калитки, он зычно прокричал: «Хозяин! Слышь, хозяин! А ну, выйди сюда, хочу на твою физиономию посмотреть!» В ответ – тишина. Еще раз крикнул. Тихо. Зашел во двор – дом на замке.

Уверенный в своей правоте, погрузил кирпич и направился к себе на Тенистую аллею. Тачка с железным колесом, нагруженная под завязку, по раскисшей Березовой аллее катилась с трудом. «Этак-то я долго провожусь», – все еще под впечатлением от произошедшего, Олег Иванович решительно направляет тачку в сторону небольшого овражка, разделяющего Березовую и Тенистую аллеи. Но это летом овражек небольшой, а сейчас, в половодье, да по еще не растаявшему снегу... Спуститься-то он с горем пополам спустился, однако подняться по противоположному склону сил уже не хватило, да еще ноги постоянно разъезжались в разные стороны по весенней жиже. Пришлось половину кирпичей оставить на время в овраге.

* * *

...Аккурат в это время Иван Семенович, заручившись обещанием сторожа помочь с верандой, возвращается на участок. Опаньки! Кирпичиков и след простыл! Осталась только глубокая узкая колея, ведущая к оврагу, да мелкая кирпичная крошка, подтверждающая, что это не сон, кирпич тут был и вот здесь лежал.

«Люди! Что же это такое! Средь бела дня внаглую увозят – нет, не увозят, а нагло воруют! Ни стыда ни совести! Ну, я сейчас кому-то мозги вправлю!» – громко комментируя свершившееся событие, возмущенный до глубины души Зябликов подходит к оврагу и видит – вот они, родимые! На дне оврага тихонько лежат пятнадцать кирпичей.

Пока только пятнадцать, но он найдет все до последнего! Справедливость должна восторжествовать!

Только вот незадача – впопыхах новую тележку оставил у своих ворот. Бросился обратно. Сашко чуть живой стоял у гаража. «Налей! Ну, налей!» – чуть слышно шептали его пересохшие губы. «Погоди минуточку!» – отмахнулся было Зябликов, но взглянув на Сашко, понял – не подождет. Открыл дом, сняв с гвоздика на стене массивный ключ, открыл гараж, достал из-за пиломатериала заначку и налил полную кружку. Сашко опорожнил ее одним глотком, тут же опустился на стоящий рядом чурбан и заснул. Прятать бутылку было некогда. С тележкой он вновь направился к оврагу.

* * *

Пока Иван Семенович опохмелял Сашко, Олег Иванович вернулся к овражку забрать оставшуюся там часть драгоценного груза. Утро уже клонилось к полудню, растеплело. По дну овражка теперь бодро и весело бежал довольно полноводный ручей, полчаса назад прикидывавшийся тонкой струйкой. Поразмышляв пару минут над изменившейся картиной мира и пожалев, что поленился достать резиновые сапоги, Олег Иванович принимает взвешенное решение: идти за оставшимися в овраге кирпичами кружным путем. И покатил старую тачку в обход. Скрип, скрип, скрип...

* * *

Спустя каких-то десять минут теперь уже Иван Семенович, стоя на дне оврага, решал дилемму: вернуться обратно и, оставив во дворе пятнадцать кирпичей, отправиться на поиск остальных – или форсировать ручей и найти оставшиеся кирпичи «в один присест»? Желание немедленно найти и наказать воришек взяло вверх, и он, перетащив с огромным трудом кирпичи и новую тележку через бушующий поток, бросился по следу.

След привел его на Тенистую аллею, к участку № 96. Он не мог поверить глазам: его пятнадцать новеньких, но уже не таких чистых кирпичей лежат под чужой яблонькой!

«Ау, хозяева! Есть кто-нибудь?» – приторно ласковым голосом начал Иван Семенович. Все тихо, дом закрыт, только стая синичек весело чирикает, сидя на заборе.

Не сомневаясь в своей правоте, он грузит на тележку найденные кирпичи и медленно и осторожно катит ее длинной дорогой – в обход овражка – в сторону своего участка, довольный, что потеря возвращена в полном объеме. В голове уже зрел план мести отдельным членам товарищества.

* * *

Скрип, скрип... Без груза старенькая тачка Олега Ивановича легко катится по Березовой аллее в направлении овражка. Проходя мимо участка № 13, ее хозяин удовлетворенно косится на двор, где еще недавно лежали украденные кирпичи – его кирпичи. Миновав было участок, вернулся – решил все-таки переговорить с хозяином. Но кроме спавшего на бревне Сашка никого не обнаружил.

«Наверняка, здесь такой же алкаш живет, хотя по внешнему виду участка не скажешь. Ладно, на обратном пути составлю разговор», – решил он и покатил тачку дальше. Вот и овраг. Что за чертовщина! Кирпичей в овражке не было, а на противоположном подъеме четко вырисовывался след от одного резинового колеса.

«Твою...» – и далее последовал такой набор слов из ненормативной лексики, что сидевшая на ближней березке стайка скворцов взмыла вверх и полетела напрямик на юг.

Теперь Олега Ивановича было уже не остановить. В одно мгновение преодолев полноводный ручей и не обращая внимания на намокшие по колено ноги, он неся по следу, толкая перед собой тачку – так проснувшийся от зимней спячки медведь преследует свою первую добычу, чуя волнующий запах теплой плоти.

Олег Иванович пулей влетел на свой участок... и замер как вкопанный. Кирпичей под яблонькой не было! Вмятины на снегу были, а кирпичей нет. Были и следы чужой обуви – от яблоньки и до места стоянки тачки.

События принимали нешуточный оборот. Затянув туже ремень, он сунул под него со стороны спины здоровенный молоток, попавшийся на глаза: «Надо быть готовым ко всему! Просто так я этим мерзавцам кирпичики не отдам!» Лежавшую на столе накладную автоматически сунул в карман ватника и, жадно хлебнув водички, вновь понесся по следу, обуреваемый желанием вернуть кирпичи и наказать воришек.

* * *

Иван Семенович, вспотев от усилия, дотянул тележку с бесценным грузом до участка и присел перекурить. Рядом примостился Сашко.

– Семеныч! Еще плесни на донышке, – затянул он свою жалостную песню.

– Сашко, там еще полбутылки, наливавай сам. Дай отдышусь! – отмахнулся Зябликов, вытирая лоб.

– Так нет там ничего! Пустая она!

– Как – нет? Я вчера привез бутылку. Перед сном принял рюмку, с утра – тебе кружку. Там еще половина должна быть!

– Я не знаю. Вон она пустая валяется. Может, мужик выпил?

– Какой мужик?

– Да заходил тут один, пока я спал.

– А ты когда спишь, всегда все видишь? – съехидничал Иван Семенович.

– Я же сторож! – приосанился Сашко. – А сторож всегда на боевом посту, даже когда спит! Смотри, а вот и тот мужик!

В калитку, низко наклонив голову, как бык перед атакой, вошел разъяренный Олег Иванович.

– Здравствуйте, хозяева! – начал он, подходя к аккуратно сложенным кирпичам. – Откуда кирпичики-то будут? Из лесу, вес- тимо? Воровством промышляете?

– А вы, собственно, кто такой, чтобы такие вопросы задавать и ярлыки вешать? – Зябликов самоотверженно бросился навстречу незнакомому гостю, явно превосходившему его по массе и росту.

– Я – хозяин вот этих кирпичей, Олег Иванович Майоров меня зовут!

– А по мне хоть Генералов! Где здесь, – он взял один кирпич в руки и повертел им почти перед самым носом у своего оппонен- та, – надпись, что этот глиняный кирпич является частной собствен- ностью гражданина Майорова? Нет? Значит, кирпич мой! И будьте любезны покинуть границу моего участка! А то я резким бываю, как бы чего не вышло!

– Ну, ты совсем оборзел! Вот чек об оплате, и накладная име- ется. А ваши бумажки можно посмотреть – до того, как идти в ми- лицию с заявлением о краже?

Иван Семенович физически ощутил брешь в обороне – бу- маг у него никаких не было здесь.

– Как вы, взрослый мужчина, могли взять чужое имущество?! Это кража. Элементарная кража – как минимум, полтора года в местах не столь отдаленных! – Олег Иванович наседа на соперни- ка, не давая ему опомниться. – А следы от вашей тележки – с места кражи и к вам на Березовую. Факты! Все факты против вас, уважа- емый! И я требую либо вернуть кирпичи и извиниться, либо я еду в районный отдел милиции и подаю заявление о краже.

– Да постойте, вы! Это мои кирпичи, вчера я их приобрел на базе «Стройсервис», оплатил доставку, и утром их привезли. Чеки, бумаги – все есть, но дома. Жена к вечеру все привезет.

– Если их утром доставили сюда, где накладная, подтверж- дающая их получение вами? – напирал Олег Иванович.

В ходе разгорающейся дискуссии Зябликов как бы незамет- но переместился и занял место между кирпичами и Майоровым,

чтобы в случае провокации со стороны последнего перекрыть тому доступ к кирпичам.

– Я требую вернуть кирпичи! – гремел командный голос Олега Ивановича.

– Он требует! Идите дома у жены требуйте, а здесь вот вам, получите! – показал кукиш из трех пальцев Иван Семенович.

– Это ты кому, воришка, фиги показываешь? – еще яростнее взревел Олег Иванович.

«Я ему сначала пну в нижнюю часть живота, а затем схвачу вот эту штaketину и огрею по спине», – план развития дальнейших событий промелькнул в голове Зябликова. Дискуссия явно приближалась к рукопашной.

– Эй, мужики, вы что, как два тетерева на весенней прогалине, бои тут устраиваете? – раздался вдруг чей-то молодой голос. У калитки стоял парень лет двадцати пяти, весь перепачканный машинным маслом.

– Это тринадцатый участок? Кто хозяин? – широко улыбаясь спросил он.

– Ну, я. Чего тебе? – откуда-то из-под Олега Ивановича раздался голос Ивана Семеновича.

– Мне – ничего, а тебе кирпичи прибыли!»

– Какие кирпичи? – будучи еще в пылу жаркой дискуссии, резко спросил Зябликов.

– У вас тут у всех весной с памятью напряг? Отравление весенним озоном? Кто вчера на базе «Стройсервис» купил кирпичи?

– Я... – теряя воинственный настрой, ответил Иван Семенович.

– Кто оплатил доставку?

– Я оплатил...

– Вот они и приехали по указанному адресу. Распишитесь в накладной и забирайте товар. Да пожалуйста, побыстрее, мне еще в два адреса нужно сегодня поспеть! – скороговоркой выпалил водитель.

– Почему так поздно? – едва осев, где-то в глубине Зябликова начала подниматься новая волна возмущения. – Чуть трагедия из-за вашей нерасторопности не произошла!

– Так дорога – она ж непредсказуема. Прокол, сначала разбортывался, затем забортывался – два часа и ушло. Грязный весь, как поросенок! – оправдывался парень.

Зябликов взглядом победителя посмотрел на Майорова, молча взял тележку и двинулся в сторону ворот. Кирпичи были новые, красные, красивые, глаз не отвести. Пересчитал – как в аптеке, быстро подписал накладные, погрузил тридцать штук на тележку и с заметным усилием покатил ее в сторону участка № 13. Майоров все это время молча следовал за ним.

– Вот бумаги, а вот и кирпичи! – уже у себя во дворе наконец заговорил Иван Семенович.

– А это – явно ворованные вами мои кирпичи! – начал было снова закипать Олег Иванович.

– Постой, не напирай! Я предлагаю, – уже в хорошем настроении, с улыбкой произнес хозяин участка, – новые и немного испачканные поделить пополам, каждому взять по пятнадцать – и на этом ударить по рукам!

– Я не против, – последовал ответ примирения.

Стали считать кирпичи. Дважды пересчитали – двух не хватает! Получается каждому по двадцать девять. Что за ерунда!

– Ты их случайно в ручье не утопил? – спросил Олег Иванович.

Зябликов отрицательно покачал головой и вдруг хлопнул себя ладонью по лбу.

– Ах ты, Сашко! Сукин сын! – вспомнив странную походку уходящего сторожа, Иван Семенович вмиг все понял.

– Пошли к сторожу. Что-то мне подсказывает, что он ноги кирпичам приделал!

...Сашко опять сидел за столом и гипнотизировал стакан с чаем, но теперь выглядел на сей раз гораздо лучше.

– Слушай, Сашко! Я не собираюсь читать тебе лекцию о том, что брать чужое нельзя, – начал было Иван Семенович и поперхнулся.

– Продолжайте, продолжайте, – негромко поддержал его Олег Иванович.

– Если ты сейчас не вернешь пару кирпичей, я переверну весь дом и найду их. На один положу твое мужское достоинство, а вторым прихлопну. И будешь ходить как посмешище среди деревенских баб, с тоненьким голоском!

Сашко, осторожно глянув в глаза двух стоящих перед ним мужчин, понял – надо отдавать, иначе точно прихлопнут.

– Там, в стайке, за дверью.

В стайке лежало штук пятьдесят хороших кирпичей и сверху – два знакомых. Недоумение, огромным вопросительным знаком нарисовавшееся на лицах мужиков, буквально кричало: «Зачем тебе?»

– Это для вас они кирпичи, а для меня – глиняные деньги! – заканючил, оправдываясь, Сашко. – Всегда на спирт в деревне, да и здесь на водку можно обменять!

Загрузив последний кирпич в свою старенькую тачку, Олег Иванович еще раз их пересчитал. Как в аптеке – тридцать. Пожал руку Ивану Семеновичу и сказал банальные слова:

– Приятно было познакомиться!

– Взаимно! Ежели чего, заходи по-соседски, всегда буду рад! – ответил Иван Семенович.

Натаскавшись за день кирпичей, Олег Иванович с заметным усилием поднял тачку и покатыл ее на Тенистую.

– Подожди! Я помогу, – догнал его Зябликов. На сей раз дорога показалась короткой. Уже сидя на веранде участка № 96, вспоминали беспокойный день, курили, пригубили с устатка, разошлись под утро крепкими друзьями.

Утром похолодало, пошел мелкий весенний снежок и засыпал все следы вчерашней борьбы за кирпичи. Эту жалкую попытку

зимы вернуть все вспять никто не принял всерьез, молотки стучали весело и споро, а пилы отвечали игриво, с легким флиртом.

Весна! Нет лучшего времени года в Сибири! ●

ТЕОРИЯ НЕВЕРОЯТНОСТЕЙ

Проснувшись в пятницу утром, Петрович первым делом выглянул в окно. Так и есть, синоптики не подвели: небо отливает ультрамарином, на горизонте ни облачка, солнце – как блин на сковороде. Одно слово – бабье лето!

Бабье лето! Значит – быть прекрасному солнечному дню, значит – быть встрече с друзьями, а это уже предполагает рыбалку! От одних мыслей о рыбалке под ложечкой сладко засосало, захотелось бежать в гараж, завести «Ниву» – и в тайгу, на быструю речку. Надо только день продержаться да ночь переспать, а поутру... (Петрович улыбнулся), а поутру – в тайгу с друзьями, снастями, и пусть рыбацкое счастье не отвернется от них.

Татьяна, вторая половинка Петровича, уже готовившая завтрак на кухне, увидев мужа, подчеркнуто смиренно промолвила:

– Доброе утро, дорогой! Ну что, ты все в окна поглядываешь? Судя по всему, на рыбалку потянуло? На бережку, чай, давно не сидели с бутылочкой? Оставить меня хочешь одну – такова судьба жены рыбака!

– Погодка-то, погодка разыгралась! Бабье лето ведь! Если не возражаешь, мы завтра с мужиками на рыбалку на Золотой Китат спозаранку... Давненько ушицы у костра не едал.

– Возражаю. Возражаю я! Но когда ты мои возражения слушал? Знаю вашу рыбалку – водки давно на берегу с мужиками не пил! Рыбу, небось, на обратном пути у деревенских купите, – съяз-

вила жена. – Езжай, езжай, я найду себе занятие. Когда вернетесь?
– деловито поинтересовалась.

– Завтра же вечером, поздно... Ты, пожалуйста, чего-нибудь собери в дорогу.

– Хорошо, соберу! А ты гарантируешь, что поздно вернетесь?
– нарочито строгим голосом спросила она.

– Гарантирую, гарантирую!

– Вот и отлично! Я уже решила, что буду делать. А Олег с тобой? Тогда мы с Люсей займемся... – и она перевела томно-загадочный взгляд на потолок.

Людмила или Люся, как ее звали ласково друзья, давнишняя подруга Татьяны и жена его друга Олега, была легка на подъем и с удовольствием поддерживала подругу во всех проделках, истинными виновниками которых были их мужья.

На заре совместной жизни Татьяна предпринимала несколько попыток отвадить мужа от рыбалки, но, будучи женщиной умной, вскоре поняла бесперспективность этой затеи. Лучше рыбалка, чем с мужиками в гаражах с водкой бороться, решила она и прекратила сопротивляться судьбе жены рыбака, а регулярное отсутствие супруга дома активно использовала для общения с подругами.

...Выходя из подъезда, Петрович заметил, как черный соседский кот перебежал ему дорогу. Первая мысль – обойти по другой стороне. Как и все рыбаки, он был чрезвычайно суеверным человеком, но в этот раз Петрович решительно пошел наперекор судьбе, не забыв, правда, трижды плюнуть через левое плечо.

По дороге Петрович с интересом наблюдал, как бабье лето вступает в свои права, хоть и ненадолго. Фантастическое время года! Только настоящие сибиряки, на чью долю каждый год выпадает пара месяцев изнуряющей жары, щедро приправленной несметными полчищами кровососущих, безжалостно грызущих, жалящих нежное человеческое тело козявок, понимают, какое это счастье, дарованное Богом, – бабье лето! Все расцветает неимоверно яркими

красками, осень – как и положено свободному художнику – творит свои шедевры, зовет на бережок или полянку охотников и рыболовов, где их ждут радостные, невероятные встречи и приключения, заставляющие переживать неповторимые минуты.

«Эх, рыбалка!» – всю дорогу до работы Петрович мысленно смаковал это волшебное слово. В предвкушении близкой вылазки на природу, он вновь и вновь рисовал в своем воображении знакомую картину: вот рыбаки, осторожно ступая и шепотом переговариваясь, идут вдоль берега, подыскивая подходящее клевое – в прямом и переносном смысле – место. Первый заброс, первый поклев, первый пескарь, первые сто грамм... – и эмоциональные разговоры на привале: «А у меня вот такая сорвалась!» «А у меня...»

Из кабинета первым делом набрал поочередно телефоны друзей – Юры и Олега:

– Так и будем сидеть на печи, ждать милости от природы? Застоялись в стойлах! Есть предложение: завтра – на воздух, на рыбалку, на перекаты Золотого Китата за сорожкой, пескарями и ершами! Старт в пять утра из гаража, обратно – по настроению, улову и удаче!

Предложение было поддержано с восторгом. Обговорив все тонкости подготовки: от толщины лески и размера крючков до «сколько на одного?», договорились встретиться в пять у гаражей. За рулем – Петрович на своей многократно проверенной «Ниве».

Рыбалка... Женщине не понять, что мужчину зовет и манит не сама рыбалка, а духовное воссоединение с природой-матушкой, заботливой кормилицей и требовательной тещей, никогда не раскрывающей и не афиширующей все благие (и не благие тоже) дела и помыслы рыбаков.

Дружили Петрович, Олег и Юрка давно. Будучи старшим по возрасту и рыболовному стажу, Петрович сумел привить друзьям любовь к своему неистовому увлечению. При всем том Олег и Юрий были абсолютно разными – и по характеру, и по отношению к жизни. Олег – юрист, неторопливый в словах и во взглядах, он любил

рыбалку не как рыбий промысел, а как возможность общения с друзьями у костра, хотя и случая забросить спиннинг никогда не упускал. Юрий выделялся в их компании тем, что рыбалку как процесс «ужения» не понимал и не воспринимал. Выезжая в компании друзей на природу, он редко доставал снасти, зато своим делом считал обустройство стоянки, создание минимальных удобств промысловикам и самое главное – готовку горячего обеда. У него всегда на костре томилось в котле что-то такое аппетитное, душистое, вкусное, называемое одним словом «хлёбово», чей волшебный запах собирал рыбаков к столу быстрее, чем иная сирена – команду пожарных. Но однажды из-за своего такого отношения к рыбной ловле Юрий попал в неприятную ситуацию. Теща, зная, что он регулярно выезжает порыбачить, на день рождения подарила ему дорожный набор цветных воблеров. Горячо поблагодарив, он долго рассматривал незнакомые вещицы, а потом осторожно спросил:

– Мама, а что это за червячки? – Связать яркие безделушки с рыбалкой он даже и не подумал!

Реакция змеюки-тещи и жены, ее дочери, была мощной и однозначной! Заглаживать последствия глупого вопроса пришлось несколько месяцев.

...В назначенное время «Нива» с рыболовами-любителями выехала из ворот гаражного кооператива и взяла курс на север. В машине царило радостное оживление мужчин, вырвавшихся на лоно природы, день обещал быть чудесным. Удачной ли будет рыбалка – это второй вопрос, главное – они на целый день вырвались из цепких семейных уз!

Не проехали и пятидесяти метров, как Юрий вспомнил, что оставил у гаража треногу для котелка, а без нее хлёбово – под вопросом.

– Петрович, притормози, я мигом, – спохватился он.

– Беги, только на обратном пути не забудь взглянуть на себя в зеркало, а то хлёбово подгорит, – со смехом напутствовал Олег. – Так вот, – продолжил он начатый ранее разговор с Петровичем, – я

пацаном был, мы прутик брали, полтора метра лески, пробку, крючок и дробинку для грузила – снасть готова! А сейчас? И леска на любой вкус, и крючки – хоть отечественные, хоть импортные любых размеров и форм, удилище из углепластика, спиннинги всех сортов, катушки инерционные и безынерционные, а пескарь каким был пескарем, таким и остался. Не выловили всех, хотя рыбаков – пруд пруди. А что это значит? Это значит – природа сама регулирует, чего, где и сколько, а жалкий гомо сапиенс – лишь один из объектов регулировки.

– Тут как посмотреть, – рассудительно заметил Петрович, – я тоже был, видишь ли, маленьким...

– Не спорю, – парировал Олег, словно банальная истина, изреченная другом, в чем-то противоречила его глубокомысленным размышлениям.

– Мы жили тогда в деревне, – продолжил Петрович. – В долгие зимние вечера собирались в общей комнате за большим столом, покрытым клеенкой, бабушка насыпала на стол жареных семечек, и мы всей семьей слушали радиоточку. Один канал, проводная воздушка... Все подряд слушали: сказки, постановки, концерты, спектакли. И были рады! А если ты в школе наломал дров, то будь добр, дорогой, – в другую комнату и занимайся уроками. Сейчас все то же самое. Стол, семечки или вместо них попкорн, семья, но каждый занят своим: либо слушает аудиокнигу, либо смотрит в свой гаджет. Ты представляешь, как шагнула цивилизация за эти пятьдесят лет? А что будет еще через пятьдесят? Представить трудно! А человечество продолжает все обустраивать под себя, и конца этому переделу природы не видно...

– Ну, вот и я, – запыхавшись от бега, Юрий сел в машину и скомандовал: – Теперь – вперед!

– В зеркало-то глянул?

– А то! Все чин-чинарем, как положено!

– Смотри, ежели чего, за базар ответишь, – засмеялись друзья, и машина устремилась навстречу хорошему дню!

* * *

У старшего инспектора дорожно-постовой службы капитана Ильина вторую неделю дома шла тайная война. Жена вынуждала купить ей прекрасные – по ее мнению – демисезонные итальянские сапоги, отложенные в бутике на пару дней, а у него был жесткий кассовый разрыв с наличными. На дежурство их с напарником ставят на такие участки, где «сена накосить для нашей коровки» невозможно. Хоть через голову перепрыгни – нет клиента! Такое ощущение, что водилы-дальнобойщики специально объезжают места их дислокации.

Вот и сегодня с утра жена вновь затеяла разговор о сапогах, испортив и без того отвратительное настроение капитана. С явно выраженной ехидной ухмылкой спросила:

– Капитан, сегодня-то возможность будет съездить за сапогами или как?

– Ты же знаешь, не от меня это зависит, черт побери! После развода скажу. Я помню, помню про твои сапоги! – в сердцах ответил он жене и подумал, закрывая за собой входную дверь: «Какое счастье, что у женщин только две ноги!»

* * *

Деревня Морковкино раскинулась в трех километрах от трассы на склонах быстрой речушки у самой кромки сибирской тайги, богатой всеми мыслимыми и немыслимыми дарами природы. Еще через пять километров сплошного бездорожья – и взору смельчаков открывался изумительный вид на Золотой Китат, по берегам которого в давние времена проживали суровые сибиряки-старатели, мывшие золотишко при любой власти. Золото – оно и при царе Горохе было золотом!

В центре деревни на возвышении стоял крепкий дом Щегловых. Даже мимолетного взгляда на него было достаточно, чтобы

понять: хозяин – достойный продолжатель дела своих предков, дело знает, деревенской работы не гнушается, умеет и выпить с устатку, но – в меру, и отдохнуть под печальные напевы деревенского гармониста. И впрямь, Иван Иванович – хозяин дома – всю жизнь прожил в Морковкино. Здесь женился, воспитал троих сыновей. Двое старших уехали в город, а младший жил с родителями.

Вставал Иваныч с зорькой. Работы в своем доме всегда хоть отбавляй, поэтому день в деревне длинный, не как в городе. Вот и в эту субботу, поднявшись в пять утра, уже переделал кучу дел. Сегодня нужно поспешать – куму, живущему через дорогу, шестьдесят. На неделе они в паре с Иваном сколотили во дворе длинный стол, скамейки, разлили самогон по бутылкам. Кум, ожидавший на свой юбилей гостей из города, попросил Ивана истопить для приезжих баньку, сам он никак не успевал. Помятуя его просьбу, Иван первым делом с утра наладил баню, затем навел порядок во дворе, под березой, что росла у бани, расставил летний набор пластмассовой мебели: стол, четыре стула, цветной зонт. Как в кино у городских! Вся эта красота была куплена в городе сыновьями и подарена ему на 50-летие с пожеланием, чтобы они с матерью здесь почаще отдыхали. Но исполнить пожелание все как-то не получалось. Первый и последний раз они сидели в этих креслах под березкой на следующий день после юбилея. И вот, наконец, случился новый повод. Полюбовавшись на созданное им место отдыха (как сейчас модно называть – релаксации, Иван с трудом вспомнил это слово), он прошел в гараж. Там в полумраке стояла его гордость и любовь – «Жигули» шестой модели, в обиходе – шестерка. Купив машину почти семь лет назад, он за эти годы наездил всего лишь полторы тысячи километров. Берег ее, голубушку, чистил, мыл, ухаживал, выезжал только в сухую погоду.

– Сотворил себе идола, – ворчала жена, получив в очередной раз отказ отвезти ее в город к внукам. – На кой черт она нужна, если все время стоит в гараже? За мной бы так ухаживал, как за ней!

Петрович критику пропускал мимо ушей – что женщина в этом понимает? Он так долго мечтал об этой шестерке, а тут – как грязь, так обязательно куда-то надо ехать. Ножками, ножками – и здоровьем полезно, и машина целая...

Готовясь к юбилею кума, накануне за завтраком Иван сказал жене:

– Наверное, курочку ошпи да бульон приготовь на воскресенье наутро. От кума-то просто так не уйдешь, он мастак влить в каждого столько самогона, что с утра голова чужая. И бульон с утра будет в самый раз! Только не из магазинной, свою ошпи. И Петьке скажу, чтобы пока погода отличная, съездил на перекаты, наловил ершов для ущицы, тоже лишним не будет.

Немногословная супруга Зоя Александровна в знак согласия молча кивнула головой, а про себя подумала: «Ага, вливает! Черт вам рыжий ее вливает! Будто руки у вас связанные, а ее все кто-то льет и льет. Сами рот открываете, сами и глотаете. А потом – бульончик, ущица... Пить надо меньше!»

* * *

Вот и поворот на Морковкино. «Нива», легко преодолев почти восемьдесят километров, повернула с трассы направо.

– Разомнемся у нашего кедра минут через сорок? – предложил Петрович, сбавляя скорость, – дотерпят мочевые пузырьки?

– Ес, оф кос! – ответил Юрий, а Олег лишь кивнул в знак согласия.

Деревня уже проснулась и двигалась навстречу восходящему дню. Проезжая мимо дома Щегловых, Петрович притормозил, завидев во дворе хозяина.

– Иван Иваныч, наше почтение! Крепкого здоровья и долгих лет! Рад тебя видеть в добром здравии.

– Какие люди! – всплеснул тот в ответ руками. – Петрович, какими судьбами в нашу глухомань? Дай догадаюсь – рыбки захотелось? Проходите во двор.

– Нет, проходить не будем, торопимся на перекаты! Давненько не брали в руки снасти. Да и погода сегодня изумительная! Может, на обратном пути забежим.

– Про обратный путь не знаю... – с сомнением покачал головой Иван. – У кума сегодня день рождения – шестьдесят стукнуло. Да вы же знакомы! Дом напротив – заходите, будет рад.

– Посмотрим, не загадучи! – улыбнулся Петрович, и «Нива», урча мотором, двинулась в сторону темнеющей поодаль тайги.

Проводив машину взглядом, Иван позвал младшего Петруху.

– Ты давай с женой собирайся, езжайте на перекаты, рыбки привезите. Мать завтра ушицы сварит с утра да бульончик из потрошков – глядишь, к обеду и в норму придем.

– Что значит – «езжай»? На чем? Моя лохматина стоит, на ней только в магазин за хлебом, а ты свою не даешь, – парировал сын.

– А кто её до такого состояния довел, что только в магазин и можно ездить, да еще до нужника? Я, что ли? За машиной, как за женой, нужно ухаживать, даже лучше! Я в твои годы и о такой лохматине не мечтал! Заелись! Все новенькое подавай! – с чувством отчитывал сына Иван.

– Ты чего завелся? Правильно сын говорит. Свою-то, небось, жалко! – вмешалась в разговор жена.

– Ох ты, курица, раскудахталась! Иди за плитой смотри, а тут мы как-нибудь разберемся. – И уже Петру: – Ладно, езжай на моей, но смотри, ежели чего – башкой ответишь!

– Батя, спасибо, через час будем готовы! – И побежал в дом собираться.

* * *

В большом зале управления госавтоинспекции завершился развод. Ориентировки озвучены, оперативная информация об угонах и разыскиваемых лицах доведена до сведения личного состава, справка дорожной службы о состоянии автомобильных дорог

зачитана. Экипажам дана команда «По постам!», и сотрудники начали расходиться.

Капитан Ильин вышел с развода в скверном настроении. Место, определенное его экипажу, не позволяло надеяться, что сегодня вопрос с сапогами будет решен. Трасса на Яшкино! На ней и в рабочие-то дни ловить нечего, а в субботу – тем более. Он набрал номер телефона жены:

– Развод окончен, выезжаю на дежурство. Вроде бы все нормально, – малодушно соврал жене, чтобы хоть какое-то время не донимала звонками. – Часа через три перезвоню. – И отключил телефон.

* * *

В это время Татьяна, жена Петровича, уже проснулась, приняла душ и теперь смотрела на кухне свой любимый сериал, наслаждаясь свежеприготовленным кофе и ожидая прихода подруги, чтобы вместе начать колдовать над ранеточным компотом.

* * *

«Нива» выскочила из тайги на взгорок, с которого открывался прекрасный вид на Золотой Китат. Дорога была неважная из-за прошедших на неделе дождей, машину постоянно заносило на скользкой поверхности, она шла юзом и норовила уйти из-под контроля водителя:

– Красота! Сколько раз здесь был, а налюбоваться этой картинкой не могу. Каждый раз завораживает! Ну что, здесь, у нашего кедрача, и позавтракаем, не будем нарушать установленные традиции, – сказал Петрович, подъезжая к еще относительно молодому кедру, росшему одиноко на косогоре, чуть вдали от основного бора.

Выйдя из машины, несколько минут разминали затекшие ноги и спины, заодно наслаждаясь сдержанной сибирской красотой и вдыхая всей грудью таежный осенний воздух.

Запрокинув голову вверх, Олег удивленно заметил:

– Мужики, смотрите – наш кедрёнок повзрослел наконец! Шишек-то, шишек нам нем сколько! Есть предложение заняться сбором! – потирая довольно руки, он не отводил взгляда от вершины кедрача.

На самом деле, они ждали этого момента много лет. Приезжая, всегда останавливались у молодого кедра, но шишки на нем появились впервые.

Петрович подошел к дереву, пощупал ствол:

– Кора сырая, с такой сорваться – дважды два! Ладно, подушем. Только сначала – завтрак.

На капот выставили нехитрую снедь: хлеб, сало, яйцо, огурчики солененькие, бутылку водки. Пока Петрович резал закуску, Юра отошел по малой нужде чуть в сторону.

– Да здесь чудеса творятся, здесь леший ходит и грибы разводит! – послышался оттуда его голос. Вернувшись к машине, он показал пригоршню молоденьких, свеженьких опят. – За кустами пара пней усыпана ими! Грех оставлять такое богатство, – Юрий вопросительно посмотрел на друзей.

– Значит так, – оценив обстановку, Петрович взял инициативу в свои руки, – вы вдвоем после перекуса пойдете по грибы, а я вот из этого упавшего дерева, – он показал на лежавшую поодаль сосну, – сделаю таран. На вид он еще ничего, согдится. Мы им по стволу кедра будем наносить удары, шишки попадают, нам останется только собрать их.

Сказано – сделано. Выпив водочки, плотно перекусили на свежем воздухе и принялись за дело. Спустя полчаса интенсивной работы топором и ножовкой таран был готов. Чтобы проверить его на вес, Петрович поднял бревно с одного края. «Ух ты, тяжело! Ну да ладно, вдвоем управимся – тут всего-то пару метров пронести надо. Чем тяжелее таран, тем сильнее энергия удара – физика! Будем создавать шишковый дождь», – он даже улыбнулся своим мыслям, так понравилось ему внезапно родившееся в мозгу выражение.

Вернулись грибники. Набранные опята были восхитительны!

«Ну вот, все складывается очень удачно», – подумал Петрович, почему-то вспомнив вчерашнюю встречу с черным котом.

Оставив грибы у машины, подошли к тарану. Петрович, обдумавший уже план действий, скомандовал:

– Так, встаем в затылок друг другу: я – первый, Олег – второй, Юрась – ты завершаешь. Обхватываем таран: правая рука сверху, левая – снизу. Поднимаем. Тяжело, не спору, но здесь перышком ничего не сделать. И по моей команде с левой ноги начинаем движение. Ударяем по стволу, принимаем отдачу на руки и, не опуская бревно, ударяем повторно.

Где-то за поворотом послышался шум работающего двигателя, кто-то еще ехал за рыбкой.

– Начнем, а то желающие все прибывают и прибывают! – они втроем встали у бревна, по команде наклонились, приподняли. Даже для троих здоровых мужиков вес его оказался не маленький. Покряхтели, настраиваясь и прилаживаясь, и по команде Петровича с левой ноги начали движение по направлению к кедру, целясь бревном точно в ствол. Но в самый последний момент нога Петровича скользнула на мокрой траве, его потянуло влево, таран прошел совсем рядом со стволом, не задев его, и... продолжил движение в заданном направлении – теперь уже явно вышедший из-под контроля – вниз по кособоку, увлекая за собой людей. Бросить – нельзя, попадешь под это бревно сам, руки-ноги переломает, остановиться – не позволяет инерция. И тут Петрович, бегущий первым, вдруг видит, как наперерез им из-за куста выезжает «жигуль».

– Отъезжай, мать твою, отъезжай! Не видишь – мы тут! – кричал что было сил Петрович, продолжая бежать с тараном наперевес, явно целясь в легковушку.

«Только не в «жигуль»! Только не в «жигуль»! А куда дальше-то? Там откос покруче будет, с десятков метров!» – задыхаясь от бега с препятствиями, лихорадочно пытался еще соображать Петрович.

«Нанесение ущерба чужому имуществу...», – пронеслось в голове Олега.

«В зеркало нужно было смотреть, в зеркало», – вспомнил вдруг Юрий про оставленную было у гаража треногу.

...Мягко пройдя поворот и вырулив на просторный взгорок, Петруха – а это был он на батяниной машине – от неожиданности опешил. Из-за кустов прямо на него бежали три крепких мужика с увесистым бревном, держа его наподобие тарана, и намерения у них были не шуточными. Они что-то орали, при этом, как ему казалось, норовили попасть бревном в машину. Он только успел крикнуть жене, сидевшей на заднем сидении: «Берегись!», сам же молниеносным прыжком катапультировался через переднюю дверь и упал на землю лицом вниз.

В этот раз Петрович не промахнулся... Таран попал точно в цель – в стекло правой передней дверки! Пробив ее, вышел с противоположной стороны машины через открытую Петрухой перед прыжком дверь. Сопровождавших таран мужиков та же сила инерции (великая наука – физика!) прижала одного за другим к правой стойке. Первым влип Петрович, вторым – Олег, замыкающим – Юрий. Машина юзом проехала еще метра два и заглохла.

Наступила полная тишина! Было слышно только, как внизу журчит ручей, торопясь на встречу с Золотым Китатом. Отдышавшись, каждый старался осознать масштаб произошедшей катастрофы.

* * *

А в это время жена Петровича Татьяна поставила на плиту кипятиться воду для сиропа. И вдвоем с подругой Люсей они приступили к чистке ранеток, из которых планировали приготовить компот на зиму. По телевизору транслировали уже другой сериал.

* * *

Первым пришел в себя Петруха.

– Мужики! Что это было? А? – спросил он, показывая на торчащий из машины таран. – Твою мать! Я не понял, что это было! Кто-нибудь может объяснить, откуда здесь этот хрен моржовый? Зачем вы машину на таран, а? А бате, бате что я скажу?! – только тут до него стало доходить, что машина отца, которую ему дали с таким трудом, стоит посреди тайги, в пяти километрах от деревни, и из салона у нее торчит ствол сосны. Жена его молча сидела на заднем сидении и все еще как заколдованная разглядывала находящийся в полуметре от ее носа ствол дерева.

– Петя, это что такое? – выдавила она из себя наконец и попыталась выйти из машины. – Зачем ты это сделал? А как мы ее теперь домой? С тобой все в порядке? – увидев мужа, сидевшего на земле, спросила она.

Петрович ходил вокруг машины, и в голове его Эдита Пьеха бодренько напевала «Жил да был черный кот за углом...». Олег стоял чуть в стороне и мучительно пытался разобраться в юридической коллизии: это форс-мажор или данный случай к обстоятельствам непреодолимой силы не имеет отношения? Юрий же сосредоточенно думал о том, что все-таки зря не посмотрел в зеркало в гараже, что грибы можно было и не собирать – тогда бы они разъехались на этой таежной дороге без проблем, и что кедровый орех в городе на базаре продают не так уж и дорого...

Через полчаса все немного остыли, выговорились. Один Петруха находился в явно отрешенном состоянии, предвидя объяснение с отцом. Надо было выбираться. Сорожка, пескари, ерши могли и дальше беззаботно наслаждаться речной жизнью.

«Шестерка» не завелась, ее взяла на буксир «Нива», и они медленной и печальной процессией тронулись в обратный путь.

* * *

А в это время Татьяна и Люся продолжали чистить ранетки, перемывая косточки рыбакам и наблюдая за развитием сюжета сериала.

* * *

Ближе к полудню Иван решил ополоснуться в баньке, а затем уж одеться в парадное и – на юбилей. Баня встретила приятным жаром, ароматом березовых веников и луговых трав, пучками развешанных вдоль стен. Он не спеша поднялся на полкок, лег и с наслаждением ощутил, как тепло еще сухой баньки разбегается по телу... Задремал даже...

«Послышалось, что ли? Что за шум во дворе?» – Выглянул из предбанника в окно.

«Боже ты мой!» – только и смог сказать. Во двор закатывали его шестерку. Набросив на голое тело лишь нательную рубашу, в калошах, но без труселей (не до них было!), он выскочил на улицу. Сомнения развеялись – это была его «ласточка». Как подкошенный, он с размаху опустился на пластмассовое кресло, стоящее рядом с баней под березой.

– Петруха, зараза! Что случилось? Это кто ее так?.. – сдавленным голосом произнес Иван Иванович.

Он попытался встать с кресла, подойти к своей ласточке, но что-то его не пускало, было такое ощущение, что за мошонку снизу держат. Еще одна попытка, еще... Пауза затягивалась. Становилось больно и стыдно стоять перед мужиками вот так... Не зная, как правильно поступить, он позвал сына:

– Петька, посмотри, что у меня там.

Заглянув под днище пластмассового кресла, тот всплеснул руками:

– Батя, яички в отверстии застряли! Как ты так? Погоди, щас попробую чего-нибудь...

У Петра ничего не получилось. Позвали Петровича. Оценив величину отверстий в сиденье и положение застрявших в одном из

них гениталий, Петрович пришел к заключению – отверстие надобно расширить. Иначе – не избежать нанесения мелкого, но очень болезненного телесного повреждения. Но как? Потребовался консилиум. Мужики обступили Ивана, стоявшего на четвереньках, и Петра, державшего на весу кресло...

– Вы там того, руками не очень-то трогайте, лучше перчатки наденьте! Да, аккуратнее, аккуратнее! Не у кабана же трогаете! Петька, набрось на спину что-нибудь, чтоб задницу прикрыть, а то уже полдеревни собралось, – даже в этой щекотливой ситуации Иваныч пытался руководить процессом.

Кто-то предложил:

– Может, в баню? Пластмасса нагреется и ее можно отогнуть.

– Нее, пока она разогреется до нужной температуры, у него уже жареная яичница будет.

– А если распилить кресло болгаркой пополам?

– Тут тонкая работа нужна, а болгарка – она по железу. Можно и отхватить чего-нибудь...

– Вы там аккуратнее, аккуратнее, – не унимался Иван Иванович.

К нему попыталась подойти жена:

– Ванечка! Может, чего подать попить-поесть?

– Уходи, уходи давай! Не бабское это дело, тут хватает народу, разберутся! – строго сказал Иван, продолжая стоять в позе «зю».

Мужчины думали...

– Прямо как с лампочкой, – высказал пришедшую на ум ассоциацию Олег, – туда зашли, а обратно – никак! Может, просто кресло поворачать, они и выкрутятся?

– Скорее уж – открутятся... А он еще мужик-то хоть куда!

– Эй, чего там удумали? Без моего согласия ничего не делайте! – продолжал контролировать ситуацию пострадавший.

В этот момент затянувшийся мозговой шторм прервал чей-то громкий возглас с улицы: «Держи ее! Держи!» Обернувшись на крик, члены консилиума увидели «Ниву», самопроизвольно

движущуюся вниз по склону в сторону речушки. Вероятно, Петрович забыл поставить ее на ручник.

«Да что же их все тянет к реке?» – подумал Петрович и бросился за ней. И уже почти настиг, на ходу открывая дверцу, но нога опять угодила во что-то скользкое, он споткнулся, наклонясь вперед, пробежал несколько шагов и упал. А «Нива», продолжая несанкционированное движение вниз – в силу закона всемирного тяготения – с разгона уткнулась бампером в столб линии электропередачи и замерла.

Петрович медленно поднялся. Эдита Пьеха, прочно засевшая сегодня в его голове, продолжала напевать песню про кота.

Народ стоял в растерянности, не зная, куда вперед идти и что смотреть. Не каждый день в деревне так много интересных событий!

* * *

А в это время Татьяна с Людмилой приступили к разливу горячего сиропа по трехлитровым банкам. Ошпаренные ранетки источали восхитительный яблочный аромат. Сюжет сериала развивался по сценарию.

* * *

Убедившись, что теперь «Нива» припаркована к столбу более чем надежно, Петрович вновь вернулся к проблеме Ивана, которого к тому времени успели на руках перенести в предбанник – и теплее, и народу меньше глазееет на этот конфуз.

Наконец, консилиум принял решение – отверстие нужно расширить. Петр принес из гаража инструмент и работа закипела. Не прошло и получаса, как с помощью кусачек, плоскогубцев, пилок и какой-то матери ровное небольшое отверстие превратилось в большую лохматую дырку и Иван Иванович вновь обрел свободу передви-

жения без кресла, а вместе с этим – и возможность надеть штаны.

Одевшись, он подошел к «шестерке». По щеке катилась скупая мужская слеза...

– Сына не вини, не он виноват. По большому счету, я виноват. Если бы не твой «жигуль», неизвестно, где бы мы еще остановились. И как. А с ремонтом – помогу, за мной должок будет числиться! Да не расстраивайся так, Иваныч! Все живы-здоровы, а остальное – железо! – пытался изложить свой взгляд на ситуацию Петрович. Поняв, что Иван пока не способен согласиться с ним, добавил: – Пора и нам подумать о возвращении.

Позвал друзей и направился к уткнувшейся в столб «Ниве». К его удивлению, машина завелась с полоборота, он включил заднюю передачу, поддал газу, и она послушно покатила в обратном направлении, вверх по склону.

* * *

Капитан Ильин с напарником четвертый час подряд дежурили на трассе. Результат – нулевой! В такой прекрасный солнечный день желающих путешествовать на машинах было мало, а те, кто все же оседлал своего железного мустанга, были абсолютно законопослушны. Мечта жены о новых демисезонных сапогах уплывала куда-то в призрачную даль.

В очередной раз где-то вдали заурчал мотор. Вскоре показалась «Нива» – вся в грязи, передний бампер выгнут в обратную сторону, сразу видно – машина после дорожного инцидента. За рулем мужчина, выглядевший под стать машине.

«Ну, хоть пар выпущу», – подумал Ильин и взмахнул жезлом. Машина проехала метров тридцать и остановилась. Никто не выходил.

«Сейчас я вам устрою пикничок. Остановился, сволочь, черт знает где! Иди теперь к нему...»

Петрович – а это был он – посмотрел в зеркало заднего вида и улыбнулся:

– Да, день сегодня не задался...

Он подождал, пока капитан подойдет, медленно опустил стекло, выслушал представившегося инспектора и спросил:

– Сколько?

– Что – сколько, – сделал вид, что не понял вопроса, капитан.

– Сколько я должен, чтобы ехать дальше?

– Две тысячи, – не моргнув глазом, выпалил инспектор.

Петрович вынул портмоне, отсчитал две тысячи и протянул капитану. Тот, не задумываясь, взял деньги:

– Проезжайте!

Минут пять после этого друзья сидели молча. Первым заговорил Олег:

– Я не понял – почему ты так поступил? Объяснишь?

– А что тут объяснять? Просто решил оказать материальную помощь человеку, у которого в такой прекрасный день такое безобразное настроение. Наверное, жена с утра завела! Кто-то же ему должен помочь. Бабье же лето на дворе! – засмеялся Петрович.

* * *

На подъезде к городу настроение у друзей заметно улучшилось. Вспоминали события дня, которые теоретически произойти в одном месте в один день просто не могли.

Петрович на правах старшего заметил, что сопротивление судьбе – есть главная причина стрессов, а если вам кажется, что судьба обращается с вами грубо и немилосердно, это вовсе не значит, что вам желают зла – вы просто заняли для нее неудобную позицию...

А жена Петровича, завершив хлопоты с компотом, после третьей рюмочки коньяка делилась с Люсей своими мыслями о том, что занимаясь любимым делом, можно даже пережить и апокалипсис, а не только пристрастие мужа к какой-то там рыбалке... Готовые банки с компотом стояли в прихожей у двери.

Петрович, поставив машину в гараж и распрощавшись с друзьями, подходил к своему дому. Кот – опять черный – перешел ему дорогу. Петрович остановился. О чем он подумал (и думал ли вообще) в этот момент, автору неизвестно. Постояв пару минут, он круто повернулся и перешел на другую сторону.

Подойдя к квартире, открыл дверь ключом и, потянувшись к выключателю, в третий раз за день... подскользнулся. Падая, краем глаза увидел стоящие на полу банки и непроизвольно (как ему показалось – каким-то чудом) ухватился правой рукой за вешалку, а левой – за выступающий косяк. И... замер в очень сложной позе.

«Бог троицу любит! – выдохнув, сказал он сам себе и, возвращаясь в вертикальную позицию, добавил: – В этот раз я не сопротивлялся!» ●

БОРОДА

Итак, жребий брошен, Рубикон перейден. Начинаю отращать бороду! Странно, почему-то именно летом возникло такое желание. Ранее несколько попыток приступить к реализации проекта «Борода» были мною с треском провалены либо по объективным причинам, либо просто из-за отсутствия желания довести начатое до логического завершения.

Неделя 1.

27 июля – 2 августа

Мужчина, желающий отпустить бороду, первые семь дней выглядит просто небритым. «Ой, ужас! Ну, ты и зарос. Ты же состарился

сразу!» – Это самые милые высказывания, которые я услышал в свой адрес спустя три дня после последнего бритья. Дискутировать по этому вопросу не хотелось. В ответ на комментарии, в которых я совсем не нуждался, – только улыбка да ощущение какой-то переполняющей меня странной энергии превосходства над не понимающими суть вопроса родственниками и друзьями.

В первые дни капитальный энергетический заряд от осознания собственной решительности вкупе с высокими эмоциональными всплесками, вызванными реакцией со стороны, регулярно повышали уровень адреналина. Главное было – согласовать вопрос с женой. Но здесь все решилось быстро и однозначно. Ответ «Терпеть не могу ни усы, ни бороду!» – еще один штрих в бесконечных различиях семейной жизни. Стало ясно – компромисса не будет.

Интуитивно предполагаю, что мужчина, принявший решение о бороде, мягко говоря, имеет определенные семейные проблемы. Поэтому борода, как внешний половой признак или тюнинг для мужчины, в данном случае используется в качестве хвоста павлина для получения дополнительных женских предпочтений. Борода – это особый образ жизни на отдельном ее этапе, признак нарушенного душевного равновесия мужской особи.

Неделя 2.

3–9 августа

Ощущение, что борода растет очень медленно, не покидало меня всю неделю. Каждая волосинка как будто жила своей собственной жизнью, за один и тот же срок одна выросла больше, другая – меньше, да еще и торчат все в разные стороны. А результат – полный хаос и разноречивость в системе. Сама бородушка колется и чешется. В общем, вторая неделя удовлетворения от растущей бороды не

принесла. Даже подспудно нет-нет, да и посещала мысль: «А не сбрить ли все то, чторосло?» Остановило только то, что, решив отрастить бороду, дал себе слово – вопрос о ее удалении принять на пятой неделе, не раньше. Слово нужно держать, особенно – перед собой, а то уважение потеряется.

Растительность на лице имеет многовековую историю. Произведения литературы и искусства донесли до нас множество разнообразных и интересных фактов, связанных с этим атрибутом мужской красоты: бороды и усы то становились предметом моды, то исчезали. В некоторых странах в разные времена бороды периодически попадали под строжайший запрет, потом вновь разрешались и даже поощрялись. Не берусь утверждать с точки зрения статистики, но из личных наблюдений уверен, что художники чаще писали портреты мужчин, у которых имелаась борода.

Ну а если копнуть еще глубже в старину, когда миром правила не мода, а практичность, наличие растительности на мужском лице было обусловлено целым рядом вполне понятных причин:

- с волосами теплее;*
- богатый волосяной покров на лице являлся устрашающим фактором в мужских конфликтах;*
- волосы являлись защитой кожи от порезов, царапин или способствовали смягчению ударов.*

Неделя 3.

10–16 августа

Третья неделя ознаменовалась тем, что как-то сразу, буквально в один прекрасный день, отросшая бородка перестала приносить

дискомфорт. Она больше не раздражала кожу, не дыбилась в разные стороны, не кололась. И даже внучка, осторожно потрогав бороду при очередной встрече с дедом, сказала: «Она стала мягкой, не колется». Это была первая маленькая победа.

Гуляя по улице, стал замечать – если раньше я интуитивно высматривал в толпе знакомые или просто красивые лица, то теперь глаза ищут бороды, бородки, усы, усищи, подкидывая мозгу пищу для глубокомысленного анализа: как они выглядят, насколько ухожены, что чувствует носящий их мужчина, и, главное – как с их помощью он подает сигнал окружению о своем социальном статусе.

Растительность на лице мужчины существовала всегда, так распорядилась природа. Смею утверждать, что и проблемы, с этим связанные, тоже стары, как мир. У кого-то борода не росла, а мода обязывала ее носить. Кто-то переживал из-за того, что шикарную бороду надо сбрить, следуя требованиям закона. Сегодня мужчина, как правило, выбирает сам, как ему выглядеть, и этим продолжает «бородатую историю».

В Египте изначально иметь небритое лицо запрещалось абсолютно всем, растительность на лице дозволялось иметь только фараонам, что подчеркивало их высокий статус. Борода правителя была искусственной, делали ее из срезанных волос или из шерсти, переплетенных золотыми нитями. Форма чаще напоминала кошачий хвост – волоски заплетали в косичку, загибая ее кончик.

А в Месопотамии активно пользовались специальным маслом для волос на лице, что позволяло не только ухаживать за ними, но и укладывать бороды в различные интересные формы.

В Римской империи небритый человек считался «диким», а бритое лицо и короткая стрижка расценивались как признаки цивилизации.

В середине XIX века волосы на лице стали символом красоты и ухоженности. Мужчины начали не только придавать форму растительности, но и ухаживать за ней при помощи различных специальных средств. Кстати, по мнению специалистов, первым подручным предметом для ухаживания за бородой стала обыкновенная ракушка – зажав между ее створками волосок, резким движением руки его удаляли.

Неделя 4. 17–23 августа

Моя борода становится все пышнее, я бы даже сказал – интереснее, а завистников, скептиков – все больше. Посыпались бесплатные советы о длине, форме, о способах ухода. Каждый хотел приобщиться, чтобы потом сказать: «Моя школа, я рекомендовал». Мы с бородой относимся к этим советам спокойно: не может научиться плавать тот, кто сам не умеет этого делать.

Борода в России тоже имеет свою историю. Изначально церковь буквально обязывала всех мужчин носить бороды. Но вернувшийся из заграничной командировки Петр Первый, пытаясь внедрить европейскую культуру в России, издает указ, запрещающий ношение бороды. Сейчас этот указ считается самым абсурдным за все время правления Петра.

Отменила указ в XVIII веке Екатерина II, но с условием: военные, придворные и служащие должны тщательным образом выбривать растительность на лице.

Неделя 5.

24–30 августа

Странно – кто решил, что борода экономит время, отведенное для бритья? К сожалению, это не так. Уход за бородой требует и времени, и дополнительных затрат. Умываешься – бороду мой с шампунем, чтобы была мягкая и пушистая; поел или что-то выпил – вытирай, промывай бороду. После каждой помывки бороду нужно расчесать и уложить. Так что на бороде ни время, ни деньги не сэкономить.

Пятая неделя – точка невозврата. Если помните, принятие решения о том, быть бороде или нет, я отложил на пятую неделю. Решение принято – быть! Растем дальше...

Несколько интересных фактов о бороде:

- Александр Македонский запрещал ношение растительности на лице своим воинам, т. к. за нее мог ухватиться враг и воин был бы повержен;
- в Средние века прикосновение к чужой бороде могло послужить поводом для дуэли;
- самая длинная борода была зафиксирована в 1927 году – более 5 метров;
- мужчина, который бреется каждый день и тратит на это в среднем около восьми минут, вычеркивает из своей жизни примерно 3 месяца.

Неделя 6.

31 августа – 6 сентября

Все когда-то бывает в первый раз. И вот я в первый раз пришел в мужской салон Chop-Chop. Кресло привели в горизонтальное положение, и мастер начал колдовать над моей бородой. Движения ловкие и осторожные. Жужжат машинки, снуют ножнички

любого размера и еще масса подручных предметов, назначение которых мне неизвестно. Через час я вышел другим человеком. Результат посещения салона – бороду не узнать. Все уложено красиво и аккуратно. А главное, начинаю понимать, почему женщины так любят SPA-салоны: тихая музыка, мягкий свет, ловкие движения рук... – чувствуешь себя, как в полусне. Теперь знаю – в мужском салоне так же уютно и комфортно. В итоге – красивая борода и хорошее настроение.

В советское время борода и усы тоже успели обрести своей историей. В годы войны особенно было опасно иметь усыки формой как у Гитлера. За это удовольствие можно было получить реальный срок лишения свободы. Хотя сложно представить, что кто-то в здравом уме на такое решился бы, не будь даже запрета...

Неделя 7.

7–13 сентября

Те чувства и ощущения, которые пришли с появлением бороды, действительно трудно переложить в слова. Может, я ее еще мало ношу, и мы не очень привыкли друг к другу?

Да, борода – это дополнительные проблемы, временные и материальные. Но есть и свои предпочтения. Везде, где бы ни появился мужчина с бородой, он привлекает к себе внимание окружающих. Его облик, форма бородки, манера держаться хорошо запоминаются как мужчинами, так и женщинами. Похоже, я занимаюсь аутотренингом...

Как правило, мужчина с бородой выглядит солидно и важно. А привычка оглаживать бороду свидетельствует о его серьезных размышлениях о смысле жизни. Он как бы

становится талисманом степенности и важности. И в этот период носитель бороды осознает себя полноправным мужчиной!

Неделя 8.

14–20 сентября

С тех пор, как я обзавелся бородой, она меня только радует. В моей жизни стали происходить новые события, а отдельные житейские проблемы заканчиваться положительным исходом.

До меня не сразу дошло, почему:

– машины посреди улицы останавливаются, чтобы меня пропустить на другую сторону там, где перехода нет и в помине;

– балующиеся дети и подростки при моем появлении ведут себя тише и спокойнее;

– ко мне стали чаще обращаться незнакомые люди на улице с разными вопросами;

– хочется тихо и степенно продолжать свой жизненный путь.

Да, многое меняется в мужчине и его окружении с появлением бороды.

Неделя 9.

21–27 сентября

Борода приобретает законченный вид. И уже не ты ей диктуешь свои условия, а она заставляет взглянуть на мир другими глазами. Да, без сомнения, борода меняет мир и взгляды на жизнь, при этом фильтруя ненужное и фальшивое своими волосинками.

Все положительные герои русских сказок и былин имели окладистые бороды, и народный эпос донес до наших дней

народное мнение, что человек с такой бородой не способен на отрицательные поступки. Борода на лице мужчины не для красоты, а от ума.

Неделя 10.

28 сентября – 4 октября

Вот и подошла к завершению десятая неделя эксперимента. Борода выросла, стала привычной и любимой. Вместе с ней выросло мое осознание глубинной сути понятия «бородатый мужчина», его роли и места в социуме безбородых. Сейчас, сидя за компьютером и поглаживая свою бородку, понимаю, что каждому мужчине для полного счастья не хватает одного: бородки, бороды или бородищи. Почему женщины не любят бороды? Ответ простой – у них нет и быть не может по определению этой чудесной растительности в том месте, где она есть у большинства мужчин. А раз у них чего-то нет и этого не изменить, значит нужно делать все возможное и невозможное, чтобы это мужское преимущество было развеяно в пыль. Им, женщинам, многое удалось на этом пути. Выйдите в праздничный день на улицу – сколько мужчин вы встретите с ухоженной, красивой бородой? Не с теми задрипаными, выщипанными, невесть какого вида бородками, а с настоящими красивыми русскими окладистыми бородами. Единицы! Вот эти единицы и есть настоящие русские мужики! Я уверяю вас – все они счастливы, все они благородны, все они продолжают славные традиции своих предков. Вот так-то!

Эксперимент окончен – а мы с бородой живем дальше! ●

Литературно-художественное издание

**Цыганков
Виктор Михайлович**

РОТА, ПОДЪЁМ!

**Редактор Г. Ф. Панова,
Корректор Т. В. Тулупова**

**Оформление и компьютерная верстка:
ООО «Сибирская издательская группа»**

Подписано в печать 16.11.2020. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура PT Serif. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11. Тираж 200 экз. Заказ № 16.

**ООО «Сибирская издательская группа»
E-mail: panovagf@mail.ru**